

Её ужасная НЕЧИИСТЬ

На лицо ужасные — добрые внутри

АЛЕКСАНДРА ЧЕРЧЕНЬ

Annotation

Айлин Тарри знает о профессоре Эйдане всё: он эгоист и разбиватель сердец. От такого лучше держаться подальше – не так ли?

Но Айлин не знает главного: профессор – ламир. Каждый его поцелуй становится для женщины последним, потому что она тут же его забывает. Никаких чувств и обязательств... Идеально для того, кто не верит в любовь.

Но что, если однажды он встретит ту, кого не сможет и не захочет забыть сам?

Новинка от топового автора романтического фэнтези Александры Черчень.

История второстепенного героя книги «Моя прекрасная нечисть», древнего загадочного змея, преподающего в магической академии.

Сильная героиня, в планы которой совершенно не входило становиться «той самой» для эгоистичной нечисти.

Саркастичная хтонь в облике юной девушки, фамилльяр-клептоман и другие обитатели академии, к которым невозможно остаться равнодушным.

Красивое оформление с умильными внутренними иллюстрациями.

- [Александра Черчень](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)

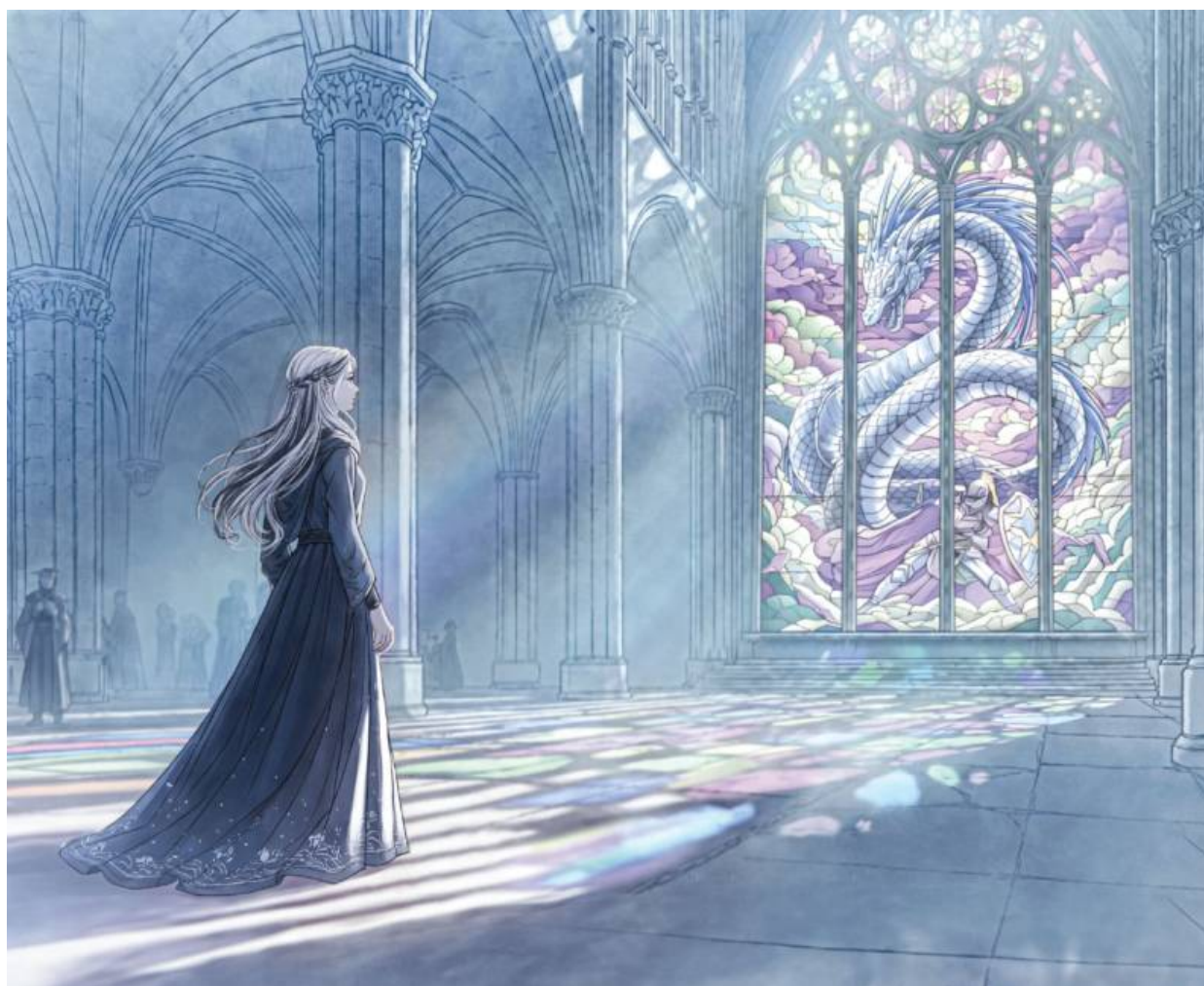
- [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
-

Александра Черчень

Ее ужасная нечисть

© Черчень А., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Как надежно и с гарантией испортить первое впечатление о себе?

К этому делу надо подходить с выдумкой и фантазией! Потому что второго шанса испортить первое впечатление уже не будет!

И за последние годы я без ложной скромности достигла в этом деле немалых высот.

Потому что достойный дядя не терял надежды выдать меня замуж и периодически организовывал свидания вслепую.

Сначала я злилась, сопротивлялась и вела себя в полном соответствии с возрастом нежных девятнадцати лет, когда мне впервые привалило это счастье.

Но с годами стала умнее и поняла, что воевать с добродушным, в общем-то, дядей – гиблое дело. Он из породы людей, которые искренне верят, что всех можно осчастливить, если просто подобрать правильного спутника жизни.

И переубедить его невозможно!

А потому я решила поработать с мнением счастливых претендентов на мою руку и сердце. Но высказывать мужчинам напрямую, что мы не пара, – тоже не вариант. Хотя бы потому, что часть из них почему-то начинают упрямиться. Так что будет лучше, если они придут к этой прекрасной мысли самостоятельно. А я просто помогу.

Так что сейчас, в этот солнечный летний день, в самом приподнятом настроении я шла на очередное свидание с мужчиной, имя которого даже не потрудились запомнить. Потому что второй раз его видеть не планировала. И он тоже будет не рад – уверяю.

Кофейня, которую выбрал мой сегодняшний визави, оказалась милой и уютной: столики на веранде, увитой плющом, легкий ветерок, запах свежей выпечки и кофе.

Почти романтично. Жаль, что романтики не будет.

Я огляделась в поисках жертвы, но почти сразу залипла взглядом на мужчине за столиком в углу. Высокий, светловолосый, с идеальной осанкой и лицом, которое могли бы рисовать с какого-то древнего божества. Белая рубашка с закатанными рукавами, темные брюки, на столе – чашка кофе, к которой он, кажется, даже не притронулся.

И в последнюю очередь я заметила, что на столе в вазе стоит альстромерия – тот самый цветок, который кавалеры обычно приносят на свидание, чтобы дать понять, что это они.

Я осторожно двинулась к столику.

– Добрый день, – первой поздоровалась я, когда на меня вопросительно уставились ярко-зеленые глаза.

– Добрый, – едва заметно улыбнулся он, а после широким жестом предложил мне занять место напротив. – Айлин Тарри, как понимаю? Племянница Теодора.

– Верно, – кивнула я, пытливо вглядываясь в собеседника и прикидывая стратегию.

Одет он был безупречно. Дорого. Со вкусом. Такие обычно любят, когда девушка скромная, тихая и мечтает о детях. Или наоборот – роковых красоток с амбициями. Или...

В общем-то, я была готова к любому раскладу, потому что выглядела нейтрально ровно настолько, чтобы можно было стартовать в любую сторону. Платье не слишком скромное, но и не вульгарное, волосы уложены, макияж дневной. Идеальный холст для импровизации.

Что ему может понравиться меньше всего?

Надо прощупать почву.

Мужчина подозвал официантку и дополнил заказ еще одной чашкой кофе и фирменными десертами. А я рассеянно кивала, изучая точеный профиль.

– Итак, – он повернулся ко мне и едва заметно улыбнулся. – Теодор много о вас рассказывал. Говорит, вы собрались в Хармарскую академию?

– В аспирантуру, – кивнула я. – Нечистоведение.

– Достойный выбор. Хармар славится своей кафедрой. Я, кстати, часто бываю в этом городе.

– А вы в какой сфере работаете? – осторожно поинтересовалась я.

– В образовательной, – кратко ответил блондин и замолчал, видимо не планируя развивать тему.

Интересно, где же дядя с ним познакомился с его невероятно далекой от преподавания специальностью?.. Хотя не исключено, что тетя поспособствовала.

– И давно? – светски осведомилась настойчивая я.

– Достаточно. – Он взял чашку, сделал глоток и посмотрел на меня поверх нее. – А вы, мисс Тарри, всегда хотели стать нечистеведом или это спонтанное решение?

Несколько секунд я пристально на него смотрела и думала, не сейчас ли мне разыграть карту прелесть какой дурочки? По идее, самое время, да и мужчина явно эрудированный, с хорошим словарным запасом... ему точно не понравится!

Но пока решила повременить и честно ответила:

– С детства мечтала. Таскала домой всех подозрительных камнегрызов и листокрутов, пока мама не запретила.

– Камнегрызов? – Его бровь чуть приподнялась. – Те, которые минералами питаются? На второй стадии своего развития.

– Они самые. – Я вздохнула, вспоминая. – Я подобрала его на первой, и сначала он был мил и безобиден. А после вырос, и прогрыз дыру в стене кладовки, и сожрал половину нашей с мамой коллекции полудрагоценных камней. Она до сих пор мне это припоминает.

– А листокруты, полагаю, до растений добрались?

– До фикусов, – кивнула я, невольно улыбнувшись. – От любимого маминого цветка остался только горшок и кучка трухи. Она сказала: или я прекращаю тащить в дом «эту живность», или мы расстаемся. Со мной, не с живностью.

Он чуть приподнял бровь, но в уголках губ определенно пряталась улыбка.

– И чем же все закончилось?

– В свои нежные десять лет я была весьма упорной и не желала сдаваться, а потому выбрала тактику маскировки. Стала приносить только тех, кого можно спрятать под кроватью.

– И как успехи? – едва заметно улыбнулся он. – Обычно это заканчивается провалом.

– Угу. Следующим я нашла шуршика, а они отлично маскируются. Правда, потом он начал воровать мамины украшения, и меня снова рассекретили.

Мужчина тихо хмыкнул, но ничего не сказал. Только отставил чашку и спросил:

– Десерт будете? Говорят, здесь отличный медовик.

– Буду, – кивнула я, с облегчением понимая, что допрос закончен.

Все время диалога я ждала подвоха.

Потому что не может быть, чтобы для такого мужчины последним шансом устроить свои отношения были свидания вслепую!

У него должен быть изъян!

Обычно минусы были достаточно очевидны. Возраст, надменность, махровый шовинизм или тому подобные вещи.

А тут – приятный собеседник.

Нет, дядя обычно предлагал вполне неплохих кавалеров. Были даже очень приятные внешне, но не настолько...

– Вы позволите задать откровенный вопрос? – решила я.

– С места ва-банк? – усмехнулся он. – Извольте.

– Вы правда хотите жениться?

Ну а что, возможно, это как раз тот самый бриллиантовый мужик, с которым я могу быть откровенна, и мы расстанемся взаимно довольные друг другом? Обычно я не играла в открытую, потому что на эти грабли наступала уже трижды. Кавалеры становились, наоборот, настойчивее.

Но этот выглядит как заправский ловелас, вряд ли ему так уж нужен брачный браслет и ревнивая супруга в довесок, верно?

Он взъерошил волосы и уже более широко улыбнулся. Притом не так холодно, как раньше, а ярко, искренне. Мимические морщинки-лучики превратили его идеальное лицо в живое и, как ни странно, еще более притягательное. Если это вообще возможно!

– В перспективе – несомненно. Даже в близкой. Мне действительно не помешает жена.

– Оу...

Какая формулировка интересная, а? «Не помешает».

На самом деле его ответ меня расстроил. Видимо, придется возвращаться к изначальному плану.

– Знаете, мисс Тарри, – вдруг сказал он, откидываясь на спинку стула и с легкой усмешкой глядя на меня, – вы очень интересная барышня, и, надо признать, даже на все сто процентов в моем вкусе...

– Вынуждена признаться!

Я так возрадовалась, что даже перебила собеседника, но очень уж хотелось поскорее начать... заканчивать нашу прекрасную встречу. Потому что в этот раз дядя и правда подогнал мне на свидание мужчину, глядя на которого думалось, что все твои цели и планы в целом не настолько и важны.

Опасенькие мысли!

Опасный мужчина. От такого надо делать ноги до того, как окончательно размякнут мозги.

– Что?..

– Не могу вас обманывать – слишком уж душевно общаемся! – со вздохом сказала я. – Как понимаю, вас привлекла внешность?

Меня смерили долгим, изучающим взглядом, и в зеленых глазах отчетливо мелькнули искорки смеха, но после он кивнул и сказал:

– Вне сомнений, ваша внешность может привлечь.

– Так вот, все, что вам понравилось, – не настоящее. Косметология творит чудеса. А уж хирургия! – Я выдвинула грудь вперед и заговорщическим тоном призналась: – Сто золотых! Рада, что вы оценили!

Он озадаченно уставился на мои предполагаемые вложения.

– Эм... немного не понимаю, почему вы мне это говорите.

– Ну как... вы же хотите детей? Наверняка хотите! Так вот – представьте, что они могут пойти в меня?

«Сто золотых» опять удостоились внимания, а после он растянул губы в ленивой улыбке.

– Не могу сказать, что это плохо.

– Плохо! Потому что вы даже вообразить себе не можете, как я выглядела до чудес косметологии. Детишки могут уродиться страшненькими.

– Совсем уж страшненькими не уродятся.

– С чего это?

– С того, что я очень красивый. Гены перебьют.

Скромность – это не про него, да?

– Ну... – Мозги лихорадочно работали над тем, что можно испортить еще, и я, подавшись вперед, сообщила: – Вообще-то нет предела совершенству. Самооценка – это, конечно, прекрасно, но я могла бы дать вам адресок клиники...

– Зачем?

– Никто не идеален, а у вас... у вас...

Проклиная свой слишком длинный язык, я пристально оглядывала внешность своего визави в поисках хоть одного недостатка. Хоть маленького! Как назло, даже если придирааться – он был слишком хорош! Но...

– Нос!

– Что?..

– Ваш нос. Право, можно и меньше.

Простите меня, все боги разом, за то, что иду против совершенства. Но выбора нет.

Я сжала пальцы в кулак под столом. Мама и так слишком многое пережила из-за меня. Из-за того, кем я родилась. Из-за тайны, которую мы обе храним столько лет. Я не имею права рисковать – ни своей свободой, ни ее покоем. Даже ради зеленых глаз и идеального профиля.

Тем более ради них.

– Ладно... милая леди, повеселились – и будет. Позвольте, я все же закончу фразу, которую вы перебили пять минут назад?

– Извольте, – почему-то смутилась я.

– Вы, конечно, на все сто процентов в моем вкусе, – повторил он, глядя мне прямо в глаза, – но в данный момент отношений я не ищу и на эту встречу пришел лишь из уважения к вашему дяде. И потому, что он потратил на нее одну просьбу, которую я обещал выполнить.

Так стыдно мне не было... да лет с пятнадцати, когда меня застукали за кражей пирожков и кухарка, не стесняясь, отходила полотенцем, а после оттаскала за уши.

– Вот оно что...

– Но ваша попытка меня оттолкнуть была очень милой, не спорю. – В его голосе отчетливо звучала насмешка. – Правда, стоит или потренироваться в актерском мастерстве, или не прибегать больше к таким далеким от вас крайностям. Проницательных людей вы вряд ли сможете обмануть.

Если минуту назад мне казалось, что я познала все грани стыда, то сейчас выяснилось, что может быть еще более неловко.

– Я запомню, – процедила я сквозь зубы, чувствуя, что сейчас сгорю заживо прямо здесь, за этим дурацким столиком.

– Вот и славно. – Он поднялся, элегантным жестом положил на стол несколько монет, а после достал из вазы альстромерию, положил передо мной и коротко кивнул: – Всего доброго, мисс Тарри.

И ушел.

А я осталась сидеть, глядя на остывающий кофе, и думала: «Какой кошмар. Какой позор. Надеюсь, больше никогда в жизни его не увижу».

Обычно я достаточно быстро отпускаю ситуацию, не имею привычки бесконечно проигрывать ее в мозгу и воображать, как я должна была сказать или поступить.

Но сейчас все было по-другому!

Демонов безымянный блондин (а я так и не удосужилась узнать, как его зовут, какая умница, да?) посеял в моей голове столько семян сомнений, что только диву даешься.

И семечки явно были мутировавшие, потому что проросли в ускоренном темпе и сейчас во всей красе колосились стыдом и тревогой.

Я мигом вспомнила, что про него знаю только три вещи. Он красив, умен и работает в сфере образования.

А он про меня... даже то, что в детстве я таскала домой безобидную нечисть и под кроватью у меня жили шуршики, которые тырили мамины украшения!

В заключение я настолько перепугалась того, что он может мне по-настоящему понравиться, что сунула под нос бедолаге все свои верхние роскошества и поделилась тем, в каком месте и за сколько я их приобрела.

Соврала, конечно... откуда у меня сто золотых?..

Я встала, несколькими глотками допила кофе и, неведь почему прихватив с собой оставленный мужчиной цветок, вышла из кофейни. Немного подумав, повернулась на каблуках и нырнула в один из переулков изученной вдоль и поперек столицы.

Хотелось быстрее оказаться дома, но если идти по главным проспектам, то это будет слишком долго. А сейчас день, и магтрамваи ходят с большими интервалами в расписании.

Спустя минут десять я оказалась у задней калитки небольшого, но вполне респектабельного двухэтажного домика в хорошем районе.

Изначально резиденция Тарри была в центральном округе и представляла собой домину, в котором я в детстве даже как-то потерялась. Мы редко в нем бывали, только если дела отца требовали его длительного присутствия в столице.

Тогда все шло хорошо. Но после его смерти, увы, мама не смогла сразу влиться в управление делами, и за несколько лет мы потеряли... достаточно много.

Потому сейчас род наш хоть и благородный, но похвастаться большим состоянием не мог. А после смерти отца так все и вовсе

пришло в упадок, потому-то дядя и пытается выгодно пристроить меня замуж. Из самых благих побуждений.

Миновав маленький ухоженный сад, я зашла в дом и, перепрыгивая через две ступеньки, взлетела на второй этаж, в свою небольшую спальню.

Там меня уже ждали.

Хильда сидела на спинке кровати и чистила белые перья, но стоило мне влететь в комнату, как на меня внимательно уставились круглые желтые глаза.

– Ну и как прошло? – ухнула она.

– Угадай, – вздохнула я.

– Судя по лицу – ты в ужасе. Либо влюбилась, либо кого-то убила.

– Ни то ни другое! – Я рухнула на кровать лицом в подушку. – Я опозорилась! Хильда, я так опозорилась!

– Давай-ка по порядку.

Хильда – полярная сова и мой фамилляр. Мы вместе с подросткового возраста, поэтому она, разумеется, давно знала о вынужденном развлечении, заключавшемся в отпугивании джентльменов разной степени воспитанности. И знала, куда я сегодня иду.

Я коротко поведала о загадочном красавчике, о приятной беседе и о том, куда оно все пришло. К рассказам про чудеса косметической магии и предложению поработать с носом!

– И знаешь, что самое обидное? – Я приподнялась на локтях и посмотрела на Хильду. – Он с самого начала не собирался ни на ком жениться! Просто пришел из вежливости! А я... я перед ним распиналась, грудь свою расписывала, нос ему предлагала уменьшить...

– Так он тебя с самого начала разыгрывал? – уточнила Хильда.

– Нет! В том-то и дело, что нет! Он просто молчал и слушал! А я сама... сама!

Из-под второй подушки высунулась любопытная мордочка Финика. Его огромные уши подрагивали от волнения, а гибкие пальчики нервно теребили ткань покрывала.

– Госпожа Айлин, а он был страшный? – пискнул шуршик. – А вдруг он маньяк? А вдруг он следит за вами? А вдруг он теперь придет и убьет нас всех за то, что вы ему нос предложили уменьшить?!

– Финик, замолчи, – сказали мы с Хильдой хором, и животинка обиженно спряталась обратно.

– И чем все кончилось, Айлин? – уточнила сова.

Я пересказала финальную часть, и, когда дошла до фразы «а он просто пришел выполнить просьбу», Хильда издала звук, очень похожий на смех.

– Деточка, – сказала она, – язык твой – враг твой.

– Спасибо за поддержку.

– Пожалуйста. Но вообще ты меня удивила – не первый раз же!

Я перевернулась на спину и, глядя в потолок, со вздохом сказала:

– Возможно, это потому, что он был слишком не похож на обычных дядиных кандидатов. Я растерялась и натворила... да вот чего натворила.

Финик, поняв, что убивать нас пока не пришли, успокоился, вылез обратно и теперь с интересом разглядывал цветок, который я все еще сжимала в руке.

– Госпожа Айлин, а это что? – пискнул он. – Вы цветочек украли?

Какого прелестного мнения обо мне моя же личная нечисть, да?

– Это альстромерия, – вздохнула я. – Он мне ее оставил, а я забрала. Просто... не знаю. Зачем-то забрала.

Хильда многозначительно ухнула.

– Ну да, просто так, конечно. Для гербария.

– Отстаньте от меня оба, – буркнула я, вновь зарываясь лицом в подушку.

– Отстать не можем, сама знаешь. – Голос Хильды стал деловитым. – Завтра мы выезжаем в Хармар, так что надо много чего собрать. А потому на страдания у тебя, дорогая, еще буквально минуты три! Если не успеешь – продолжишь после отбоя, уже ночью, – щедро разрешила фамильяра.

Я приподнялась на локтях и посмотрела на нее с ужасом.

– Какая ночь? Какой отбой? Я вообще-то морально травмирована!

– Травмирована будешь потом, – отрезала Хильда. – А сейчас вставай и иди собирать вещи. И цветок свой заberi, а то Финик его сожрет от любопытства.

Я перевела взгляд на шуршика. Тот уже подобрался к альстромерии и тянул к ней гибкие пальчики, явно намереваясь исследовать «трофей» на прочность.

– Финик, нельзя! – рывкнула я, выхватывая цветок.

– Почему? – удивился он. – Он же красивый. Я хотел понюхать, а вовсе не есть – это поклеп и провокация от Хильды!

И оба этих термина можно считать вторым именем моей совы.

– Потому что... – я запнулась. Потому что что?

К счастью, Финик уже обиделся и ответа от меня не требовал. Я повалялась еще минут пять, а после вздохнула, сползла с кровати и поплелась к шкафу.

Альстромерию я поставила в стакан с водой на прикроватную тумбочку.

На всякий случай.

Или не на всякий. Я и сама не знала.

Но одно я знала точно: через три дня я буду в Хармаре. В академии, о которой мечтала. Без дурацких свиданий, без дядиных попыток сделать нашу жизнь лучше, без риска случайно встретить на столичных улицах...

Я замерла. Он ведь не из столицы.

Как там, работает в образовательной сфере? Какова вероятность того, что в Хармаре не одно учебное заведение?.. В целом есть, но... мигом стало очень тревожно!

Мысленно я застонала.

– Хильда, – жалобно позвала я. – А вдруг он там работает?

– Кто?

– Ну он. Безымянный блондин.

Хильда замерла на спинке кровати, переваривая информацию. Потом очень медленно, с расстановкой, произнесла:

– Ты хочешь сказать, что опозорилась перед человеком, который может оказаться твоим преподавателем?

– Или деканом, – убито добавила я. – Или ректором. Я не знаю. Он не сказал.

Катастрофизация событий в голове стремительно набирала обороты.

– Деточка, – сказала она, – собирай вещи. И молись всем богам, которых знаешь, чтобы он оказался садовником.

– Почему садовником?

– Потому что садовники редко принимают экзамены у аспирантов.

Я осенила себя кривым знаком Единого, вознесла ему же краткую молитву на тему «и не опозорены вы будете», открыла дверь шкафа и вытащила оттуда новенький, вкусно пахнущий кожей чемодан.

Подарок дяди Теодора на окончание королевского университета. Торжественно вручил и, разумеется, много шутил на тему того, что я наконец-то уеду из дома. Потому что когда я училась, то, конечно же, в общежитие меня матушка не отпустила из-за больших волнений.

Ну и по вполне логичным причинам. Потому что если ты живешь с кем-то бок о бок в одной комнате, то гораздо тяжелее скрыть некоторые свои особенности.

А потому, по сути, я впервые выходила во взрослую жизнь.

Завтра утром стационарный столичный телепорт унесет меня в далекий Хармар. И мы с Хильдой и Фиником наконец-то станем самостоятельными!

На деле большая часть вещей у меня уже была отложена и аккуратно висела на вешалках. Я купила несколько костюмов, так как бегать в легкомысленных платьицах уже как-то несолидно! Ведь кроме обучения у меня, возможно, уже в этом году будет даже преподавательская деятельность!

Конечно, если научный руководитель доверит.

Переложив все нужное в чемодан, я повесила отдельно теплые вещи, которые мама вышлет мне через пару месяцев к тому моменту, как похолодает, и, выдохнув, уселась возле туалетного столика.

Все же насколько утомляют сборы!

И увлекают, конечно. Я совершенно пропустила тот момент, когда фамильяра и шуршик вышли из спальни. Хильда, наверное, полетела охотиться, а Финик поскакал перепрятывать свои сокровища. Клептоман несчастный.

Иногда мне казалось, что если мы все же найдем его тайники, то несказанно озолотимся. Куда там драконам с их запасами до шуршиков!

Притом память у него на собственные же хранилища была как у рыбки. А потому Финик вечно мнил себя бедной, несчастной, обездоленной нечистью.

Я покрутила в пальцах альстромерию – цветок так и стоял в стакане на тумбочке. И зачем я его притащила?

– Добрый вечер, солнышко, – мягкий голос раздался одновременно с тихим скрипом открываемой двери.

Я вздрогнула и резко вскинулась, едва не опрокинув стакан.

– Заходи, мам, – отозвалась я, ставя цветок обратно.

В комнату скользнула Эльза Тарри – как всегда, невозмутимая и изящная даже в домашнем халате и с распущенными светлыми

волосами.

Как правило, дети или очень похожи на своих родителей, или, напротив, являются их диаметральной противоположностью.

Я относилась ко второй категории.

Моя мама, виконтесса Тарри, всегда выглядела как нежная роза, воплощенная леди, квинтэссенция элегантности. Женственность во плоти, притом если у меня это была одна из масок, то матушка вполне органично жила в этом образе.

И в данном амплуа были как безусловные плюсы, так и очень весомые минусы. Благодаря которым мы и потеряли большую часть состояния в первые годы после смерти отца.

– Собралась уже? – спросила она, кивая на чемодан.

– Почти. Остались только амулеты и прочие косметически-маскировочные вещицы. Ну, ты понимаешь...

Она подошла ближе и коснулась моих волос.

– Корни отрастать начали... мне даже жаль, что такую красоту приходится прятать.

– Утром покрашу, не переживай.

– Айлин... – начала мама и запнулась.

Я сразу напряглась. Она редко называла меня полным именем. Обычно «милая», «родная», «солнышко». Полное имя значило, что разговор будет серьезный.

– Ты там... будь осторожна, – выдохнула она наконец. – Я не про быт. Ты знаешь, о чем я.

Поддавив тяжелый вздох, я лишь кивнула.

– Знаю, мам.

Она смотрела на меня своими светлыми глазами – в них плескалась тревога, которую она годами училась прятать.

А я со свойственной молодости уверенностью считала, что раз за десять лет не спалилась перед общественностью в том, что я не человек, то и дальше не раскрою себя. И мамины волнения на деле уже скорее утомляли, чем заставляли меня увеличить бдительность.

– Если что-то пойдет не так... если ты почувствуешь, что не справляешься, то сразу отправляй письмо почтовой шкатулкой. Или через Хильду передавай! Мы что-нибудь придумаем.

Угу, заберем меня из страшной взрослой жизни и опять запихнем под родительское крылышко. НАВСЕГДА.

– Мам. – Я встала и взяла ее за руку. – Все будет хорошо. Я справлюсь.

– Да, конечно... прости, я просто переживаю. Ты всегда справлялась, – тихо сказала она. – Ты сильная.

– Спасибо.

– В меня. – Она грустно усмехнулась. – И в отца.

Я не стала уточнять, которого из двух.

Мы еще немного поговорили, и мама, крепко обняв меня, ушла. Утром она должна была уехать еще раньше меня, а потому прощаться пришлось сегодня. Но меня это даже радовало – не люблю лишних слез у крыльца.

Глава 2

Дорога до Хармара должна была стать достаточно легкой. Потому что всего-то делов: доехать в нанятом экипаже до вокзала, пройти регистрацию и воспользоваться телепортом.

А там на магтрамвае до самой Хармарской академии – рукой подать!

Так я думала.

Реальность внесла свои коррективы с самого начала, начав с того, что еще ночью Финик все же сожрал альстромерию! И все время до вокзала он переживал, как же его хрупкий организм отреагирует на незнакомую пищу.

А после его тошнило в переноске от телепорта!

И в заключение, вишенкой так сказать, все время, что мы ехали в общественном транспорте уже в Хармаре, он умирающим голосом вещал из переноски:

– А то изумрудное кольцо я завещаю вам, госпожа. Оно в дупле на старом вязе, что растет у кухни.

– Спасибо, – сквозь зубы ответила я, поерзав под взглядом какой-то неприятно выглядевшей старушечки, с которой мы сидели друг напротив друга в магтрамвае.

– Пожалуйста, – жалобно донеслось из сумки, и тоненькие пальчики расстегнули застёжку. Глазастая морда высунулась наружу. – А сережки с рубинами...

– Ты их тоже спер?

– Я... нашел. На полу в спальне вашей мамы и нес ей, но потом внезапно споткнулся и упал в свое дупло.

– Ударился головой и выронил серьги, – мрачно проговорила Хильда из своей накрытой чехлом клетки. – И так как удар был силен, ты лишился памяти.

– Да! И только сейчас, перед лицом смерти, вся жизнь у меня перед глазами. Буэ... – Шуршик выразительно прижал к носу платочек.

– Сам стирать будешь, – предупредила я.

– Вы жестокая, госпожа, – вздохнула моя ипохондрическая нечисть и скрылась обратно в переноску, закрыв за собой дверцу.

– Айлин, напомни, почему мы его держим? – вздохнула Хильда.

- Из любви к ближнему.
- Мелкая у нас любовь какая-то.
- Так и ближний не крупный, – хихикнула я в ответ.

Бабка не выдержала нашего прекрасного диалога, встала и на следующей же остановке покинула трамвай.

Оглядевшись, я поняла, что кроме нас тут буквально несколько пассажиров, и стянула верхнюю часть чехла с клетки, давая фамильяре больше обзора.

– Быстро сбежала, – прокомментировала Хильда, проводив бодрую старушку взглядом. – А ведь могла бы еще послушать про наши семейные драгоценности.

– Какие семейные? – фыркнула я. – Финик врет как дышит, а дышит он часто. Нет у него никаких изумрудов.

– Это вы зря, госпожа, – обиженно донеслось из переноски. – У меня очень хорошая коллекция!

– Угу. Где-то на несуществующем вязе, потому что рядом с кухней в городском доме у нас ничего не растет!

– Это не отменяет того, что коллекция прекрасная. Просто я ее... ну...

– Забыл, где спрятал?

– Временно утратил координаты, – достойно поправил шуршик.

– Видимо, для того, чтобы их снова обрести, надо тебя как следует травануть, – хмыкнула Хильда, а после подалась вперед и, подняв лапу, выразительно перебрала в воздухе здоровенными черными когтями. – Или тебя надо как-то по-другому мотивировать? Раз от близости верной смертушки память проясняется!

Пока мои питомцы, как обычно, выясняли отношения, магтрамвай неспешно полз по широким улицам Хармара. Я с любопытством вертела головой, пытаюсь одновременно рассмотреть и архитектуру, и прохожих, и вывески, и – самое главное – не пропустить остановку.

Город оказался совсем не похож на столицу. Здесь было... спокойнее, что ли. Дома ниже, небо шире, люди не бегут сломя голову, а идут неспешно, с достоинством. Даже воздух пах иначе.

– А неплохо тут, – заметила Хильда.

– И природа красивая, – отозвалась я. – Я читала, что вокруг академии огромный парк, чуть ли не лес.

– Лес – это замечательно, – мечтательно протянула сова. – Мыши, белки...

Да, охота – это хорошо...

Я даже соскучилась, если честно, так как в последний раз могла дать себе волю только в загородном поместье. Но это когда было?.. Еще зимой, наверное!

Тут рельсы вильнули, мы подъехали к большой площадке, и я поняла, что наконец-то наша остановка! Схватила чемодан, клетку с Хильдой, переноску с Фиником и прыгнула на платформу, пока двери не закрылись.

Перехватила вещи поудобнее и задрала голову, рассматривая возвышающиеся впереди огромные арочные, сейчас распахнутые ворота. За ними начиналась широкая аллея, уходящая в глубь парка, а вдали, над верхушками деревьев, угадывались шпили и башни.

– Ну, – глубоко вздохнула я, – здравствуй, Хармар.

– Айлин, мне кажется или у них на гербе змея жрет сову? – вдруг тревожно поинтересовалась Хильда. – Ну ты глянь! Над аркой висит!

Я пригляделась. Сова сидела на песочных часах, вокруг которых кольцом обвивалась змея.

– Эм... вроде не жрет, – неуверенно сказала я. – Сова сидит на часах, а змей вокруг них.

– Но пасть-то над башкой совы раззявил!

– Хиль, вряд ли неведомые змеи в Хармаре только тебя и ждали, чтобы слопать, а? И вообще, змея хвост кусает – это символ вечности. Вечное стремление к истине, – вспомнила я чьи-то умные слова.

– Ну, может, и не меня, а тебя?!

– Тсс! – шикнула я, поудобнее перехватив клетку. – Во-первых, думай, что и где говоришь. А во-вторых, вакантное место паникера в нашей троице уже занято Фиником. Не претендуй на чужие социальные роли! Так что не чирикай.

– Я ухаю.

– Тогда не ухай.

Спустя несколько минут я добралась до центрального административного корпуса. Поднялась на второй этаж, где располагался отдел аспирантуры, и зашла в указанную дверь.

В небольшой приемной пахло бумагой и сургучом. За столом сидела женщина средних лет в строгом костюме и квадратных очках.

– Айлин Тарри, – представилась я, протягивая папку с документами. – Из столицы, по направлению на кафедру нечистоведения.

– А, да-да. – Женщина приняла бумаги, пробежала по ним глазами. – Сейчас посмотрим... Так, фамильяр у вас с собой?

– Сова, – кивнула я. – И питомец – шуршик. Разумная нечисть.

– Им потом придется пройти отдельную аккредитацию на факультете. Но это уже не ко мне, там скажут. – Она поставила какую-то пометку и вдруг нахмурилась. – Хм...

– Что-то не так?

– Хм... – озадаченно почесала кончик носа работница канцелярии. – К сожалению, научный руководитель, к которому вы были приписаны, не сможет вас вести.

– В смысле?

– В прямом. Его вчера грызозуб покусал.

– Магистра?! За что?

– Никто не знает, – философски заметила женщина. – Грызозубы вообще существа загадочные. Может, ему лицо не понравилось. Может, он просто позавтракать хотел. Факт в том, что магистр Корвис теперь в лазарете, а его правая рука – отдельно, в холодильной камере. Целители обещали пришить обратно, но не раньше чем через месяц. И потом еще полгода на восстановление.

– Руку? Пришить?!

Еще и через месяц! Я, конечно, слышала, что не только косметологическая область творит чудеса, но не настолько же.

– Ну да. А вы что подумали? – Женщина посмотрела на меня с подозрением. – Не волнуйтесь, пришьют. У нас целители опытные.

– А грызозуба того... – невесть зачем спросила я. – Наказали?

– За что? – искренне удивилась женщина. – Он же животное. В смысле нечисть, но неразумная. Ему просто вкусно было.

– Ага...

– А вы не переживайте, – успокоила она, видя мое лицо. – Сам декан выразил готовность вас взять. Поверьте, это очень большая честь.

Я с охотой поверила. Деканы в качестве научруков на дороге не валяются.

– Итак, вот эти документы вам, мисс Тарри, надо отнести на ваш факультет. А вот это схема академии, расписание и ключи от ваших апартаментов в аспирантском блоке. Я сразу у завхоза все взяла, там уже подготовлено. Если чего-то будет не хватать, то обращайтесь к нему же.

– Хорошо, спасибо.

Я забрала увесистую стопку бумаг, ключи и вышла в коридор. Первым делом развернула план академии – огромный лист, испещренный мелкими значками. Башня нечистоведов, общежитие, библиотека, оранжерея, несколько учебных корпусов... Жить, судя по всему, предстояло в южном крыле аспирантского блока, прямо через парк от главных зданий.

– Ну что, – обратилась я к клеткам. – Сначала заселяемся, потом я пойду знакомиться с научруком.

– Может, выпустишь полетать? – тут же оживилась Хильда, услышав про мои планы. – Сидеть в комнате и ждать тебя не хочется. Я лучше окрестности разведую, мало ли где тут мыши водятся... или кто повкуснее.

– А я вот посижу, – пискнул Финик из своей переноски. – В полной безопасности, пока госпожа не вернется.

И вот так было всегда. Шуршик гнездовался дома, а Хильда осваивала новые территории. Сова у меня, несмотря на то что была далеко не молода, по-прежнему отличалась жизнелюбием и любопытством, потому в любую свободную минуту изучала что-то новое. И не важно, местность это или какая-нибудь книга. Да, Хильда умела читать!

Я была у нее далеко не первой хозяйкой, но о предыдущих владельцах сова не распространялась. Я лишь знала, что последний умер и у него не осталось наследников, да и завещание он написать не удосужился, а потому Хиль вернули в реестр свободных фамильяров, где мы с ней довольно быстро нашли друг друга.

– Ладно, лети, – разрешила я, открывая клетку. – Только к вечеру вернись, чтобы я знала, что ты жива-здорова.

– Куда я денусь, – философски заметила сова, выбралась наружу, пару раз взмахнула крыльями и, не прощаясь, улетела в сторону парка.

Я подхватила уже пустую клетку, переноску с Фиником и отправилась заселяться.

Аспирантский блок оказался аккуратным трехэтажным зданием из светлого камня, утопающим в зелени. Внутри пахло свежей краской и лаком, видимо, недавно закончили косметический ремонт. Я поднялась на второй этаж, нашла дверь с номером 7 и с некоторым трепетом вставила ключ в замочную скважину.

Дверь открылась, и я замерла на пороге.

Внутри оказалось... просторно. Очень просторно. Гостиная с мягким диваном, парой кресел и низким столиком явно располагала к посиделкам. Из нее вели три двери, я заглянула в ближайшую и поняла, что мне невероятно повезло.

Комната оказалась раза в полтора больше моей спальни дома! Сюда поместилась и широкая кровать, и большой письменный стол у окна, и вместительный шкаф, и даже крошечная личная ванная – тесная, зато своя. После того как подруги в университете рассказывали про «удобства на этаже», я очень оценила этот неслыханный сервис.

Соседок моих еще не было, притом, судя по распахнутым дверям и совершенно пустым комнатам, быть может, мне повезет и их не будет вообще! Стану жить как королева!

– Ничего себе, – восторженно выдохнула я.

– Госпожа, а тут безопасно? – пискнул Финик, высовывая нос из переноски.

– Тут очень мило, спокойно и вокруг парк, – успокоила я его. – Так что можешь не бояться.

– А вдруг в парке волки?

– Финик, в академическом парке не бывает волков.

– А вдруг бывают, но просто никто не знает? Или грызозубы?! Вот они тут точно бывают! Страшно, очень страшно...

Финик вздохнул, забился в угол кровати и накрылся своим любимым платочком.

Устроив питомца, я подхватила папку с документами и отправилась в башню нечистеведения знакомиться со своим будущим наставником. Узнала, где его кабинет, и, уже стоя у двери, прочитала там: «Кайшер Эйдан. Декан факультета нечистеведения».

Имя показалось смутно знакомым, но в памяти сразу ничего не всплыло, а потому я смело постучала, толкнула дверь и зашла.

Кабинет большой, половина рабочая зона, а вторая половина, судя по всему, личная библиотека. За столом никто не сидел, но со стороны стеллажей слышалось шуршание, а после глубокий баритон сказал:

– Располагайтесь, мисс. Я сейчас освобожусь.

И голос тоже знакомый, садясь в кресло, поняла я. Не к добру, да? Все, что тебе знакомо, но ты этого не помнишь и смутной радости не испытываешь, – не к добру!

И когда декан нечистеведения Кайшер Эйдан появился из-за книжных полок, я поняла, что интуиция меня не подвела.

Именно с ним я сидела в кофейне буквально вчера.

– Здравствуйте еще раз. – Он, казалось, ни капли не смутился. – Как добрались?

– Добрый день, – с некоторой запинкой ответила я и мысленно прикинула, насколько трусливым будет сделать вид, что я впервые его вижу? Выходило не то чтобы трусливо, скорее незрело и глупо. А потому я ответила: – Прошу прощения за свою растерянность. Я внезапно поняла, что тогда вы так и не представились.

– Я-то знал, кто вы, – едва заметно усмехнулся мужчина. – И потому, когда мне недавно принесли документы и попросили найти научного руководителя для новой аспирантки, понял, что не смогу отказать.

– И неужели не нашлось кого-либо... менее занятого? – с тоской спросила я.

– К сожалению, на моем факультете не так много преподавателей, кто мог бы такое взять. Вы, конечно, можете подать заявление в другие учебные заведения, но, боюсь, ввиду того, как мало осталось времени до учебного года, вероятность, что вас примут, очень мала.

И он прав.

Ладно, свое я отстрадала вчера, и надо сказать, что предвкушение проблем оказалось страшнее, чем их наличие в реальности. Потому мучиться повторно я не намерена!

И вообще, в конце концов, это просто работа! Он – мой научный руководитель, а я – его аспирантка. Все остальное решительно не важно.

– Что ж, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и деловито. – Значит, будем работать вместе. Надеюсь, прошлая встреча не повлияет на наши рабочие отношения.

Ну а что, про такое лучше сказать сразу. Даже если он и думал придерживаться неформального общения (в чем сомневаюсь), сейчас точно станет держать дистанцию.

Кто молодец? Я молодец.

– Ни в коей мере, мисс Тарри.

Он встал, обошел стол и протянул мне руку, и я поднялась, чтобы ответить на рукопожатие. И как хорошо, что обошлись без целования ладошек. Говорю же – явно умный мужик.

Даже жаль теперь, что, во-первых, ему никого не надо, а во-вторых, мне тоже.

– Добро пожаловать в Хармар, Айлин, – сказал он, и в его голосе не было ни капли насмешки – только искреннее, почти теплое приветствие.

– Спасибо, – ответила я, чувствуя, как напряжение наконец отпускает.

– Уверен, у вас все получится. – Он отпустил мою руку и вернулся за стол. – А теперь давайте посмотрим ваши документы и обсудим план работы на ближайший семестр.

Я кивнула и села обратно в кресло, уже гораздо спокойнее.

Пока Кайшер изучал мои бумаги, я позволила себе осмотреться.

Кабинет при ближайшем рассмотрении оказался еще интереснее, чем показался сначала. Да, стеллажи ломились от книг – от древних фолиантов в потрескавшейся коже до современных трудов в коленкорových переплетах. Но помимо них здесь было... много чего еще.

На отдельном стенде-витрине у стены расположилась целая коллекция артефактов. Часть я опознала сразу: определители магического фона, несколько видов ловушек для мелкой нечисти, пара анализаторов состава.

Стол у декана тоже был весьма интересный. Но не только кучей бумаг, красивыми канцелярскими принадлежностями и пресс-папье, а и старым, потускневшим бронзовым компасом, который явно не реагировал на стороны света. Потому что слегка светился и стрелка его указывала в сторону выхода из кабинета. Ну и заодно на меня, что сидела на пути к нему.

А на подоконнике, в самом центре, расположилась... ну, положим, змея. Только почему-то с лапами. Я мысленно перебрала известные виды. Не василиск, те крупнее. И не ламийская тварь, у тех лапы только в боевой форме появляются.

Прямо под окном на полу стояла клетка. Пустая. Но не обычная – прутья ее были испещрены рунами, которые я узнала: усиленные магические барьеры, подавители способностей, парализующее поле. Такую клетку не для мышек ставят. Для кого-то серьезного. Или для чего-то, что могло бы сбежать.

Интересно, кого тут держали? Или держат, просто сейчас выпустили погулять?

Я встретилась взглядом со змеей, и она мне... подмигнула.

– Любопытствуете? – раздался голос от стола, и змея отвернулась.

– Некоторым образом, – совсем не смутилась я, не посчитав это чем-то зазорным.

– И каковы выводы?

Хм, и что бы озвучить?

– Пока успела удивиться только неработающему компасу, – выбрала я самый безобидный предмет.

– А вы наблюдательны, мисс Тарри. Это радует. – Он отложил бумаги в сторону. – Компас и правда особенный. Он реагирует не на стороны света, а на присутствие высшей нечисти. В человеческом виде их практически никак не отличить от людей, а потому вещь полезная.

– Я слышала о таких артефактах, но в исследованиях писали о большом проценте погрешностей. Да и вроде как изобретение свежее, а ваш компас... старый.

– Нашли во время раскопок на Иммерзильских болотах. Но мы отвлеклись. Итак, насколько я вижу в вашей заявке, вы хотите писать диссертацию на тему птичьих видов нечисти. Я бы предложил вам взять смежную тему, а именно эволюцию разума у тех же птичьих видов. Поскольку я не магистр Корвис и у меня специализация именно по разумной нечисти, так я смогу вас вести и дальше.

– Да, как скажете, – с охотой кивнула я, так как не видела в предложенных переменах ничего дурного.

– Отлично. Тогда вот вам список литературы, я как раз подготовил. И на следующей встрече уже коснемся темы защиты диссертации и того, кто именно будет вашим оппонентом.

– Спасибо, профессор.

После того как мы обсудили ряд мелких нюансов и попрощались, я вышла на улицу и неторопливо двинулась к центральной аллее парка.

В целом все действительно оказалось не так страшно!

Профессор Эйдан произвел впечатление очень спокойного, разумного и проницательного человека. Потому проблем с ним не должно быть, не так ли?

Так что план остается тем же: общаться только по делу, спокойно получать образование и не высовываться.

Мне же не нужны конфликты, не так ли?

С этой мыслью я провела вечер, а после и ночь.

И даже утро!

Пока не случилось то, что случилось.

КАЙШЕР ЭЙДАН

Декан задумчиво смотрел на дверь, за которой только что скрылась Айлин Тарри.

Длинные пальцы задумчиво прокручивали перстень на пальце, что давно уже стало привычкой и способом занять руки.

Кайшер Эйдан любил порядок. Когда все ниточки сходятся вместе, каждый шаг просчитан, а любое событие имеет причину и следствие.

И за прожитые годы он научился видеть эти ниточки в людях.

Но сейчас, глядя на закрытую дверь, Кай поймал себя на мысли, что ниточка, ведущая к Айлин Тарри, запуталась где-то в самом начале. Девушка не вписалась ни в один из его сценариев.

Хотя надо сказать, что прекрасный пол не баловал его разнообразием поведения. Особенно если дева была молода и еще не умела скрывать, какой эффект на нее производило его присутствие.

А вот Айлин... хм, не очень изящно, но все же пудрила ему мозги, пытаюсь отделаться.

Забавная. Горячая, что так свойственно юности...

Не безупречно красивая, но миленькая. И, пожалуй, настолько в его вкусе, что, если бы она не была племянницей уважаемого им Теодора, он бы, возможно, позволил себе продолжить знакомство в менее формальной обстановке.

Но сейчас было интересно даже не это... А то, что древний компас мало того, что ожил, как только девушка зашла в кабинет, так еще и показывал... на нее, а не куда-нибудь. Хотя еще получасом ранее безжизненная стрелка указывала на окно.

И это было очень интересно!

Он проверил ее документы еще до прихода. И Айлин Тарри была чистокровным человеком, притом из аристократического рода, который дорожил кровью без примесей.

Но компас... компас не ошибался никогда.

Значит, либо он ошибся впервые, либо Айлин Тарри – не та, кем кажется и кем значится во всех своих документах.

Но главная интрига была в том, что компас разоблачал совсем не высшую нечисть, ведь было бы неловко, если бы игрушка ткнула в него самого, не так ли?

О нет, эта вещь должна была помочь ему найти одно очень особенное существо. И Кайшер рассчитывал, что пригодится она ему не раньше визита в земли двуипостасных, поклоняющихся Многоликому Хайвупуатлинену.

Краем глаза он заметил, что змея с лапами, до этого сидевшая на подоконнике, вдруг превратилась в облако тумана и вновь собралась в физическую форму уже на столе перед Кайшером. Умостила чешуйчатое тело на пресс-папье и, сложив передние лапки на груди, игриво протянула:

– А это интересно!

– Что именно? – лениво спросил декан, медленно прокручивая на пальце перстень со змеей, кусающей собственный хвост.

– Молодая аспиранточка, которую ты почти сожрал взглядом, пока она не видела. Это так пошло, что даже восхитительно!

– Ну так не сожрал же, – спокойно отозвался Кайшер.

– Ой, конечно. – Змейство перевернулось на спину, подставляя брюшко летнему солнцу. – Ты так смотрел, что я на подоконнике чуть не задымилась от напряжения.

– Ну и какая тебе разница?

– Мне? Никакой. – Она снова перетекла в сидячее положение. – Просто интересно, чего это наш ледяной принц так оживился.

– Не выдумывай, Пусинда.

Кайшер помолчал, продолжая крутить перстень. Можно было бы вступить в полемику с нечистью, но какой смысл?

Но его личную нечисть, во-первых, было сложно переубедить, если она пришла к каким-то выводам, а во-вторых, тратить на это время и силы Кайшеру совершенно не хотелось.

– И кто она? – не унималась ухмара. – Чем заслужила такое внимание?

– Племянница одного хорошего знакомого.

И ни словом не солгал, между прочим.

– И это все, что ты можешь рассказать бедненькой, несчастненькой, социально изолированной нечисти? – поразились она. – Хозяин, ты жесток!

– А то.

Нечисть превратилась в тень и нагнула вокруг господина парочку кругов, пока наконец не собралась в подобие женской фигуры, присела на край стола и вкрадчиво проговорила:

– Тогда, может, я сама познакомлюсь? Ну, раз мой прекрасный господин вдруг находит эту девушку интересной, то наверняка и мне тоже стоит полюбопытствовать.

– Тебе не надоело? – вздохнул Кайшер. – И когда успела насколько обнаглеть?

– Года три назад, – прикинула ухмара, закидывая ногу на ногу.

– А ведь сначала высунуть нос из сосуда удержания боялась. – Губы декана дрогнули в едва заметной усмешке.

Знакомство с ухмарой было весьма интересным.

И произошло аж в несколько этапов.

Дважды она почти погибла от его руки, но в конце концов благодаря одной девушке он познакомился со своей жертвой и обзавелся личной нечистью. Причем изначально даже не думал выпускать Пусинду из сосуда. Но оказалось, что если ты десятилетиями живешь один, то компания иногда очень ценится.

Особенно если учитывать, что инициативы от ухмары – воз и маленькая тележка. Она лезла во все, комментировала всех и постепенно из пленницы превратилась в нечто среднее между секретарем, домашним питомцем и назойливой подругой.

– Потом я поняла, что ты не так страшен, как малюют. И вообще, я, между прочим, за тебя переживаю! И радуюсь! Ты красив как бог, а живешь как последняя монашка. Дорогой Кайшер, ну нельзя же собой так неправильно распоряжаться!

– Ты прекрасно знаешь мои особенности. И на этом мы тему закроем.

– Но Кай...

– Пуся, ради такого я тебя снова в сосуд запихаю, честное слово, – немного устало проговорил он. – У меня и так дел вал, а тут еще ты с намеками.

– Ладно, ладно, – тотчас пошла на попятную ухмара. – Просто я это...

– То самое и того этого, – кивнул профессор Эйдан. Поднявшись из кресла, подхватил папку с документами, свое пальто и двинулся к выходу, на ходу бросив: – До встречи дома.

Дверь за ним закрылась с мягким щелчком.

Пуся еще несколько секунд сидела в образе женщины, глядя на опустевшее кресло. Потом вздохнула, сползла со стола и снова превратилась в змею – так было привычнее.

– «В сосуд запихаю», – передразнила она, сворачиваясь кольцами на теплом пресс-папье. – А сам-то... Ледяной принц, называется.

Она задумчиво почесала лапкой подбородок.

Интересно, что собой представляет девица, на которую Кайшер Эйдан так реагирует. Она оценила эту аспиранточку. Хорошенькая, фигуристая, с живым взглядом. Но таких вокруг него десятки выются и еще сотни образуются, стоит блондинчику только намекнуть, что он таки готов нырнуть в мир большого секса.

Пусинда за три года насмотрелась на этих красоток – и на студенток, и на преподавательниц, и на заезжих аристократок. Все они вешались на него, кто явно, кто тайно.

Он же на них – ноль внимания. Холодный, вежливый, недостижимый.

А на маленькую мисс Тарри он смотрел очень даже горячо... вопреки обыкновению.

И это было очень, ну просто очень интересно!

А живя с Кайшером Эйданом, понемногу начинаешь ценить разнообразие, знаете ли...

– Ну что ж, – пробормотала она, сворачиваясь в тугое кольцо и готовясь задремать до вечера. – Посмотрим, что это за птичка.

В кабинете стало тихо, только солнечные зайчики неторопливо ползли по книжным корешкам, бликовали на столе и терялись в затертой медной поверхности старого компаса.

Глава 3

Все неприятности с чего-то начинаются. Как правило, со встреч.

Вот и я за завтраком увидела человека, которого рассчитывала в жизни больше не встречать!

Я замерла у входа, мысленно проклиная странное чувство юмора госпожи судьбы. Может, вообще уйти? Хотя бы продумаю, как себя вести...

Но в этот момент Лира Олис подняла голову, наши взгляды встретились, и на ее лице расцвела та самая улыбочка, которую я помнила еще с университетских времен.

Приторно-сладкая, фальшивая до зубовного скрежета.

– Айлин? – пропела она. – Какими судьбами?

– Лира, – сказала я максимально нейтрально. – Давно не виделись.

Действительно давно, ведь Лира была на год меня старше и, соответственно, раньше выпустилась.

И очень, просто очень жаль, что мы увиделись сейчас!

Мы учились на разных факультетах, но это не помешало ей исправно отравлять мне жизнь на протяжении трех лет. А это надо было постараться, так как она не была моей одногруппницей, не была соседкой по общежитию или же подругой общих знакомых!

Она была... приложением. К моей тете.

Морвенна Рейнвуд преподавала на факультете теоретической магии в столичном университете. И Лира, как верная собачонка, вилась вокруг нее постоянно. Носила кофе, записывала лекции, собирала сплетни и, кажется, искренне верила, что если достаточно сильно любить начальство, то оно когда-нибудь заметит и наградит. Тетя, разумеется, пользовалась, изредка бросая мелкие поощрения. Лира была счастлива и этому.

А еще она быстро поняла, что тетя меня на дух не переносит. И моя жизнь превратилась в маленький адок. К которому блистательная Морвенна вроде бы не имела прямого отношения, но мои сложности ее, несомненно, радовали.

Лира пакостила умело и с фантазией. То «случайно» пропадет конспект перед экзаменом, когда подготовка и повторение важны как никогда. То в группе поползет слух, что я получила зачет нечестно. То

кто-то из преподавателей вдруг начинал смотреть на меня с подозрением – видимо, до него дошел очередной «сигнал» от примерной студентки.

Я пробовала жаловаться, но тетя посмотрела на меня своим холодным взглядом и сказала, что я все выдумываю и лучше бы сосредоточилась на учебе, потому что у меня успеваемость средняя, а вот Лира отличница и примерная студентка!

Так все и продолжалось.

Доказать ничего нельзя. Тетя за нее горой. А мне оставалось только терпеть и надеяться, что после университета наши пути разойдутся навсегда.

Надеялась, как видите, зря.

– Присаживайся! – Она похлопала ладошкой по скамье рядом с собой, явно не сомневаясь, что я послушно подойду.

Я мысленно вздохнула. Игнорировать приглашение было бы глупо – место за аспирантским столом все равно надо было где-то искать.

Тем более что, несмотря на ранний час, за столом она была не одна, на меня с любопытством смотрели две молодые девушки. Худенькая, верткая смуглая брюнетка и высокая, ширококостная рыжеволосая девица.

Настроение стремительно портилось. Надо сказать, я ожидала, что с поступлением в аспирантуру окажусь в совершенно новом социуме, где никто не знает о должности тети в университете или о богатстве дяди.

А тут – здравствуйте. Совсем не позитивный привет из прошлого.

Притом у нас с Лирой даже нет одинакового старта! Она в Хармарской академии, судя по всему, не первый год учится в аспирантуре, стало быть, уже есть свои знакомства, а я только приехала.

Вот же гадство, а?!

Злобненькие мысли роем гудели у меня в голове, но на лице я им отразиться не позволила. А потому улыбнулась и сказала:

– Конечно, Лира! Спасибо.

Пусть даже такая ситуация, но покорно складывать лапки я не собираюсь.

Присев напротив девушки, я обратилась к сидящим за столом:

– Меня зовут Айлин Тарри. Поступила к вам из Торнвудского университета.

Девушки переглянулись, но представились в ответ.

Рыжую звали Дорна Хайвисорт, она приехала из северной академии и проходила аспирантуру на боевом факультете. Брюнетка назвалась Файсой Мио, и она, напротив, была южанкой и училась на теоретическом.

Пройдя этап первичного шапочного знакомства, я задумчиво осмотрела стол, на котором не стояло общих блюд, как это было в моем прошлом учебном заведении.

Хотя перед девушками вот завтрак... как они его добыли? Тут линия раздачи есть?

Но, как мне объяснили, в Хармаре за преподавательским и аспирантским столами действовала иная система! Более привилегированная, так сказать!

Передо мной лежала книжечка в толстой кожаной обложке, и надо было просто дотронуться до названия нужного блюда, чтобы оно тотчас появилось перед тобой на столе!

Очень необычно...

Я выбрала омлет с зеленью и сразу же заказала чашку кофе.

– Рассказывай, как ты тут оказалась? – Лира не унималась и пыталась изображать подружку. – Я думала, ты в столице осела. Хорошо иметь богатую семью!

Вот это меня особенно в ней умиляло.

Лира – девушка из низов. Училась на бюджете, была умной и способной, ведь за один подхалимаж красный диплом не получишь. Но вот ее вечные комплексы по поводу того, что «одним все – а другим ничего», не поддавались никаким логическим доводам. И то, что конкретно мой род сейчас пребывает в упадке, скорее заставлял ее злорадно радоваться.

– В аспирантуру поступила, как и вы все, – ответила я, сосредоточенно размешивая сахар и замечая, как на меня с любопытством косятся две сидящие за столом девушки.

Но активно в беседу они не вступали: ждали, чем Лиркино сердце успокоится. А точнее, насколько у нее получится меня сразу «подавить». От этого будет зависеть и то, станут ли они со мной активно дружить и общаться.

– На нечистоведение.

– Ого! – Лира округлила глаза с преувеличенным удивлением. – Непросто тебе будет, ведь даже обычный университет давался тяжело!

Помнишь, какие были хвосты?

Она хихикнула, словно сообщила удачную шутку.

– Справлюсь, – ровно ответила я, делая глоток кофе. – А ты на каком факультете?

– Теоретическая магия. – Лира поправила выбившуюся прядь. – Уже второй год. Меня, знаешь ли, на кафедре ценят. Даже поговаривают, что после аспирантуры оставят преподавать.

– Поздравляю, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал искренне. Получилось, кажется, не очень.

– Спасибо! А ты весьма амбициозно выбрала Хармар, ведь тут лучшая кафедра нечистоведения. Леди Морвенна, конечно, говорила, что ты собираешься наукой заняться, но я, честно говоря, удивилась. Помню, как ты на втором курсе с трудом лабораторные сдавала.

Укусила. Мелко, но метко.

– К выпускному я изрядно подтянула свои навыки.

– Да ты что?

– Люди растут, Лира, – спокойно ответила я. – Некоторые даже умудряются вырасти из привычки обсуждать чужие успехи.

Она натянуто улыбнулась.

– Ты все такая же острая на язык. Не боишься, что здесь это могут неправильно понять?

– А я никого не оскорбляю. Просто констатирую факты.

К счастью, она не сразу нашлась, что ответить, и я всецело отдалась еде.

Активно жующему человеку вопросы задавать невежливо, так что Лира переключилась на сидящую справа от нее Файсу.

А я лениво скользила взглядом по постепенно наполняющейся людьми столовой.

За длинными студенческими столами – пять штук, каждый в цвет своего факультета – сидели студенты. Пока еще пустовала примерно половина мест, но все же, видимо, в Хармарскую академию было принято прибывать за несколько дней до начала учебного периода. А так... все как везде! Кто-то торопливо заглатывал кашу, кто-то, наоборот, растягивал удовольствие, лениво помешивая ложкой в тарелке и переговариваясь с соседями. В воздухе висел привычный столовский гул – звон посуды, смех, обрывки фраз.

А над нашими головами, в огромных стеклянных шарах, лениво плавали светящиеся рыбы. Они то замирали, то начинали кружить, и

свет в зале менялся – то теплый, то холодный, то вдруг с золотистым отливом. Красиво.

Жаль, что любоваться приходится в компании вражины.

Наш, аспирантский, стол стоял чуть в стороне, ближе к возвышению, где восседали преподаватели.

Именно в этот момент дверь открылась, и на пороге появился... высокий, светловолосый, красивый мужик. Очень знакомый!

Можно было бы подавиться омлетом от восхищения, но я не стала!

А вот Лира...

– Профессор Эйдан, – с восторженным придыханием сказала она, не сводя глаз с идущего к преподавательскому столу декана.

– Да-а-а... – также мечтательно протянула девушка рядом с ней. – Какой же он...

– Не облизывайся, Файса, – тотчас оборвала ее Лира.

– А на него что облизывайся, что не облизывайся – никакого толка, – ни капли не обидевшись за резкость, философски отозвалась брюнетка. – Он все равно ни с кем в академии не встречается, и вообще ходят слухи, что евнух!

– Гнусный поклеп! – возмутилась Лира, словно лично проверяла, что «женилка» у профессора работает.

– В любом случае смотреть – единственное доступное нам удовольствие! Кстати, Айлин, а кто твой научный руководитель? Вроде как у магистра Корвиса недавно какую-то нужную конечность отъели, и он минимум полгода на больничном.

Лира поджала и так тонкие губки, отчего они вытянулись в бледную нитку.

– А вот я неоднократно говорила и еще повторю. Не в обиду тебе, Айлин, но нечистеведы слишком легкомысленно относятся к правилам безопасности! И вообще с этой нечистью едва ли не в десны лобызаются и говорят, что они нам равны и надо выдать им права разумных рас!

Обожаю споры на эту тему.

Сарказм, если что.

И еще больше обожаю то, что, несмотря на более чем богатый опыт дискуссий, я все равно продолжаю на это вестись.

– Ничего удивительного в том, что разумных существ хотят считать равными остальным разумным существам. А что касается травмоопасности... Дорна, сколько у вас травм на боевом факультете?

– Почти с каждого практического занятия кого-то в лазарет оттаскивают, если сами дойти не могут, – лениво отозвалась северная красотка, перекидывая толстую косу на внушительную грудь. – И вообще, магистр Корвис сам дурак.

– Дорна! Как ты можешь, это же преподаватель! – осуждающе покачала головой Лира.

– Ну а что? То, что у грызозубов два ряда этих самых зубов, даже я знаю, – повела плечом девица. – Это все равно что огненные плети голыми руками хватать.

Я спрятала улыбку за кружкой.

Люблю северян. Прямые, как палки, что в голове, то и на языке. Одно удовольствие! Даже если северянин терпеть тебя не может, он тебе в лицо это скажет. Если повезет, то даже до того, как по тому лицу врежет.

Впрочем, это обычные люди такие, а вот северные лорды, наоборот, – хитромудрые засранцы. Как многие высокопоставленные в нашем королевстве, так что ничего нового. А северные земли таковы, что там удержать власть без синергии силы и хитрости практически невозможно.

Лира, поняв, что разговор уходит не в ту сторону, попыталась вернуть инициативу:

– Ну, это все лирика. Айлин, ты так и не сказала, кто теперь твой научный руководитель, раз магистр Корвис выбыл.

Я сделала глоток кофе, выдерживая паузу. Любопытные взгляды трех пар глаз сверлили меня с разной степенью интенсивности.

– Декан Эйдан, – ответила я максимально будничным тоном.

Наступила тишина.

Файса поперхнулась чаем. Дорна одобрительно хмыкнула. А Лира... Лира смотрела на меня так, будто я в лицо сказала ей какую-то ужасную гадость.

Хотя, судя по тому, что кое-кто сохнет по идеальному блондину, может, и сказала! Меня же Лирка не любит, а тут я буду постоянно находиться рядом с объектом ее воздыханий, чего она лишена. Люди иногда завидуют сущей ерунде.

– Декан? – переспросила она с таким выражением, словно прикидывала, не вру ли я. – Сам Кайшер Эйдан?

Имя она произнесла с нежностью и благоговейным придыханием, как нечто запретное, но чего очень хотелось коснуться. Хотя бы так.

– Он самый, – подтвердила я, с наслаждением откусывая кусочек омлета. Тот был воздушный, в меру соленый, да еще и со шпинатом – прелесть. – Сказал, что у него специализация по разумной нечисти, и предложил скорректировать тему диссертации. Я согласилась.

– Повезло же некоторым, – пробормотала Файса, с новым интересом меня разглядывая. – Он, говорят, редко кого берет.

– Видимо, просто совпало, – пожала я плечами.

Интересно, а взял бы он меня, если бы не наше столь оригинальное знакомство?.. Что было первым: решение декана взять аспирантку или согласие пойти на свидание, а уже потом он решил стать научным руководителем?

Хотя магистру Корвису не вчера же руку откусили. Видимо, все же первый вариант.

Лира поджала губы, но промолчала.

– Ладно, – сказала я, промокнув губы салфеткой и поднимаясь. – Мне пора. Нужно зайти в библиотеку, взять список литературы, пока там очередей нет. Приятного аппетита.

– Удачи, – ответила Дорна вполне искренне. – Кстати, а где тебя поселили? В новом здании?

– Мм... возможно, в нем. – Я вспомнила аромат краски и лака. – Светленькое такое, трехэтажное.

– О, тогда жди новых соседей! Нас обещали переселить из старого и начать ремонт уже там.

– Надеюсь, повезет и это будете вы? – лучезарно улыбнулась я. – Ладно, до новых встреч, девчонки!

Лира лишь кивнула, но взгляд ее остался холодным и оценивающим.

* * *

Я вышла из столовой и только в коридоре позволила себе выдохнуть.

Снаружи оказалось свежо и солнечно. Утренний парк дышал прохладой, где-то в ветвях перекликались птицы, а вдалеке уже слышались голоса студентов.

Я неторопливо двинулась по аллее, разглядывая академию. Светлые каменные корпуса, увитые плющом, высокие стрельчатые

окна, кое-где мелькали витражи.

Дошла до развилки и, сверившись с мысленной картой, свернула к библиотеке.

Библиотека оказалась отдельным зданием – трехэтажным, из темно-серого камня, с резными дубовыми дверями и узкими витражными окнами, больше похожими на бойницы. И она могла бы выбиваться из архитектурного ансамбля, но вписывалась благодаря колоннам, орнаментам и плющу, что полз по старым стенам к самой крыше.

В огромном читальном зале возле большого стола кружила невысокая шатенка с затянутыми в пучок волосами и в больших круглых очках. Видимо, библиотечарша, готовившая материалы для первокурсников, которые через три дня должны рекой потечь в эту обитель знаний за учебниками, пособиями и прочим гранитом науки.

– Вам помочь? – повернулась она ко мне, слышав шаги.

– Да, я аспирантка с факультета нечистеведения. Айлин Тарри. Мне нужен список литературы, который рекомендовал декан Эйдан.

– А, Тарри? – Женщина оживилась. – Вам уже все подготовили. Профессор прислал запрос вчера вечером.

Она скрылась за стеллажами, а я осталась разглядывать ровные ряды столов и бесконечные книжные полки, уходящие в полумрак.

Если честно, очень хотелось спросить, как зовут работницу библиотеки! Потому что в Хармаре служила создательница знаменитой магической картотеки Сая Мирандис! Ее изобретение появилось на рынке несколько лет назад, после того как она совместно с артефакторами доработала его, и теперь создать «магическую картотеку» мог любой библиотечарь. А не только очень хороший маг, способный управлять тонкими потоками, что давалось немногим.

Сая Мирандис для многих стала причудливым символом – историей о том, как бедная девушка сама проложила путь в жизни, но на лестнице к успеху споткнулась о своего будущего мужа – Лиара Тариниса.

Говорили, что они долго соперничали и Сая даже думала отдать патент на создание и реализацию «картотеки» конкурирующей с Таринисами фирме. Но потом почему-то грянула свадьба. А спустя еще какое-то время появился маленький Таринис-младший.

И вроде как после декрета Сая Таринис вновь вернулась в Хармар, на свою прежнюю должность.

Интересно, это она или другая библиотекарша?

Пока я гадала, молодая женщина вернулась с аккуратной стопкой книг и несколькими листами, скрепленными магической печатью.

– Вот, пожалуйста. Три из списка пока на руках, но вы можете заказать, когда вернут. А это – что есть в наличии.

Я пробежалась глазами по корешкам. Два тома по эволюции разума у птичьих видов, монография по классификации высшей нечисти, несколько сборников научных статей.

– Спасибо, – искренне сказала я.

– Обращайтесь, – улыбнулась библиотекарша. – И да, если что-то понадобится из закрытого фонда – только с разрешения научного руководителя. Но профессор Эйдан обычно такие вещи быстро подписывает.

– Учту.

Я вышла из библиотеки, прижимая к груди стопку книг, и снова оказалась в парке. Солнце поднялось выше, стало теплее, и я сощурилась, наслаждаясь его лучами. Надеюсь, что тепло тут держится за землю дольше, чем в столице.

– Ну что ж, – сказала я вслух, ни к кому не обращаясь. – Жизнь налаживается.

И направилась к аспирантскому блоку – кормить Финика и отвечать на все его стопятысот вопросов касаясь опасности окружающего мира.

Уже на лестнице в общежитии я столкнулась с худощавым мужчиной средних лет. Он стоял на площадке, пристроив листок бумаги прямо на перила, и что-то сосредоточенно в нем вычеркивал. Из-под мышки у него торчала потрепанная папка, а на голове красовалась квадратная шапочка-беретик, которая сидела криво и то и дело норовила съехать на ухо.

Услышав шаги, он поднял голову и расцвел в улыбке.

– О, добрый день! – обрадовался он так, будто я была его спасением. – Из какой комнаты?

– Седьмая. Айлин Тарри.

– Завхоз Квинтус, – представился мужчина, ловко, но все же немного суетливо, пряча листок в папку. – Очень хорошо, что я вас встретил. Очень! А то пришлось бы потом вас искать, а у меня и без того дел – вон сколько! – Он выразительно потряс папкой. – Я по поводу соседок. Через пару дней поделят к вам двух девушек. Так что

готовьтесь — комнаты у вас отдельные, но общая гостиная, сами понимаете...

Он заговорщически понизил голос:

— Вы уж там по-хорошему, без скандалов. А то прошлый год такие разборки были — мебель два раза меняли! А это, знаете ли, расходы. А у меня бюджет, все под отчет, сам ректор каждую копейку проверял... — Он вздохнул, но тут же спохватился: — Но вы не думайте, у нас тут тихо! В основном. Если что — сразу ко мне. Квинтус, говорю, запоминайте. Я за порядком слежу строго.

Он подмигнул, поправил беретик, который тут же снова съехал, и уже собрался уходить, но на секунду задержался и протянул мне конверт, в котором угадывались какие-то бумаги.

— Здесь памятка по совместному проживанию и правила общежития. Подпишите внизу, что ознакомлены, и занесите мне в хозяйственный корпус. До конца недели, не срочно, но желательно пораньше.

Я заглянула в конверт, но вытаскивать бумаги не стала.

— Хорошо, занесу.

— И еще, — Квинтус понизил голос, — вы уж там... по хозяйству аккуратнее. Лишний свет не жгите, воду зря не лейте! А то понаедут из столиц и льют, и льют! Ванную каждый день им...

— Я учту.

— Да, и если вдруг чего не хватает — табуретки там, лампы, постельное белье лишнее — тоже ко мне. Но, — он поднял палец, — только по делу! А то некоторые студенты думают, что казенное — значит, можно тащить. А оно не просто казенное, оно подотчетное! Разница, знаете ли, огромная.

— Спасибо, — кивнула я, пряча улыбку.

— Обращайтесь, — махнул он рукой и засеменил дальше по лестнице, что-то бормоча про «ведомости» и «ни на кого не напасешься».

Я проводила его взглядом и пошла к себе, думая о том, что персонал тут, оказывается, очень колоритный.

А еще он упоминал ректора в прошедшем времени. Интересно, почему?

Глава 4

Вопреки моим предположениям, Финик спал. Шуршик тревожно дрыгал задними лапками, шевелил усами, и его хвост то прикрывал мордочку, то метался из стороны в сторону.

Я ласково улыбнулась, осторожно накрыла его шерстяной тканью, заменявшей шуршику одеяло, и сама села за стол, разложив по стопкам выданную мне литературу.

Впрочем, на этом тяга к знаниям скончалась в муках.

Покачавшись на задних ножках стула, я решила сначала разобрать вещи – благо не сделала этого вчера. Открыла чемодан, разместила немногочисленные пожитки в шкафу, а большую косметичку отнесла в ванную.

Уже там расставила все баночки-бутылочки и, наклонившись к зеркалу, посмотрела, хорошо ли прокрасились вчера корни волос. Но почти сразу заметила: если с корнями было все в порядке, то радужка глаз начала просвечивать моим родным золотистым светом.

Очень неудобно не быть человеком, когда тебя им все считают.

Хлопотно.

Я достала одну из маленьких пипеток и задумчиво встряхнула ее. Обычно я старалась пользоваться каплями перед сном – они все же раздражают слизистую, но к утру покраснения проходят. Сейчас я бы тоже не изменяла своим привычкам, но слова аспиранток за завтраком и анонс встреченного завхоза меня насторожили.

Получается, ко мне в любой момент могут прийти...

А потому я решительно открутила крышечку и сунула пипетку в мутный раствор. В худшем случае скажу, что как пришла – рыдала из-за тоски по дому! Вполне себе дельное оправдание для юной и трепетной девицы.

Но если юности во мне к двадцати трем годам еще теплилось некоторое количество, то трепетности поубавилось. Вот лет десять назад как начало убавляться, так и не остановить.

После окончания косметических манипуляций глаза защипало, но я мужественно проморгалась и вышла обратно в комнату. Заметив за стеклом пролетевший белый силуэт, открыла окно. Хильда, усевшаяся на ветке напротив, вспорхнула и приземлилась на подоконник.

– Нагулялась? – спросила я, закрывая створку на щеколду.

– Вполне, – кивнула сова. – Тут большой парк, а за ним лес. А в нем мышки! И змейки.

– Получается, тебя уже не кормить?

– Да там маленький ужонок был, я и отпустила, – чуть смутилась фамильяра. – Так что от еды не откажусь.

– Как скажешь. – Я спрятала улыбку.

– Но я же к другому веду! – воодушевленно продолжила она, распахнув клюв и активно жестикулируя черно-белыми крыльями. – Лес-то густой и, можно сказать, дремучий. А вокруг Хармарской академии забор, конечно, есть, но зачарован на проникновение крупной нечисти соответствующего класса опасности. Меня спокойно пропустили туда и обратно.

– Ты и не нечисть.

– Да и ты тоже. – Круглые глазищи уставились на меня с жирным таким намеком. – А волю себе надо иногда давать.

– Хм-м-м... интересно. – Я мечтательно улыбнулась, представляя, что можно будет дать свободу второй ипостаси. Наконец-то! – Но все же давай сначала обживемся.

– А от кого тут скрываться?

– Должны соседки поселиться. И повезет, если это будет не Лира Олис.

Я кратенько рассказала о сегодняшнем столкновении.

Хильда негодуяюще встопорщила перья и громко ругалась – не только потому, что помнила, сколько гадостей сделала мне эта особа, но и потому, что сама неоднократно с ней сталкивалась. В университете мы частенько должны были работать в паре с фамильярами, так что Хильда на дух не переносила как саму Лиру, так и ее фамильяра – наглого дымчатого кошака Ллойда.

– Так что вот так вот, – закончила я.

Решив чем-то занять руки, взяла список литературы, что дал мне профессор Эйдан, и, сверяясь с ним, рассортировала книги на две стопки. Большая отправилась в книжный шкаф, а меньшая осталась на столе, причем каждый том обзавелся соответствующей тетрадкой для конспектирования.

Так-с... Два тома по эволюции разума, монография по классификации... На первые недели чтения точно хватит.

– Много? – поинтересовалась Хильда, грузно садясь мне на плечо и смешно вытягивая голову вперед, чтобы заглянуть в список.

– Нормально, – вздохнула я, раскрыла блокнот и начала набрасывать примерный план на завтра. Утром – завтрак, потом встреча с Эйданом, потом можно засесть в библиотеку. Если получится, узнать, кто еще из аспирантов на факультете.

– Интересно, – сказала я вслух, – я тут одна такая или есть еще?

– Думаю, не одна, – отозвалась Хильда. – Вон у той, Лиры, на теоретической магии компания есть. У тебя тоже должна быть.

– Надеюсь, они поприятнее окажутся.

– Хуже уже точно некуда, – философски заметила сова и принялась чистить перья, давая понять, что разговор окончен.

Я вернулась к обучению и просидела за книгами оставшееся до обеда время. А после приема пищи, на котором, слава всему, разминулась с Лирой, решила, что идти в общежитие не хочется. А хочется гулять!

И не видела ни единой, просто так ни малюсенькой причины себе отказывать!

Тем более когда я смогу еще побродить по корпусам, в том числе и учебным, пока нет столпотворения?

Длинные коридоры с высокими потолками, уходящие в полумрак лестницы, таблички на дверях: «Теория заклинаний», «Практикум по артефакторике», «Лекционный зал № 3»... Я заглянула в одну из аудиторий – ряды столов, тщательно отмытая магическая доска, сверкающие магические светильники под потолком и огромное окно во всю стену. В углу притулилась кафедра, вся испещренная рунами – видимо, для усиления голоса лектора.

Я прошла по коридору, заглядывая в приоткрытые двери. Где-то уже мыли полы, где-то раскладывали пособия – академия готовилась к приему студентов. Но суеты не было, только деловитая, спокойная подготовка.

Вообще, что я поняла за прогулку, так это то, что от недостатка финансирования Хармарская академия явно не страдала и была оснащена по последнему слову артефакторики и прочего.

Из учебного корпуса я через длинный переход перешла в административный, а там вышла на улицу из какой-то неприметной двери.

Ухоженная дорожка вывела меня на главную аллею, и, покачавшись в задумчивости на каблуках, я решительно повернулась и пошла в сторону башни моего факультета. Ведь где-то за ней располагались виварии и чуть в стороне полигоны для боевиков и тех же нечистеведов.

Обойдя башню сбоку, я двинулась дальше по дорожке, справа от которой сквозь кусты можно было увидеть аккуратные домики высшего преподавательского состава. Интересно, декан там же проживает или где-то в городе?

Поняв, что интересуюсь тем, где красавчик-профессор проводит ночи, я помотала головой, вытрясая из нее эти вредные мысли, и ускорила шаг. Очень вовремя из-за поворота показались ангары вивариев. Я дошла до ближайшего, с массивной металлической дверью и табличкой: «Посторонним вход воспрещен. Опасно для жизни».

– Обнадеживает, – пробормотала я и толкнула дверь.

Внутри пахло сеном, влажной землей и еще чем-то неуловимо звериным – тем самым запахом, который любой нечистевед узнает из тысячи. Из-за дверей доносились странные звуки: то ли шипение, то ли мурлыканье, только в десять раз громче.

– Вы кто? – раздалось откуда-то сбоку.

Я обернулась. Из-за стеллажа с банками с непонятным содержимым, а также кастрюлями и закрытыми ведрами, выглядывал взлохмаченный парень в форменной куртке с эмблемой Хармарской академии. В руках он держал огромный черпак, которым, судя по всему, недавно что-то мешал.

– Здравствуйте! Я – Айлин Тарри, аспирантка с факультета нечистеведения, – представилась я, стараясь говорить уверенно. – Решила осмотреться, пока тихо. Не думала, что в виварии кто-то есть.

– Есть, – вздохнул парень, вылезая из-за стеллажа. – Я всегда есть. Кормлю, убираю, лечу, успокаиваю. Особенно успокаиваю. – Он почесал затылок ручкой черпака, но потом сообразил, покраснел и опустил руку. – Меня, кстати, Ревор зовут. Я тоже учусь на аспирантуре, только у меня уже третий курс. Выпускной!

– Ого! Тогда вдвойне приятно познакомиться!

– Мы про тебя слышали! – Парень скрылся за стеллажом и чем-то загремел. – Ты у Корвиса третьей аспиранткой должна была стать, но вот как все сложилось.

– Да, мне уже рассказали... надеюсь, с его рукой все будет в порядке.

– Ой, да тут никаких сомнений, – отмахнулся на диво черство относившийся к вопросам отгрызания конечностей Ревор. – Это у него не первый раз.

– Без руки остается?..

– Нет, в прошлом году у него гульяны ногу по колено оттяпали. Корвису было интересно узнать, на какой стадии он начнет чувствовать боль. Ну ты знаешь, у гульянов же в клыках яд, как у комаров, и потому жертва очень долго не чувствует, что ее едят.

– Знаю. Вот только мне и в голову не приходило, что можно захотеть проверить силу этого своеобразного анестетика!

– Ну а магистру нашему пришло! И не только это... в позапрошлом...

И мне порассказали!

Оказалось, что магистр Корвис – местная легенда. И легенда эта ходила по академии исключительно в жанре «а вот недавно с ним произошел еще один случай».

– И после этого он еще жив? – удивилась я.

– Жив и даже почти здоров, – подтвердил Ревор. – Ну, насколько может быть здоров человек, который однажды пытался подоить василиска.

– Зачем?!

Нет, я слышала, что артефакторы, из тех, кто работает с органическими веществами, периодически пытались сотворить несотворимое из доступных средств. И про молоко василиска тоже много баек ходило... и редким оно было до невозможности. А то и вовсе в природе не существующим, потому что они вообще-то рептилии!

– Хотел проверить, будет ли оно превращать камни в золото. Василиск оказался мужского пола. И обидчивым.

Я представила эту картину и поняла, что мой будущий научный руководитель, возможно, не так уж плох.

– В общем, на мой взгляд, декан не столько тебя спас, сколько магистра наказал, – резюмировал Ревор. – Потому что кроме аспирантки он также лишил его экспедиции в Иммерзильские болота и поездки в Шаударский лес с пятикурсниками, которая запланирована на

одну из ближайших практик. А потерять это, думаю, для магистра гораздо больнее, чем рука.

Хм, вот оно как оказывается? Я даже не знаю, облегчение испытываю от того, что это не благосклонность, а стечение обстоятельств, или, наоборот, немного расстроена...

– Ладно, – сказала я, решив не забивать голову сложными вопросами. – А что тут у вас еще интересного? Можно посмотреть зверинец?

– Конечно! Правда, времени у меня немного, а одну бродить пока, сама понимаешь, отпустить не могу. Тут личный допуск декана нужен – как получишь, так на здоровье. Или нет...

Последнюю фразу он добавил, когда в прутья клетки справа от нас смачно впечаталась зубастая пасть.

Я оценила размер клыков сумрачной гиены и двинулась дальше, разглядывая, кто есть в коллекции Хармарской академии. Нечисть была размещена в разных вольерах. Кто-то в клетках, кто-то в силовых контурах, а некоторые вовсе в символично выглядящих загонах, как те же лисы-огневки.

Так мы и шли, переходя от экземпляра к экземпляру, пока я не замерла, потому что в ближайшей клетке, за толстыми прутьями, опутанными светящимися рунами, сидело нечто.

Помесь ящерицы и птицы, с переливающимся оперением и явно недовольным выражением морды. Оно посмотрело на меня желтым глазом и презрительно отвернулось.

– Это же?.. – выдохнула я.

– Да, наш красавец. – Парень подошел ближе. – Пересмешник шаударский. Молодой еще, потому и злой. Профессор Эйdan велел за ним приглядывать – говорит, для занятий пригодится.

– Пересмешники же относятся к виду разумной нечисти?.. – заинтересованно уточнила я. – Как у него с речью?

– Теоретически да, относятся. Но Карл не разговаривает.

Судя по презрительному взгляду, он не то чтобы не разговаривал, скорее идейно не общался.

– Может, вырос в социуме без возможности тренировать артикуляцию? – повела плечами я, по-прежнему с интересом изучая наполовину чешуйчатую птичку.

Мой интерес был понятен и закономерен. Потому как, несмотря на специализацию, что значилась у меня в дипломе, в Торнвудском

университете кафедра нечистеведения была откровенно слабой.

К нам привозили только безопасные и самые распространенные виды, так что познакомиться поближе с такими вот диковинками можно было только на полевой практике. Но, как назло, наша преподавательница не любила отсутствие банальных удобств и пачкать руки, потому выезды наши были тоже не особо интересны.

А тут – пересмешник в непосредственной близости! Которых я только на картинках и видела.

Но долго и вдохновенно изучать тварюшку не вышло, потому что Ревор потащил меня дальше.

И от открывающихся перспектив у меня аж голова закружилась! Тут были и миленькие пушистенькие эшмари, которые оборачивались в жуткую жуть, и ужасный, но величественный ша'аргал, да и в целом экспозиция в виварии внушала уважение.

И это только один ангар!

В остальных, по словам аспиранта, содержалась необходимая для обучения нечисть. А в самом дальнем проводились вскрытия добытых экземпляров, потому что на кафедре медленно, но верно формировалась новая специализация «врач-нечистевед». Правда, пока таковых было только два аспиранта выпускного года, которых вел лично профессор Эйдан.

Тяжеловато завлечь целителей в нашу сферу, но если уж приходят, то по-настоящему преданные своему делу.

В общем, спустя некоторое время мы расстались с Ревором взаимно довольные друг другом. Он обещал как-нибудь на досуге показать мне Хармар, а я – поделиться последними выпусками научных журналов, которые привезла с собой из столицы.

И дело, и польза – люблю такое!

КАЙШЕР ЭЙДАН

Иногда ты долгие годы живешь и считаешь себя порядочной высшей нечистью. Этичнее некоторых людей уж точно!

Ты принимаешь себя таким, какой ты есть. Со всеми недостатками твоей природы и ошибками прошлого.

Ты даешь себе слово, что раз, согласно некоторым особенностям физиологии, тебе недоступны длительные и стабильные отношения, то

не стоит вообще пытаться и проще ограничиваться легкомысленными дамами, которым будет наплевать, что ты пропал из их памяти. Но они порадуются найденным сережкам или колечку, оставленным на постели после очевидно бурной ночи непонятно с кем.

Ты даже не принуждаешь к браку ту единственную женщину, на кого твои способности не действуют!

И то, что она тебе нравилась в первую очередь как друг, ничуть не оправдывает и не меняет ситуацию. Потому что когда на кону стоит вечное одиночество, то, как ни странно, вкусовщина в плане внешности отходит не то чтобы на второй – на десятый план.

В общем – благородный ты!

От всей змеиной души благородный.

Тем ироничнее, что, оказывается, любое душевное качество имеет свойство заканчиваться. Даже порядочность.

Потому профессор Кайшер Эйдан, distinguished декан факультета нечистоведения, он же проректор Хармарской академии магии, он же последний принц ламиров Ксилот... стоял у окна в своем кабинете и наблюдал, как мимо башни энергичным шагом идет Айлин Тарри.

Довольная, солнечная и не подозревающая о том, какая же угроза нависла над ее черноволосой головкой.

Потому что собранному, ответственному, «застегнутому на все пуговицы» мужчине очень хотелось зажать девчонку в каком-нибудь углу.

Останавливало только то, что зажимание будет первое и последнее. А хотелось длительности и разнообразия.

За свою длинную жизнь он уже давно понял, что к его токсину у жертв может выработаться толерантность. И если действовать поступательно, то вполне можно сделать так, чтобы девушка его не забыла. Сначала прикосновения, после поцелуи в шейку, плечики, а там можно и до первых прикосновений к губам добраться. Главное – не торопиться...

Но все же мутить роман со своей же аспиранткой – редкостная пошлость!

Эйдан с сожалением вздохнул.

Но была еще одна деталь, которую ламир просто не мог игнорировать. Компас, что он держал в ладонях, вновь дрогнул.

Кайшер перевел на него взгляд – сияющая стрелка снова указывала в сторону Айлин, хотя девушка была уже далеко.

На все сто процентов человеческая девушка. Даже аура у нее была безупречна, можно сказать, образцово показательна – хоть в палату мер и весов приводи как идеальный образец *homo sapiens*. Даже подозрительно!

Так и хочется устроить маленькую проверку. Осталось только дожждаться удобного момента.

И если подозрения не подтвердятся, то можно будет с радостью рухнуть в пучину разврата, уже не беспокоясь о том, что его неводержанность лишит остатки его народа последнего шанса.

А ведь если компас не врет... если она действительно та...

Он не закончил мысль. Даже себе не хотел признаваться, как сильно надеется на это «если».

Глава 5

Мое утро началось со сложностей.

Вечным женским вопросом «Что же надеть?!».

– Какая-то ты нервная – заметила Хильда, наблюдая, как я в десятый раз перебираю вещи в шкафу.

А ведь когда я собиралась дома и покупала новый гардероб, то была уверена, что мне с ним можно и в пир, и в мир, и в добрые люди! Опять же, если добавить к этому строгому, в общем, платью кружевной воротничок и манжеты, то образ сразу становился более нежным и воздушным.

Только стоит ли его таковым делать? Или, быть может, лучше, напротив, придерживаться строгости и показывать, что я настроена только на работу?

– Айли? – вновь позвала сова, не дождавшись ответа.

– Я в порядке, – ответила, доставая классический темно-синий костюм с длинной юбкой. – Просто выбираю, в чем идти на встречу.

– С профессором?

– С ним. – Я критически покрутила вещь на вешалке.

– А, ну тогда понятно, – философски заметила сова. – Давай тот, который с юбкой подлиннее. Чтобы не думал лишнего.

– Хильда!

– Что? Я мудрая. Мне можно.

– Не припомню, чтобы у тебя были предпосылки для таких гипотез.

– Как раз таки все имеются. Судя по всему, мужик восхитительно прям и откровенен. Потому как только он решит, что твои вложенные сто золотых все же не прошли втуне, то может начать действовать.

– Пошлячка. Не наговаривай на почтенного профессора.

– Когда это почтенность и ученое звание превращали мужчину в монаха? Наоборот, вспомни Торнвудский университет. У вас там половина преподавателей не считала зазорным лазить под юбки.

– Этот не такой.

– Опасные у тебя мысли и выводы, Айлин Тарри. Обычно все проблемы начинаются именно с этой фразы.

Я закатила глаза и малодушно порадовалась, что Финик по утрам у нас спит без задних лап и никак ситуацию комментировать не может. Минутка паники от шуршика определенно была бы лишней. А иных стратегий поведения мой нечистик, кажется, либо не знает, либо идейно отрицает.

В любом случае через минут пятнадцать я уже бодрым шагом двигалась по направлению к главному корпусу, а точнее – к столовой.

Интересно, каков шанс наткнуться на Лиру за завтраком?

Как оказалось – никакого, хотя бы потому, что Лира всегда любила поспать. Зато прямо в холле главного корпуса меня подстерегали новые неприятные сюрпризы!

Глядя на высокого, мощного брюнета, под натиском плеч которого чуть не трескалась рубашка, а синие глаза могли соревноваться своей яркостью с небесами, я изумленно округлила глаза.

Кристиан Дивт.

Звезда боевого факультета Торнвудского университета. Тоже закончил его этим летом. Очень красивый. Очень... как бы помягче сказать... неперегруженный интеллектом.

И вот он стоит в Хармарской академии магии.

Зачем – загадка века. Потому что с его родом, внешними данными и красным дипломом, заслуженным явно не мозгами, весь наш курс был уверен, что дальше мальчик уйдет украшать собой паркетные войска королевского дворца.

И мы с ним не встретимся, так как Кристиан тоже был в числе любимых студентов тетушки. В отличие от той же Лире, он не вредил, но осадочек почему-то все равно оставался.

Пока я думала о том, что же делать, синие глаза нашли меня среди немногочисленных людей в холле и просияли от радости.

– Тарри! – заорал он так, что обернулись даже на другом конце холла. – Ты тут?!

– Дивт, – кивнула я, приближаясь. – Здравствуй. Потихе можно?

– А? – Он посмотрел на меня с искренним недоумением. – Я же нормально говорю.

– Ты орешь, – мягко, но с нажимом ответила я.

– Нет, – уверенно сказал он. – Я ору, когда на полигоне. А здесь я просто разговариваю.

Я решила не спорить – бесполезно.

– Ты зачем в Хармар приехал? – спросила я, надеясь перевести тему.

– В аспирантуру! – гордо объявил он. – На боевой.

– Понятно. – Я помолчала, но все же решила задать прямой вопрос, который по иронии не так давно озвучивала Лира, но по отношению ко мне: – А почему не в столице остался?..

Кристиан наморщил лоб и задумался. Процесс явно требовал концентрации.

– Ну... Папа сказал, что без аспирантуры только в сержанты возьмут. А так – сразу лейтенантом, а после можно еще выше подняться. Командиром! – Он довольно улыбнулся. – А я хочу командовать! Чтобы все строились и слушались. Красота же?

– А учиться? – осторожно спросила я. – Там же теория, стратегия, тактика...

И прочие очень важные для профессионального военного предметы, где все же требуется если не интеллект, то хотя бы умение читать и запоминать!

– А, это ерунда, – отмахнулся он. – Главное – сила, а сила у меня есть. – Он поиграл бицепсами для наглядности. – А эти ваши книжки... ну, если надо, почитаю. Мама сказала, что без них никак. Я ей верю.

Я представила, как этот бугай читает учебник по стратегии, и едва не фыркнула.

– Слушай, а ты куда? – спохватился он. – Может, вместе пойдем?

– Я в столовую. На завтрак.

– О, отлично! Я тоже хочу есть! – Он с готовностью пристроился рядом, и мы двинулись к большим дверям на той стороне холла. – Слушай, а тут кормят хорошо? А то я вчера в городе ел – так себе. А готовить я не умею. Мама говорила, что мужику на кухне делать нечего.

– И как ты выживал в университете?

– Там столовая была. И мама.

Резонно.

– Так и тут есть. Тебе при передаче документов не выдали конверт с картой и сводом правил?

– Выдали. Но я пока не открывал, там обычно текстов много, а мне на такое морально настроиться нужно!

Я остановилась и посмотрела на него.

– На буквы?

Напоминаю, нет, даже не так... НАПОМИНАЮ, что у него КРАСНЫЙ диплом о ВЫСШЕМ образовании!

Прости господи... любой, в целом.

– Ну да. – Он ни капли не смутился. – Я лучше сразу дело делать стану. Там, подраться, пробежаться, мечом помахать, огненным шаром в кого засветить. А буквы... они скучные. И мелкие. – Он помолчал и добавил уже тише: – И вообще, я больше по людям читаю. По глазам. По лицу. Это полезнее.

Я удивленно на него посмотрела. Вроде простак простаком, а иногда выдает интересное.

– Пошли уже, – сказал он, снова становясь прежним улыбчивым увальнем. – Жрать охота, сил нет.

Мы дошли до столовой, и Кристиан с восторгом уставился на магическое меню.

– Ого! А это как работает? Тыкаешь и оно появляется? А если ткнуть два раза? А если три? А можно мясо без гарнира? А можно два мяса?

Я вздохнула и придвинулась ближе, чтобы показать.

За завтраком он болтал без умолку. Про полигон (еще не был, но очень хочет), про василиска в виварии, о котором слышал (обязательно пойдет посмотреть), про то, что ему тут нравится, потому что «коридоры хоть и одинаковые, но красивые».

Я слушала вполуха, ела свою кашу и думала. С одной стороны, Кристиан – ходячее бедствие. С другой... в его компании было как-то спокойно. Он не интриговал, не подкалывал, не пытался ничего вывести.

Приятно, когда никому ничего не надо.

– Вот и наемущки! – Парень откинулся и похлопал себя рукой по животу. – Ладно, мне пора... скоро занятие по прокачке резерва.

– Удачи! – Я помахала вилкой с нанизанным на нее куском торта, которым дополнила утренний кофе.

– Слушай, Айлин, а ты давно с Лирой виделась? Мы ж вроде все из Торнвуда, надо бы встретиться, посидеть, вспомнить, как весело было.

Я замерла, а кусок торта трагически шлепнулся вниз, хорошо хоть, на блюдце, а не в напиток.

– С Лирой?

Не могу вспомнить моментов, когда нам с ней одновременно было весело.

– Ну да. – Он улыбнулся своей солнечной улыбкой. – Она же тут, я ее видел. Сказала, что вы уже встречались. Хорошая девчонка. Правда, любит командовать, но я привык. Мама тоже любит.

– Мы... да, встречались вчера, – осторожно ответила я.

– Ну и отлично! – обрадовался он. – Тогда давайте втроем как-нибудь посидим. Я угощаю! – Он подмигнул и ушел, насвистывая какой-то бравый марш.

А я раздраженно отхлебнула кофе, досадуя, что Крис убежал раньше, чем я отказалась от совместных посиделок. Может, догнать? Но это будет выглядеть странно...

– Доброе утро, – раздалось сбоку. – Знакомый?

Я обернулась. Рядом стояла Дорна – та самая рыжая северянка с боевого факультета. Она смотрела вслед Кристиану с выражением, в котором смешались восхищение и охотничий азарт.

– Можно и так сказать, – ответила я. – Учились вместе в Торнвуде.

– Красивый, – констатировала Дорна. – Очень.

– Очень, – согласилась я.

И корректно замолчала, потому что в случае с Крисом, как никогда, лучше быть объективной и только объективной.

– Мм... а у него девушка есть? – хищно прищурилась северянка.

– Не знаю, – совершенно честно ответила я.

– Выясним. Познакомишь как-нибудь?

Выполнять роль сводницы мне не хотелось, потому я попыталась аккуратно вывернуться:

– Возможно, уместнее попросить Лиру. Они ближе общались.

– Лиру? – Дорна скривилась. – Спасибо, я лучше сама. Эта стерва мне еще в прошлый раз...

Она махнула рукой, не договорив.

Я не стала уточнять. С Лирой у многих были проблемы, но не у всех хватало смелости признаться.

Оставшееся время завтрака прошло в тишине. Я быстро доела, допила кофе и, попрощавшись, вышла из столовой.

Башня нечистеведов встретила прохладой и гулким эхом шагов. Тут было еще более пустынно, чем в остальных корпусах. Я поднялась на третий этаж и постучалась в деканский кабинет. Получив разрешение, открыла дверь и, как и в прошлый раз, никого не заметила за массивным столом.

Разве что змея теперь сидела не на подоконнике, а обнимала всеми лапами подставку для самопишущего артефакта. Сегодня она даже не притворялась спящей – откровенно пялилась на меня своими желтыми глазищами, а после расплылась в зубастой усмешке и подмигнула.

Я склонила голову набок и нахально улыбнулась ей в ответ.

Змейство тихо хихикнуло, но почти сразу замерло, потому что из-за стеллажей показался... видимо, все-таки хозяин.

Я оглядела его непринужденный образ: брюки, рубашка по фигуре с небрежно закатанными рукавами, обнажавшими руки до предплечий. Подлой вишенкой на этом тортике искушения были две расстегнутые верхние пуговицы на рубашке и убранные в низкий хвост платиновые волосы.

Мне, как никогда, захотелось стать радательницей приличий и форменной одежды! Где пиджак, а? Галстук?! Жилеточка, между прочим?!

– Доброе утро, Айлин, – сказал он, одаривая меня приветственной улыбкой, от которой окончательно помутнело в голове от восторга. Но я ущипнула себя за запястье, и стало чуть легче жить с этой совершенно невыносимой красотой бытия в лице научного руководителя. – Присаживайтесь. Я сейчас закончу.

Я села в уже знакомое кресло и с тоской задумалась: это я стала неадекватной девицей, которой ничего, кроме личика, и не надо, или достопочтенный декан обладает совершенно непостижимой животной привлекательностью?

Может, оборотень? Я постаралась незаметно принюхаться.

Обоняние у меня, конечно, не такое острое, как у млекопитающих видов, но все равно вполне неплохое. Но от Кайшера Эйдана пахло только... мужчиной. Запах тела и ароматы мяты и полыни, видимо, входящих в состав мыла.

А жаль. Это бы многое объяснило и меня успокоило.

– Итак. – Кайшер наконец отложил перо и поднял на меня глаза. – Я подготовил для вас предварительный план работы.

Он протянул мне несколько листов, исписанных аккуратным, чуть наклонным почерком. Я пробежалась глазами – список тем, сроки, рекомендации, несколько пометок на полях.

– Спасибо, – сказала я искренне. – Это очень... подробно.

– Я предпочитаю, чтобы мои аспиранты понимали, куда движутся. – Он откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. – По поводу статей. Как вы знаете, вам нужно написать несколько работ для авторитетных журналов. Я думаю, мы можем совместить это с практической работой.

Декан сделал паузу, и я почувствовала, что сейчас будет что-то интересное.

– В виварии сейчас находится на лечении Карл – шаударская сова-пересмешник.

– Я смогу его изучить?!

Мое удивление можно было понять. Пересмешник относится к разумной нечисти повышенного класса опасности. К таким допускают только после краткого курса щитов и долгого изучения поведенческих реакций конкретного вида из конкретной области. Характер нечисти часто зависит от среды, в которой особь выросла и осознала себя как личность. В целом в этом плане нечисть не сильно от остальных рас отличается: если с раннего детства жизнь тебя с энтузиазмом забрасывает проблемами, то доброй лапочкой ты не станешь, сколь бы пушистым ни был изначально.

– Да, но нам потребуется выделить несколько вечеров на тренировки. Я, конечно, доверяю вашему «хорошо» по защитным чарам, которое стоит в аттестате, все же Торнвудский университет...

Это он зря, между прочим. «Защиту» я сдавала исключительно благодаря своей усидчивости и природной жалостливости нашего магистра, у которого рука не поворачивалась ставить что-то плохое за очень хорошее поведение.

– Но предпочту проверить лично, – закончил Эйдан. – Не хочется, чтобы мою аспирантку потрепал какой-то пересмешник.

Действительно, неловко получится.

– Хорошо.

– Отлично, тогда завтра вечером предлагаю встретиться на южном полигоне. – Он подтянул поближе толстый блокнот. – Сейчас сверюсь со своим расписанием... мм... девятнадцать часов подойдет?

Поздновато, конечно, для занятий, но я понимаю, что декан – существо занятое, а потому лишь кивнула.

– Да, конечно.

– Отлично. Тогда до встречи. – Мне снова лучезарно улыбнулись.

Поняв намек, я попрощалась, забрала все любезно предоставленные материалы и покинула кабинет.

Физически. Сделать это мысленно получилось далеко не сразу, но, стоит отдать должное, мысли мои занимал вовсе не замечательный мужик, а его питомец.

Интересно, фамилльяр или нечисть?

Мое любопытство было вполне понятно, хотя бы потому, что навскидку я вид декановской тварюки определить не смогла. А я далеко не худшая студентка и помимо базовой программы ходила на разного рода факультативы. Так вот – нет такой нечисти!

Разве что она может менять свой облик, но видов, обладающих морфизмом, не так уж много – наверное, только ухмары или пэли. Но и те и другие – неразумные, а ухмары еще и практически вымершие. Эти существа относились к оружию древней цивилизации Ламирии, и сосуды с ними до сих пор находили в районе Иммерзильских болот. Незнающие люди вскрывали их и выпускали на волю свою смерть. И ладно бы только свою! Последнее появление ухмары зафиксировано лет пятьдесят назад: тогда пробудившаяся от долгого сна нечисть выпила целый маленький поселок, пока не подоспели королевские маги.

Но суть в том, что они неразумные. Можно, конечно, путем опытов рекомбинировать магическое существо и добиться зарождения ума – есть спецы, хоть это и не поощряется. Но это же туманная сущность! Как ее рекомбинировать?

Выходит, все-таки фамилльяр? Но про таких я тоже не слышала. Фамилльяров создают на базе видов обычных животных.

Ладно, загадка на потом.

Я поймала себя на том, что снова думаю о декане, и мысленно дала себе подзатыльник. Кажется, я хотела контактировать с ним по минимуму и уж точно не желала о нем думать. Так что лучше поразмышлять о чем-то более приземленном и реальном. И уж точно не уноситься мыслями в завтрашний вечер, где Эйдан будет проверять мои защитные навыки.

Именно с этими мыслями я дошла до общежития, и там у меня уже не было ни малейшего шанса от этой самой реальности абстрагироваться!

Мечты сбываются, блин.

КАЙШЕР ЭЙДАН

Стоило двери закрыться, как фигура змеи вновь развеялась туманом и превратилась в девичью, правда, очень маленькую, не больше книги в высоту.

– Щиты-ы-ы... – протянула ухмара, присаживаясь на ежедневник. – Отработать, подкорректировать технику исполнения... А ты хитер!

– Безопасность превыше всего. – Но губы декана все равно дрогнули в улыбке. – Ладно... Пусинда, есть задание.

– Для тебя все что угодно! – Ухмара сначала развеялась черной дымкой, а потом собралась в фигуру воодушевленно виляющей хвостом собаки.

– Отнеси письмо.

– И все? – Туманная собачья морда разочарованно вытянулась. – Я уж думала, что в планах маленький подвиг, а ты опять меня используешь как почтальона.

– Надо отнести Фейну.

– О... все-таки подвиг? – оживилась ухмара. – В прошлый раз он меня едва не прибил чисто из спортивного интереса и желания тебе нагадить. Ты уверен, что стоит продолжать дружить?

– А мы и не дружим. – Кайшер взял со стола запечатанный конверт. – Просто ламиров осталось не так много, и мы вынуждены как минимум общаться, а как максимум сотрудничать. Сбор Круга Десяти через месяц, и я хотел удостовериться, что все будут. Фейн единственный, кто не ответил на обычное письмо, потому хочу послать тебя.

– Иногда я пытаюсь осознать весь трагический юмор вашей ситуации. – Собака плюхнулась на попу и смачно почесалась за ухом. – Древняя цивилизация оборотней, которых проклял их собственный бог...

– Это всего лишь легенда, – заметил Кайшер. – Ламиры – не оборотни, а высшая нечисть.

– Не важно. А после проклятия у вас умерли все свои бабы, а новые перестали рождаться.

– И где тут юмор?

– Десять последних мужиков, которые все никак не вымрут! Красивых, идеальных хищников, но ни создать семью, ни толком размножиться.

– Не смешно.

– Ну, так я же говорю – трагический юмор. – Ухмара вздохнула. – Просто мне сложно вас от души жалеть. Ведь именно ты меня, считай, создал, а после заточил в сосуд, а после освобождения из сосуда дважды грохнул и заставил служить.

– Могу грохнуть третий, счастливый раз. Хочешь?

– Нет.

– Вот и лети к Фейну, а не строй из себя трепетную деву.

– Сложно отучиться, я все же девой больше двадцати лет прожила, пока с тобой снова не встретилась, – философски отозвалась ухмара, обращаясь в крупную ворону и протягивая когтистую лапу вперед. – Ладно, давай свое письмо. Бука ты, Кайшер.

– У меня золотое терпение. А то сидела бы ты или там, – он указал на клетку, – или там. – На этот раз палец декана указал на невзрачную вазу на полочке.

– Ладно, ладно... – пошла на попятную ухмара. – Я же любя.

– Ты не знаешь, что это такое, – едва заметно улыбнулся Кайшер.

– Да почему... – Птица нахохлилась. – Человека определяет бытие. За то время, что я была человеком, я многому научилась. Любить, дружить... это ты почему-то за все годы так и не осознал все плюсы данных процессов.

Декан молча встал, открыл окно, выпустил посланницу на улицу и, глядя вслед постепенно пропадающей в небе птице, тихо сказал:

– Возможно, потому, что каждая попытка «осознать» плохо для меня кончалась?..

Глава 6

Утро началось со звуков в соседней комнате.

Судя по богатырским охам и ухам – Дорна делала зарядку. Ничем другим я это объяснить не могла.

Я повернулась на другой бок и закрыла глаза, как вдруг раздался громкий стук дверью, а после в соседнюю комнату забарабанили и визгливо сообщили:

– Семь утра! Семь!!! Ты можешь тише?

Фальцет злой Лиры я узнаю из тысячи, хотя это не те способности, которые хотелось бы иметь и культивировать.

Скрип дверной створки и спокойный бас северянки были ей ответом:

– Могу. Я сейчас закончу и пойду бегать.

– А размяться сразу на улице не могла?!

– Дома всегда разогревали тело в тепле.

– Так у тебя дома и снег даже летом бывает! А тут и на улице прекрасно! Дай мне поспать, я легла три часа назад, потому что, в отличие от некоторых, училась!

– Ну так и кто тебе злобный тарадин? – невозмутимо поинтересовалась Дорна.

– Ты... ты... – Лира снова топнула и громко хлопнула своей дверью.

Вот и доброе утро.

Я поворочалась еще минут десять, но потом решила вставать. Насыпала корма Финику, который сладко сопел, свернувшись клубком на своей подстилке, и положила порцию возле клетки Хильды – та еще не вернулась с ночных полетов.

После отправилась в утренний душ.

Первое, что сделала, – достала новые упаковки шампуня, жидкого мыла и небольшой флакон с отбивающим запахи средством. Первое время я смешивала их порционно, когда мылась, но потом поняла, что срок годности готового состава примерно две недели и проще покупать небольшие баночки мыльных средств.

Набрала пипеткой из склянки и, отмерив ровно десять капель, добавила для начала в шампунь и как следует потрясла. Для тела

требовалась дозировка чуть больше, но и там я справилась быстро, все же опыт за десять лет накопился внушительный.

После мытья заглянула в зеркало, проверила, что с глазами и волосами все в порядке, и с чистой совестью вышла в комнату.

Все же как хорошо, что ванная индивидуальная! Очень упрощает существование.

За окном уже сидела нахохлившаяся Хильда, и я поторопилась впустить верную птицу.

– Как ночь прошла? – с улыбкой наблюдая, как она жадно ест, спросила я.

– Не очень. Подралась с какой-то странной вороной, – пробубнила Хильда с набитым клювом.

– Это как?..

– Зайца не поделили. Сажу на суку, высматриваю добычу, тут он выпрыгивает из кустов прямо передо мной! Ушастый, жирный, даже не подозревает, что уже мой. Я уж собралась... А эта черная тварь как сиганет на меня сверху!

– Не поделили зайца с вороной?.. – уточнила я, потому что по всем имеющимся данным вороны вот совсем не охотники на живую и тем более такую крупную дичь.

– Вот я тоже удивилась, – ворчливо отозвалась Хильда, расправляя крыло и с видимым трудом укладывая обратно перо, выбившееся из ряда. – Особенно тому, что вороны бывают зубастые и матерящиеся. В итоге, пока выясняли отношения, заяц удрал.

– В Хармаре очень странные животные, – покачала головой я.

– А что, ты видела таких? – В желтых глазах фамильяры зажглось любопытство.

– У декана есть змея с четырьмя лапами.

– Предлагаю игнорировать странности и непонятности. – Сова переступила лапами по полу, и в ее голосе вновь появились занудные, почти учительские нотки: – Ты сюда учиться приехала, а не на декановых змей смотреть. Да и с вороной я больше постараюсь не сталкиваться... улыбочивая зубастая пасть на птичьей голове меня впечатлила дальше некуда.

Вообразив себе такое, я аж передернулась.

– Ладно, а что по моему поручению?

– Вроде все чисто и благополучно. Увидела парочку фамильяров, несколько представителей явно разумной нечисти, но так как они

достаточно мелкие, то передо мной хвостами, разумеется, не крутили особо.

Хильда наелась, отодвинула лапой от себя кормушку и, перелетев на свою жердочку, принялась неторопливо перебирать перья, по одному возвращая их в идеальный порядок. Сверкнула на меня глазищами из-под крыла и вкрадчиво спросила:

– Полетать хочешь?

– Угу... вот сегодня днем и пойду.

Все самые тайные делишки лучше всего делать именно при полуденном солнышке.

Нет, ночью я тоже иногда летала, но в проверенных местах. Потому что и в лесу, и в городе были свои хищники, про которых стоит как минимум знать.

– Молодец! Жаль, мне с тобой нельзя... – с сожалением вздохнула сова.

– Жаль, – грустно кивнула я, вспоминая, как много лет назад Хильда учила меня летать и охотиться.

Тогда, в нашем поместье, я была счастлива и спокойна. Взрослая жизнь же накладывает куда больше ограничений. И чем больше ты про нее узнаешь, тем меньше хочешь рисковать из-за минутных развлечений.

Вождеденный момент наступил после обеда.

Я как раз сходила в столовую пораньше, а потому, когда вернулась, в нашем блоке никого не было. И хоть комнаты все равно закрываются, а выходить я собиралась не через дверь, а через окно, но так мне все равно спокойнее.

Закрыв замок, я распахнула оконные створки, завесила их шторами, оставляя небольшой зазор, и сама отошла в дальний угол комнаты. Хоть напротив дерево с густой листвой и вообще мы на третьем этаже, но осторожность лишней не будет.

Оборот всегда начинался одинаково – с легкого покалывания под кожей. Будто тысячи крошечных иголочек бежали по телу, напоминая, что кости могут быть гибче, глаза зорче, а душа свободнее.

Я выдохнула и позволила себе раствориться.

Мир дернулся, расплылся и собрался заново. Комната стала огромной. Шторы над головой нависали как облака, а пол оказался вон там, далеко внизу.

И это только звучит интересно, на самом деле во время первых оборотов меня накрывало совершенно иррациональной паникой. Тогда очень помогала Хильда, беря меня под свое крыло в самом прямом смысле и успокаивая теплом тела и невероятно быстрым стуком сердца.

Но потом я привыкла. Десять лет – достаточный срок, чтобы принять перемены, даже когда все внутри меняется до неузнаваемости.

Ощущение от нового восприятия хлынуло привычной волной. Я повертела головой, привыкая к новому углу обзора – почти круговому, как и положено сове. Когти царапнули пол, крылья сами собой расправились.

Белые. Пушистые. Мои.

– Красавица, – раздалось с насеста Хильды, которая смотрела на меня с непривычной нежностью. – Соскучилась?

– Да, – ответила я. Голос вышел чуть глубже, чем обычно, с легкой хрипотцой, так всегда бывало в этом облике. – Давно не оборачивалась.

– Конечно, соскучишься тут, – проворчала сова. – Сиди в четырех стенах, притворяйся, что ты человек.

– Так я и человек, – иронично ухнув, напомнила я. – Оборотни не являются нечистью, в которой звериного больше. А я еще и полукровка.

– Госпожа! – Финик выскочил из-под кровати и замер, глядя на меня круглыми глазами. – Вы... вы... вы огромная! И страшная! И красивая! Я запутался!

Я моргнула большими совиными глазами и склонила голову набок.

– Я хищник, Финик. Я должна быть страшной.

– Для врагов, – наставительно добавила Хильда. – А для нас ты просто пушистая. Ты была таким милым совенком...

Она умиленно вздохнула.

Я перебралась на подоконник, чувствуя, как лапы сами находят удобное положение. Ветка ближайшего дерева манила, но я сдержалась – сначала надо освоиться в теле, вспомнить, как им управлять. Взмахнула крыльями раз, другой, третий. Воздух послушно загудел под перьями.

– Слушай, – вдруг сказала Хильда, – а ты заметила, что у тебя перья в этом году гуще? И подпушек белее, чем обычно.

– Не замечала, – честно ответила я, выворачивая голову и стараясь объять взглядом себя прекрасную.

– А зря. – Сова продолжила с искренним интересом меня разглядывать. – У тебя сейчас очень хорошая форма. Крылья сильные,

когти острые, оперение плотное. Если бы ты была дикой, самцы бы за тобой только так гонялись!

– Не могу сказать, что безмозглые пернатые самцы являются пределом моих мечтаний.

– А может, и зря. Отсутствие мозгов временами скорее большой плюс, чем минус. – Она вздохнула. – Ладно, лети уже. Времени не так уж много.

Я хмыкнула и, больше не раздумывая, оттолкнулась от подоконника.

Ветер подхватил меня сразу – упругий, свежий, пахнувший листвой и дальними землями. Я набрала высоту, заложила круг над деревьями и только тогда позволила себе выдохнуть.

Свобода.

Крылья работали легко, словно и не было этих месяцев заточения в человеческом теле. Я ловила восходящие потоки, кувыркалась в воздухе, гонялась за стайкой мелких птиц, которые с возмущенным чириканьем разлетелись в стороны. Потом села на самую высокую ветку старого дуба и просто смотрела.

Академия сверху казалась игрушечной. Башни, корпуса, парк, озеро – все это было когда-то чужим, а теперь станет моим. Я проживу тут три года... и они будут счастливыми! Обязаны таковыми стать!

Я видела, как где-то вдалеке тренируются боевики, как кто-то спешит по аллее к библиотеке, как завхоз Квинтус выходит из административного корпуса с папкой под мышкой.

И Кайшера. Он стоял у распахнутого окна в своей башне. Я заметила его случайно – белая рубашка, светлые волосы, знакомый силуэт.

Я сорвалась с ветки и полетела прочь, подальше от этой башни и от мыслей, которые там, в человеческом теле, старательно гнала от себя.

В небе не думалось о том, что правильно, а что нет. В небе вообще думалось по-другому – проще, яснее. Я – сова. Я – свободна. Все остальное потом.

Время летело незаметно. Я успела облететь парк, покружить над озером, понаблюдать за студентами, которые готовили полигон к вечерним занятиям, и даже чуть не поймала мышь – но в последний момент передумала.

Все же разум был еще слишком человеческим, и ему было дико представлять, что можно просто заглотить сырую добычу и быть совершенно счастливой по этому поводу.

Солнце начало клониться к закату, и я, подчиняясь внутреннему чувству времени, развернулась к общежитию.

Обратный переход занял не больше минуты. Я влетела в окно, коснулась лапами пола и... поднялась с него уже девушкой.

– Ну как? – спросила Хильда.

– Замечательно. – Я потянулась, возвращаясь к человеческим ощущениям. – Давно так хорошо не было.

– Тогда давай собирайся. – Сова кивнула на часы. – У тебя через час тренировка.

Я глянула на циферблат и ахнула.

– Вот же... а-а-а-а! Ну ничего, успею! – крикнула я, вытаскивая из шкафа штаны с рубашкой и поспешно натягивая на себя, и бросилась к дверям, на ходу заплетая волосы в косу.

Финик проводил меня взволнованным писком, а Хильда только головой покачала.

– Молодость, – проворчала она. – Вечно все в последний момент.

Но, к счастью, времени мне как раз хватало на то, чтобы быстрым шагом дойти до полигона.

Пока шла, подумывала о том, что, по идее, надо как-то умудриться продемонстрировать все свои таланты. Которых было настолько не очень много, что этому даже не было смысла посвящать последние часы перед встречей.

Нет, откровенной бездарностью я не была и простые щиты или среднего уровня вполне успешно ставила. Но в защитных чарах основной упор идет на синхронизацию вербальной магии и жестикуляции. И для жестов нужно очень уж своеобразно выгибать пальцы. У меня просто не хватало растяжки и энтузиазма, чтобы это как-то компенсировать. Потому что элементарно больно.

Так что щитовикам, которые на этом специализировались, оно, конечно, необходимо, а наша преподавательница по нечистоведению искренне считала, что на тех почти безобидных тварей, с кем мы работали, сильных щитов не нужно.

Да и с вербаликой все было не слава богу! Магический язык, он же лантуанский, сложный. Да и ударение не там поставишь – и все, ничего не получилось.

И была у меня по нему, понятно, тоже четверка! За дежурства поставленная... и потому что я хорошая студентка была, как уже говорила. Не такая шелковая, как Лирка, но тоже ничего.

Ладно, в конце концов, все можно попытаться свалить на неземную прелесть препода, в присутствии которого у меня отказывают мозги. Интересно, поверит?

Встреча у нас была запланирована на южном полигоне, что за башней нечистеведов. Туда вела отдельная дорожка, огибавшая виварий, – видимо, чтобы случайные студенты не забредали, когда на площадке работают с особо опасными экземплярами.

Когда я пришла, то закатное солнце только начинало окрашивать облака на западе и на пару пальцев не доставало до забора полигона. На котором, нахохлившись, сидела крупная ворона с желтыми глазами и внимательно за мной наблюдала. Фамильяра чья-то, что ли?

Не с ней ли подралась Хильда?

Хотя фамильяры не бывают настолько трансформированными, стало быть, моя питомица в лесу все же с нечистью, скорее всего, встретилась.

У тех же иглокрылых вранов клюв двуслойный и внутренняя часть может показаться зубами из-за неровности роговых наростов.

Но это все лирика!

А не лирика меня ждала в центре полигона в лице красавца-блондина, которому совершенно подло невероятно шел охотничий костюм с высокими сапогами. Кайшер повернулся, и на его идеальных губах появилась идеально же выверенная вежливая улыбка.

Но ею я уже не любовалась!

Потому что рядом с деканом сидела какая-то невозможная страхолюда!

Страхолюда, если по-умному, называлась *hexapodis squamara*, а если по простому – сквамара. Относилась к частично одаренным магией видам и принадлежала к третьему классу опасности из пяти.

Крупная, под два метра в длину, с массивным туловищем, покрытым темно-зеленой чешуей, и длинным хвостом, который лениво бил по земле, выбивая мелкую пыль. Шесть мощных лап, три пары глаз, смотрящих в разные стороны, и широкая пасть с внушительным арсеналом зубов.

Больше всего она походила на здоровенную помесь ящерицы и кошки.

В свете всей прелести зверюги, степень привлекательности декана настораживала вдвойне, потому что в первую очередь я обратила внимание на него, а уже потом на это двухметровое чешуйчатое нечто!

– Добрый вечер, мисс Тарри, – улыбнулся мне Эйдан и светски осведомился: – Как добрались? Благополучно нашли место?

– В Хармарской академии хорошие указатели, – не сводя взгляда с приготовленной, очевидно, для меня нечисти, ответила я.

Прелесть декана на таком фоне начинала блекнуть!

Я-то думала, что мы просто станем оттачивать щиты... ну, на умозрительных, так сказать, моделях! А он мне такую роскошную практику притащил...

«Практика» смотрела на меня не более восторженно, чем я на нее.

– Знакомьтесь, это Валуша. – Эйдан сделал приглашающий жест рукой. – Она любезно согласилась нам сегодня ассистировать и за это получит вкусный ужин.

Судя по взгляду, Валуша с большим удовольствием закусила бы моим бедрышком прямо сейчас, без всякого ассистирования.

Блин, третий класс! Я таких только на выпускном экзамене видела...

Это если добрый декан не накопал мне разумную сквамару! В таком случае весь четвертый, а то и пятый класс опасности. Зависит от возраста, опыта и степени владения магическими способностями.

– А Валуша, получается, разумна? – грустно спросила я, чтобы все же понимать размах проблем.

– Нет, но она хорошо дрессирована и умеет обращаться со студентами. Моя бессменная помощница уже лет десять. – Он ласково потрепал тварюшку по тому месту, где у нее гипотетически должно было быть ухо.

Интересно, а со студентами хорошо обращались или это зависит от настроения страхолюди?

– А если я не успею поставить щит? – уточнила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Успеете, – спокойно сказал он. – Иначе бы я не предлагал.

– Вы так уверены?

Как могло бы быть приятно от такого безоглядного доверия, но почему-то нет!

– Ваш дядя очень вас хвалил. – Декан чуть наклонил голову, и в глазах мелькнула знакомая усмешка. – И потом, я буду рядом.

От этих слов стало почему-то еще страшнее.

– Ну что, начнем? – спросил он и сделал шаг в сторону, давая Валуше полный обзор на меня.

Тварь клацнула зубищами и припала к земле, готовая к прыжку.

Я глубоко вздохнула, подняла руки и начала плести первый щит.

И не успела я даже наполовину его закончить, как демонова сквамара все же сорвалась с места и перепрыгнула через меня, сверкнув на заходящем солнце зеленым чешуйчатым пузом.

Я даже сама не поняла, как закончила заклинание и вокруг меня задрожала призрачная марь щита.

– Медленно и плохо, – «похвалил» меня Эйдан. – Если бы Валуша прыгнула на вас, то вы бы не успели.

– Но я же поставила щит!

Притом круговой, а не стеновой! А это, знаете ли, очень сложно!

– Когда она почти приземлилась позади. – Он сделал круг вокруг меня, щелкнул ногтем по зазвеневшему воздуху и сказал: – А щит, кстати, неплох. Пару ударов бы выдержал.

Я поймала себя на том, что слежу за его движениями – плавными, текучими, хищными. Зачаровывающими, как змеиные изгибы простую мышку. Или птичку. Я же птичка, вот только декан не змейка.

– Попробуйте еще раз? – спросил он, вырывая из несвоевременных мыслей.

Я только кивнула и попыталась было сплести пальцы в нужную фигуру, но они откровенно подрагивали. Спустя несколько мгновений у меня все же получилось, но, пока я копалась, сквамара снова прыгнула и теперь развалилась не по левую, а по правую сторону от меня.

А щит появился, лишь когда она уже легла...

На третий раз лучше не стало. И на четвертый – тоже. На пятый – щит вообще дрогнул и рассыпался еще до того, как бронированная кошка ко мне приблизилась.

В итоге Валуша смотрела на меня тремя парами глаз и явно скучала. А вот профессор...

– Мм... Айлин, вы меня удивляете.

Вы меня тоже!

У меня же аспирантура, научная, между прочим, работа! Я просто не готова к тому, что мы тут не пассы отрабатывать будем, а мне придется по-настоящему защищаться от опасной нечисти!

Внутренняя истерика нарастала, и я понимала, что еще чуть-чуть – и совершенно не буду способна к адекватному диалогу, а потому решила форсировать события и сделать первый шаг сама.

– Профессор, вам же знаком термин «паркетные войска»?

– Вы заходите с очень неожиданной стороны. Но – конечно, да.

– Так вот, я – паркетный нечистевед! И меня впервые выставили против такой нечисти. – Я грубо ткнула пальцем в Валушу. – Я бы очень хотела, но я не натренирована, не умею с ними обращаться. И сейчас я ее откровенно боюсь, расстроена из-за своего провала и...

– Айлин... – неожиданно мягко начал Кайшер.

– Позвольте, я все же закончу? Так вот, боюсь и переживаю, что вы сложите с себя научное руководство такой бездарностью. Но я – не боевой практик! Вот так сложилось.

– Айлин, а теперь я закончу, хорошо?

– Да, – смутилась я.

– Во-первых, я рад вашей откровенности. Еще при нашем знакомстве я понял, что вы очень прямая леди, но с каждой новой встречей вы радуете меня все больше. А во-вторых, я взял с собой Валушу как раз для того, чтобы понять, как вы станете действовать в условиях стресса, потому что просто щит сплести я вас и в кабинете мог попросить. И свои выводы я сделал. Вы – далеко не бездарность, просто нет нужного опыта. Но мы не сможем без него обойтись, если вы хотите написать действительно интересную работу, потому что я не хочу следовать стратегии вашего прежнего преподавателя и работать только с безобидными существами. Как правило, интересны те, кто сложнее. А почти любая разумная нечисть имеет третий и выше классы опасности. Шаударский пересмешник, которого мы хотим сделать ключевой фигурой вашей диссертации, обладает четвертым. Но вы не напишете что-либо путное, если станете изучать его из-за решетки. А я не смогу быть постоянно с вами и страховать от всех возможных неприятностей.

– Я этого и не ожидала, – смутилась я.

– А зря. Я за вас отвечаю, и потому мы тут. – Декан вернулся к Валуше, погладил ее по широкой спине. На секунду его взгляд скользнул по мне – быстрый, оценивающий, такой, от которого хочется поправить прическу и одернуть рубашку, вдруг задралась? И тут же он отвернулся и, наклонившись к нечисти, потрепал ее по загривку. – Валуша, отдыхай.

Тварь довольно заурчала, свернулась клубком и прикрыла все три пары глаз.

– А теперь, – Кайшер вернулся ко мне, – покажите, что вы можете без паники.

– Я...

– Без паники, – повторил он. – Просто щит. Медленно. Как в университете. На счет «три».

Я сглотнула.

– Раз, – начал он.

Руки сами поднялись.

– Два.

Пальцы сплелись в знакомую фигуру.

– Три.

Щит развернулся надо мной, ровный, плотный, без дрожи.

– Хорошо, – сказал Кайшер. – А теперь удержите. И не переживайте, я не буду вас пугать. Просто стойте. Чувствуете, как покалывает кончики пальцев?

Я кивнула, боясь говорить.

– Запоминайте это ощущение. Это – ваш предел, но в спокойном состоянии, а в бою он будет меньше. Но наша задача в том, чтобы такой щит ты могла поставить в любой ситуации.

Он так затейливо скакал в обращениях с «ты» на «вы» и обратно, но сейчас я не могла даже толком изумиться по этому поводу.

– Ага... – сосредоточенно откликнулась я.

– Медленнее. – Бархатный голос словно обволакивал меня, погружая в трансовое состояние, когда слышать его, слушать и подчиняться тому, что Эйдан говорил, было самым естественным состоянием. – Не спешите. Четкие движения, ровное дыхание. Представьте, что щит уже есть, уже готов и вы просто его призываете.

Я попробовала. Пальцы слушались лучше, когда я не торопилась. Воздух передо мной дрогнул, начал собираться в знакомую призрачную сферу, пошел искрами, укрепляясь, а после... рассыпался, словно лопнувший мыльный пузырь.

Валуша подняла голову, принялась, но не тронулась с места.

– Еще раз, – велел Кайшер.

Я сбросила щит и начала заново.

Сделала еще раз! И еще. Пока движения не стали почти автоматическими, а щит не начал разворачиваться в тот самый момент,

когда я заканчивала последний жест. И уж точно не лопался, ура!

Круговая защита все же много сложнее, у нас она была в области «задач со звездочкой» и в обязательную программу не входила, а потому я даже не особо расстраивалась, когда у меня не получалось поставить. А сейчас – вышло!

Вот что Валуша животворящая делает.

– Хорошо. А теперь быстрее. И попробуем со сквамарой?

Я кивнула, сжала пальцы и начала проговаривать формулу заклинания, не сводя глаз с неторопливо поднимавшейся с песка Валуши. Сквмара сорвалась с места. Но я успела! Щит встал за мгновение до того, как тяжелая лапа впечаталась в него.

Звон как от колокола. Наш преподаватель говорил, что сила ударов обычно, сталкиваясь с такой структурой щитов, преобразуется в звуковую волну, но я ни разу не слышала настолько мощного, густого звука. Не хотелось даже представлять, что может случиться, если попасть под сквамарью лапу без защиты!

А она лупила со всей дури, надо признаться! Звук гулял внутри щита, сбивая концентрацию, и я даже сделала шаг назад, но в этот момент Эйдан скомандовал:

– Держите!

Я держала. Валуша била снова и снова, и щит гудел, но не рассыпался.

Пока декан не скомандовал:

– Хватит!

Тварь отпрянула, отряхнулась и села на хвост, выжидающе глядя на хозяина.

– Неплохо, – сказал он и едва заметно усмехнулся. – Для паркетного нечистоведа.

Я опустила руки, чувствуя, как они дрожат от напряжения. Эйдан смотрел на меня – спокойно, с легким прищуром, и я выдохнула:

– Спасибо.

Его голос звучал ровно, и он не спешил отводить взгляд.

– Не за что. И, Айлин... – Губы едва заметно дрогнули, скорее обозначая улыбку, чем действительно ее демонстрируя. – Вы действительно молодец, не стоит быть к себе настолько критичной. Для этого есть все остальные, но всегда должен оставаться хоть один человек, который безусловно, в любой ситуации поддерживает. И надежнее всего, когда это – ты сам.

– Звучит прекрасно, но к реальности не всегда применимо. Нет более надежного критика – чем ты сам.

– Тогда, возможно, ты где-то свернула не туда? – Эйдан вдруг открыто, широко мне улыбнулся и подмигнул. Я едва головой не потрясла – не померещились ли мне подмигивающие деканы!

– А...

– Жду тебя... дня через три, как раз после начала учебного года все утрясется. До встречи, Айлин. – Он вдруг подался вперед, перехватил мою руку, которую я как раз поднимала, чтобы не эстетично, но физиологично почесать нос, и поцеловал кончики моих пальцев.

Почти сразу отпустил, развернулся и пошел к Валуше, оставляя меня посреди полигона с колотящимся сердцем и странным чувством, что только что произошло нечто важное.

Но что?..

В общем, выходила я с полигона на неровных ногах, и отпустило меня минут через десять! И то, не отпустило, а, скорее, отрезвило. Я ушла достаточно далеко по тропе от вивария, и спустилась к небольшому, явно рукотворному озеру.

Присев у воды, я чуть поплескала себе в лицо и... увидела, что на бледном лице брюнетки в отражении сверкают янтарем птичьи глаза.

Шус побери!

И давно это так?!

Глава 7

КАЙШЕР ЭЙДАН

Декан факультета нечистоведов проводил Валушу к ее загону, как и обещал – выдал двойную порцию свежего мяса и уже после этого не торопясь двинулся по тропе к части парка, где располагались домики преподавателей.

Кайшер неторопливо шел по знакомым до каждого изгиба дорожкам, выложенным красивыми гранитными плитками. А он помнил их еще вымощенными простым булыжником, а кое-где и просто протоптанными ногами, потому что на заре Хармарской академии с финансированием были проблемы, и все делалось скорее на голом энтузиазме.

Как же давно он тут... существует.

И только пару дней назад появилась надежда. А сегодня она подтвердилась, хотя на все сто процентов он, разумеется, не был уверен.

Нарушая эти ленивые мысли, над головой раздался шорох перьев, и спустя миг на плечо декана приземлилась мигом уменьшившаяся в размере ворона.

Которая обратилась многолапой змеей, обвилась вокруг шеи хозяина и вкрадчиво прошипела:

– Ты весь такой задумчивый шел, такой интересный.

Он лишь иронично на нее покосился и, не удержавшись, щелкнул по носу.

– Ты тоже вся очень интересная, не переживай. Можешь даже стать чуть менее интересной – я порадуюсь.

– Бука, – ни капли не обиделась ухмара. – Так о чем думал?

– О мощении дорожек на территории академии.

– Серьезно? Кайшер... – Ухмара перебрала лапками, а потом вкрадчиво начала: – А может, лучше о другом?

– О чем же? – едва заметно улыбнулся профессор Эйдан.

– Надо о прекрасном!

– О чем же?

– О бабах, конечно, о бабах. Слушай, вот ты когда сказал, что хочешь с ней щиты потренировать, то с учетом твоего внимания к девчухе я ожидала, что на полигоне у нас будет сценка «Совращение. Часть 1». Я даже специально для этого летела изо всех сил от демонова Фейна. Чтобы успеть!!! И что?

– Что?

– Ты вместо этого притащил сквамару и напугал свою несчастную паркетную нечистеведку до писка! Кто же так подкатывает, Кай?

– Я? – уже открыто ухмыльнулся змей.

– Тебе бы информацию обновить, – посоветовала ухмара. – Книжечки почитать. Не знаю, как у вас, у ламиров, там было, но сейчас все по-другому.

– Я знаю. – Решив быть немного более откровенным, он пояснил: – Я просто кое-что проверял.

– Насколько быстро девчонка сделает ноги?

– Нет.

– Что ж ты за ламир такой, каждое слово буквально щипцами вытаскиваю! Давай уже начнем разговаривать распространенными предложениями? Что увидел, что смутило? А ты явно озадачен, не надо мне тут!

– Аура Айлин не менялась.

Ухмара озадаченно нахмурилась, а потом признала:

– Боюсь, придется пояснить, я не разбираюсь.

– Аура всегда реагирует на сильные эмоции, – пояснил декан и хитро глянул на компаньонку. – Как думаешь, она их испытывала?

– Несомненно! Валуша очень мотивирует на испытывание эмоций.

– А вот движения ауры Айлин были минимальны. Как при слабом, ну или среднем эмоциональном начале. В первую встречу меня это не удивило, все же, быть может, мисс Тарри не из стыдливых, хотя и краснела. Но страх... страх это другое. На него аура была обязана отреагировать!

– А почему она может быть неподвижна?

– Если искусственная. Скрытая артефактом, например, или замаскированная менталистом.

– Но зачем скрывать?..

– Мало ли. Жизнь штука сложная, причин может быть много, как сугубо личных, так и... – Он неопределенно повел рукой. – Так и более

занятных. А еще на нее указывает один мой артефакт, который никак не может реагировать на человека.

– Это который?

Кайшер лишь медленно покачал головой:

– Не все ли равно? – Он крутанул на руке перстень, пробегая пальцами по печатке, изученной до последнего изгиба.

– Откровенничать не планируем? – тут же смекнула нечисть и зависла перед ним, опять обернувшись.

– Не планируем.

Они несколько мгновений смотрели прямо в глаза друг другу – туманная дева, чьи очи полыхали янтарем, и зеленоглазый древний ламир.

– Ладно. – Первой сдалась ухмара, вновь разлегшись змеей на плечах хозяина. – Не хочешь говорить – не говори. Но если она правда та, кого ты ищешь... что тогда?

Кайшер не ответил прямо на этот вопрос, но, словно в утешение, более примиряющим тоном сказал:

– Возможно, я все усложняю и мне просто ее специально подсунули. Фейн, например, снова развлекается. Я сразу об этом не подумал, да и он уже давно перестал присылать мне неприятные сюрпризы.

– Считаешь, что девица подставная? – хмыкнула в ответ Пуся, прекрасно понявшая, что других ламиров ей обсуждать почему-то можно, а вот зачем хозяину девчонка и что за артефакт он притащил из своей недавней поездки – почему-то нет.

Интересно, конечно, но не настолько, чтобы совать в это дело нос... напрямую. Зачем рисковать по нему получить, если можно чуть выждать и зайти с иной стороны?

– Изначально не думал. – Кайшер медленно покачал головой. – Но очень уж она для меня привлекательна. Это или судьба, или злой умысел. Третьего не дано.

– Слушай... ты только не обижайся, хорошо?..

– Ну?

– Не то чтобы я настаиваю, но версию стоит рассмотреть...

– Пусинда.

– В конце концов, все мы из плоти и крови и не лишены желаний...

– Пуся! – Голос его стал предостерегающим, но нечисть уже вошла в раж.

– Короче, ты уже столько без бабы, может, это не судьба, а просто недотра...

– Захлопни клювик.

– Совсем ты закрыт для критики, хозяин.

– А ты свое мнение настолько открыто транслируешь, что эту форточку все никак не заткнуть.

– Фи, как грубо выражаешься. А еще принц.

Кайшер усмехнулся, но в глазах его не было веселья.

– Нет уже ни моего народа, ни моей земли, ни царства... какой же я после этого принц?

– Последний, – тут же отозвалась ухмара, и голос ее снова стал бойким. – Самый редкий экземпляр! Антиквариат! За тобой бы охотились коллекционеры, если бы не боялись, что ты их съешь.

– Утешила, – сухо сказал Кайшер.

– Я стараюсь, – скромно потупилась Пуся. – Так что, хозяин, перестань киснуть. Настанет и твое счастливое будущее. Может, даже с паркетной нечистеведкой, если ты не будешь пугать ее сквамарами и наконец начнешь нормально ухаживать.

– Пусинда.

– Молчу-молчу. – Она превратилась в туман.

– Наглая ты, – оценил Кайшер негромко.

Туман издал звук, очень похожий на смешок, и они неторопливо пошли дальше.

Вот дом ректора, который пустовал с прошлой весны, когда герцог Девиальский окончательно сложил с себя обязанности главы академии. Вот один за одним терялись за деревьями и густыми изгородами дома чуть поскромнее, деканов факультетов.

А если свернуть на аккуратно вымощенную дорожку справа, то спустя несколько минут можно оказаться у большого трехэтажного здания, которое построили для молодых специалистов, потому что в последние годы аспирантов в Хармаре становилось все больше.

Это радовало.

Всегда приятно, когда твое детище процветает.

Но, к сожалению, у известности есть своя обратная сторона. Чем больше ее, тем более интересные, пытливые умы она привлекает. И любое учебное заведение создано именно для того, чтобы их культивировать, но Кайшеру Эйдану слишком сообразительные нечистеведы на кафедре были не нужны.

Да и не только их может заинтересовать практически не стареющий преподаватель. Который периодически меняется на очень похожего, только лишь черты лица слегка иными становятся. Обычно Кай прикидывался своим же племянником, это многое объясняло... особенно если любопытствующие были правильно мотивированы меньше любопытствовать.

А уж в мотивации тот, кого сейчас звали Кайшером Эйданом, разбирался как никто иной.

– О чем думаешь? – внезапно спросила нечисть, повисшая рядом с правым плечом.

– О том, что скоро придется уходить, – немного подумав, все же ответил декан. – Год, два... может, три.

– Уходить?! – От таких новостей ухмара аж развеялась, чтобы соткаться густым облаком в паре метров от мужчины. – Но почему?

– Потому что я торможу развитие моего факультета, – терпеливо пояснил Кайшер. – Это неправильно.

– А-а-а... специально лучших выпускников пристраиваешь получше и подальше, а к себе берешь тех, кто не блещет? – Ухмара вновь вернулась на плечо хозяина.

– Нет, скорее увлеченных, как тот же Корвис, которого, кроме своих экспериментов, ничто не интересует. Но в любом случае некоторый отбор имеет место быть.

– Ну да, Корвис у тебя просто нечто...

– Он был худшим моим студентом... лет тридцать назад. Но все потому, что слишком рассеянный и концентрировался на своих идеях, игнорируя все остальное. В свое время мне пришлось приложить некоторые усилия для того, чтобы его не отчислили.

– А зачем?..

– Все мы имеем свои особенности. Корвис не от мира сего, с гиперфиксацией на определенных вещах. И в них он достигает огромных успехов. Но, к сожалению, современное общество не готово бережно давать таким людям простор для творчества.

– А ты готов?

– Ну так я и не современное общество.

Наконец, свернув направо, они оказались у небольшого дома, утопающего в зелени. Плющ обвивал крыльцо, в сумерках окна светились теплым желтым светом. Кайшер открыл дверь и пропустил Пусю вперед, все же дама, пусть и специфическая.

Та влетела туманным клубком, развеялась по прихожей, на секунду задержавшись у старого зеркала в резной раме, и собралась уже в кресле в гостиной, принимая женский облик. Теперь она была не крошечной девой, а женщиной чуть ниже Кайшера, с туманными, струящимися волосами и янтарными глазами. В полумраке они казались двумя горящими углями.

– Уф, наконец-то дома. – Ухмара вытянула ноги, откинулась на спинку, прикрыла глаза. – А то летать туда-сюда с твоими письмами...

– Ты жаловалась, что скучно, – напомнил Кайшер, снимая пиджак и вешая его на спинку стула.

– Я жаловалась, что мало подвигов, – поправила Пуся, не открывая глаз. – Это разные вещи.

Он не стал спорить. Прошел в гостиную, в которой всегда царил полумрак. Плотные шторы, мебель из темного дерева, несколько старых карт на стенах в качестве декора... Единственным источником света была настольная лампа под зеленым абажуром, отбрасывающая теплый круг на полированную столешницу. Кайшер достал из шкафа два бокала, из бара – бутылку тернового вина.

– Будешь?

– Мм... прямо предлагаешь? – оживилась нечисть, приоткрыв один глаз.

– Прямо да, – хмыкнул Эйдан.

Он взял бокал, наполнил его вином наполовину и отставил в сторону. Затем аккуратно расстегнул манжет левой рубашки, обнажая запястье. Провел по нему белоснежным когтем, острым как лезвие, и в вино тонкой струйкой полилась кровь – густая, темная, с едва уловимым серебристым отливом.

– Да ты меня сегодня балуешь. И сплетни про баб, и еда!

Пусинда подалась вперед, жадно наблюдая за драгоценной жидкостью, в которой содержалось столько силы и энергии, что она теперь сможет позволить себе гораздо, гора-а-аздо больше.

Ведь жрать студентиков, даже самых непослушных, ей, во-первых, запрещали, а во-вторых, она и сама не хотела.

Все же если долго жить как человек, то можно понахвататься самых дурацких привычек! Таких, как человеколюбие и заповедь «не убий совсем уж без причины», например...

Кайшер передал ей бокал. Пуся бережно приняла его в туманные ладони – пальцы ее были почти прозрачны, и сквозь них мерцало вино,

смешанное с кровью. Она поднесла бокал к губам, сделала первый глоток, и по ее телу пробежала легкая дрожь удовольствия. Янтарные глаза вспыхнули ярче, на секунду став почти оранжевыми.

– Хорошо, – выдохнула она. – Как после долгой зимы.

Кайшер налил себе вина, чистого, без примесей, и откинулся в кресле. Гостиная погрузилась в тишину. Только часы на каминной полке мерно отсчитывали секунды, да за окном шумел ветер в ветвях старого дуба. Пуся пила маленькими глотками, наслаждаясь, иногда прикрывая глаза, а иногда, напротив, пристально глядя на своего господина.

Он сидел неподвижно, с бокалом в руке, и смотрел в окно, где сквозь листву пробивались огни аспирантского общежития. Мысли его были далеко.

Минуты тянулись медленно, но это не тяготило, ведь в приятной компании время всегда летит незаметно.

Наконец ухмара допила вино, поставила бокал на столик и потянулась, туманным облаком поднимаясь с кресла.

– Ладно. Полечу развеюсь. А ты думай о своих тайнах. Может, надумаешь что дельное.

– Будь осторожна, – напомнил Кайшер.

– Скучные вещи говоришь, – донеслось из тумана, и он растворился в вечернем воздухе.

Кайшер остался один.

Он налил еще вина и задумался.

Сегодняшний тест показал: аура Айлин – ненастоящая. Но вопрос в том, артефакт на девушке или она изменяет ее сама? Последний вариант требует хороших способностей менталиста, и гипотетически у такой юной девы их быть не должно... но жизнь периодически подкидывает настолько интересные сюрпризы, что совсем уж сбрасывать со счетов эту вероятность нельзя.

Однако по-настоящему сильную вспышку эмоций не сможет скрыть ничто. Именно поэтому шпионам, например, не рекомендуют влюбляться и вступать в интимную связь с по-настоящему страстным накалом чувств.

Таким образом у него два варианта. Или испугать девчонку реально до смерти. Или довести до другой «смерти». Маленькой.

Кайшер усмехнулся. Надо сказать, что второй вариант нравился ему гораздо больше.

Хотя бы потому, что ему доставит удовольствие не только результат, но и процесс. И пока все выглядит так, что в любом случае главный бенефициар этой ситуации – его высочество Ксилот.

Он же Кайшер Эйдан.

Он посмотрел на деревья. Там, за ними, загорелся свет еще в одном окне аспирантского общежития. Кайшер задержал взгляд на огоньке дольше, чем стоило бы. Потом усмехнулся, отставил бокал и поднялся.

Он не торопился. У него было время. И была цель, ради которой стоило ждать сотни лет, а если она окажется не тем, кого он ищет... что ж, он хотя бы проведет время в компании девушки, которая ему нравится. В конце концов, даже у последнего принца вымирающей расы есть право на маленькое удовольствие.

АЙЛИН ТАРРИ

Обратно я шла как образцовая барышня прошлого века – опустив глаза долу.

Демоновы глазные капли! Они должны были держаться еще минимум три дня, идеально скрывая мой природный цвет глаз, но почему-то из отражения на меня все равно хлопали эти янтарные птичьи гляделки!

Нет, я знала, что после оборота все маскировочные средства распадаются в два раза быстрее, но не за несколько же часов?!

А если он действительно видел? Насколько Кайшер Эйдан может быть нелюбопытным существом, интересно знать... не заинтересуется ли, с чего вдруг у чистокровного человека глаза оборотня?

Утешает только то, что аура у меня надежно прикрыта и с этой стороны точно не будет никаких подозрений!

Может, он меня вообще нечистью посчитает? Из тех самых высших, потому что имею гуманизированный облик.

А высшие у нас как бы вне закона, потому что практически вся нечисть кроме того, что жрет вполне материальную пищу, питается еще и энергетикой, жизненной силой. А высшим для поддержки формы и тех же магических способностей нужно мно-о-ого силы.

Ее собирают или «самотеком», но тут властелином мира точно не станешь, или прицельно высасывая из разумных, а это как бы

преступление. И у нас в данный момент в правительстве, разумеется, много фракций, в том числе те, кто лоббирует права нечисти и требует признать их разумной расой.

Но все усложняется не только тем, что люди, эльфы, гномы или оборотни считают, что надо было человекоподобным родиться, но и тем, что сама нечисть очень уж многообразна.

Вот фамильяров же расой не считают, хотя они очень даже разумны, взять хоть Хильду. И точно заслужили какие-никакие права!

Так что очень сложно будет признать просто разумную нечисть их достойными, а фамильяров нет.

А если признаешь, то как с этим увяжется использование фамильяров магами?.. Или оформление нечисти как питомцев ими же?..

В общем... много всего.

Пока я размышляла о правах нечисти и «чисти», почти дошла до общежития. И пронесло меня, к счастью, мимо всех немногочисленных знакомых, на которых пришлось бы смотреть.

Почти пронесло.

Потому что на крыльце общаги аспирантов стояла Лира. И на руках у нее жмурился на остатки вечернего солнца рыжий кот Ллойд.

Блин.

Я попыталась проскочить мимо, сделав вид, что не заметила, но Лира, разумеется, не была бы собой, если бы упустила такую возможность.

– Айлин! – пропела она, и голос ее прозвучал так сладко, что у меня заныли зубы. – Ты что, с прогулки? А мы тут с Ллойдом отдыхаем после тяжелого дня. Правда хороший?

Она почесала кота за ухом, и тот довольно заурчал, щуря зеленые глаза. Ллойд был красивым – крупный, пушистый, с огненной шерстью и наглым выражением морды. Идеальная пара своей хозяйке.

– С тренировки, – ответила я, стараясь смотреть куда-то в сторону. – Но да, погода хорошая.

– А чего глаза прячешь? – Лира подалась вперед, и ехидно спросила: – Опять плакала? Без мамочки тяжело?

Вот далось ей это! Не одна я, между прочим, жила дома!

А тот же Крис так вообще свою маму и ее ценное мнение транслировал при каждом случае, но ему так вот в лицо она подобного не говорила.

А еще это «опять плакала»! Вот с чего она вообще взяла, что я рыдаю? Прямо так, чтобы на людей не смотреть, а?!

И, главное, прямо сейчас в достойную полемику не вступишь, так как очень сложно спорить, не глядя на собеседника.

Зато кто угодно, послушав наш с ней диалог, сделает вполне определенные выводы о моем характере. Но повезло: сейчас «кого угодно» рядом не наблюдалось.

– Все нормально. – Я попятилась к двери. – Просто устала.

– Ну-ну. – Лира издала противненький такой смешок, от которого хотелось запустить в нее чем-нибудь тяжелым. – Ты только не переутомляйся. А то, говорят, профессор Эйдан на свои тренировки всех подряд не берет. Будет обидно, если оказали такое доверие, а ты вдруг не справишься, правда?

Я сжала зубы. Уколола, зараза.

– Справлюсь, но как же мне приятно, что ты так искренне беспокоишься, – едко сказала я и, не прощаясь, скользнула в дверь.

Вслед, разумеется, что-то донеслось, но я уже мчалась по направлению к лестнице. Взлетела по ней птицей и спустя несколько мгновений оказалась сначала у двери с заветным номером семь, а после и в своей комнате.

И там как раз мой прекрасный шуршик воодушевленно копался в шкатулке с амулетами и уже нацепил на себя красивый кулончик с аметистом.

– Финик! – рявкнула я, забыв про свои переживания.

Спящая на своем насесте Хильда встрепенулась и недоуменно заморгала, но оценила обстановку и вновь сделала вид, что спит.

– Что? – невинно спросил шуршик, оглядываясь на меня с таким видом, будто он ничего особенного не делает.

– Положи обратно!

– Да я же просто себя украсить! – Он прижал кулон к груди обеими лапками, и его огромные глаза сделались еще больше. – Посмотреть, каким я буду красивым с этим камушком на шее. Бедному Финику совсем нечем себя облагородить, бедного Финика не украшает госпожа...

– Бедному Финику, возможно, будет очень к лицу свобода, – серьезно сказала я, приближаясь к трюмо и снимая с нечисти сначала подвеску, а после и два кольца, уже нанизанных на хвост.

– Свобода?! – Он ужаснулся так, словно я верную смертушку предложила. – Но, хозяйюшка...

Сложив все потыренное обратно, я со стуком захлопнула крышку и строго спросила:

– Где ключ?

Шуршик вздохнул и горестно поник ушами. Если верить этой актерской морде, то нет в мире более несчастной и притесняемой животного, чем он! А после, пригладив шерстку, нырнул в кожаную складку на брюшке и достал оттуда резной и тоже артефактный ключик. Его не мог взять никто чужой, но нечисть-то была своей!

Быстро заперев артефакты, я убрала ключ и, схватив поганца за ухо, от души его выкрутила:

– Ой... ой-ой-ой! Больно-больно-больно!

– Больно бы тебе, бестолочи, было, если бы ты что-то из этого активировал! – ласково проговорила я, наклоняясь так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. – Финик, сколько раз мы об этом говорили?

– Но я же не драгоценности...

– Лучше бы их, они хотя бы тебе лапы не оторвут по самые уши! – Я вздохнула, чувствуя, как злость постепенно уходит, сменяясь привычной усталостью. – Хотя про ювелирку мы с тобой тоже говорили! Если ты хочешь, чтобы мы жили вместе, то не должен воровать вещи у других и без спроса брать мои артефакты. Мы смирились с тем, что ты уворовал часть маминой коллекции, хотя мне стоило сил договориться с ней и оставить тебя дома. Мы с трудом смогли замять историю, когда ты стащил теткин браслет.

– Но ее муж...

– То, что дядю Тео твои наклонности забавляют и ты кажешься милым, не повод, чтобы постоянно обносить его карманы. Или кого-либо из родни! Финик, я серьезно.

– Ладно... прости. – Он горестно шмыгнул носом. – Я пытаюсь удержаться, просто не всегда получается.

По мордочке покатались крупные прозрачные слезы, и я почувствовала, как что-то внутри обрывается. Со вздохом я протянула ладони, шуршик в них шагнул, а после одним прыжком оказался у меня на шее и разрыдался.

Тонкое тельце сотрясали всхлипы, и я погладила его по теплой шерстке, чувствуя, как в душе вздрагивает что-то нежное и трепетное.

Свободу я ему, разумеется, не дам.

И не потому, что я плохая, а потому, что шуршики – мелкий вид, который очень редко обретает разум, и если уж обретает, то в питомцы его предпочитают брать люди с сомнительными наклонностями. Которым тяга этой нечисти к драгоценным и полудрагоценным камням как раз таки очень нужна для дела. Незаконного, конечно.

Да и Финик со мной уже... тринадцать лет? С тех самых моих десяти, когда я нашла его, притащила домой и прятала под кроватью.

А после он вырос и упер мамины драгоценности. Их мы, кстати, нашли, но уже много позже и тогда, когда они, если честно, по-настоящему были нужны – потому что отец уже умер и его состояние растащили ушлые партнеры, а мама потеряла остальное, потому что плохо им управляла.

Так что найденные под лестницей цацки оказались очень кстати. Отыскала их я, когда сама убирала дом, поскольку на том этапе нас покинули даже слуги.

Та же Лира, наверное, лишь фыркнула бы на мое «даже слуги». Да и я нынешняя, возможно, тоже... но тогда мне было всего тринадцать лет, и я потеряла не только отца, но и всю свою жизнь.

А еще – себя. И свои представления о маме как о порядочной женщине.

С тяжелым вздохом я засунула до сих пор всхлипывающую животину за ворот и пошла в ванную. Достала капли и наконец-то справилась с природным цветом глаз. Глядя, как желтая радужка постепенно темнеет, становясь коричневой, я машинально погладила затихшего и теперь мерно урчащего Финика.

Вернулась в комнату и, сев на стул, откинулась на спинку и обессиленно прикрыла зудящие глаза.

Иногда мне хотелось... даже не паниковать, а просто немного побиться в истерике.

Позволить себе полчаса слабости. Со слезами, подвываниями и бесконечным жалением себя. Причитать, как же я, бедненькая, жить-то буду? Как же я отношения создам? Как мне с кем-либо дружить, если открываться до конца я могу только фамильяре и мелкой нечисти?

В моей жизни не может быть никакой честности, откровенности и, как следствие, духовной близости. Да и замуж я не могу идти, ведь замужем появляются малыши. Как я объясню мужу и обществу их глаза

и волосы? Имею ли право обрекать их на такой же обман, в котором живу сама?

А ведь было время, когда я хотела детей... минимум двоих. Папа еще смеялся и говорил, что сначала надо найти друга, за которого я выйду замуж.

Именно друга. Потому что любой самый страстный возлюбленный может остыть. Отношения — это как дом. Если у него лишь одна несущая стена, да даже две, то как долго простоит эта шаткая конструкция?

У меня был чудесный папа. Пока не умер.

И потому да, к матери у меня было очень много вопросов... как она вообще могла ему изменить?! Ведь мне казалось, что она его любила... так искренне, так сильно, что едва не сошла за ним в могилу.

— Ты что ревешь? — вдруг совсем рядом раздался голос Хильды.

Я не слышала, как она подлетела, как приземлилась на спинку стула. Только сейчас почувствовала ее теплое присутствие рядом. Коснулась мокрых щек и слабо улыбнулась.

— Капли закапала, глаза жжет.

— Врешь примерно как Финик — отвратительно. — Хильда склонила голову набок, и в ее желтых глазах читалась тревога. — Твой секрет спасает только хорошая маскировка.

— Вот невесть почему не настолько хорошая.

Я достала Финика из-за пазухи, положила на стол и, рассеянно поглаживая кончиками пальцев его подрагивающие от удовольствия уши, коротко рассказала о том, что заметила после тренировки на полигоне.

— Хм... — Сова задумчиво взъерошила перья. — Ладно, будем надеяться, что красивенький блондин невнимателен и нелюбопытен.

— Сразу все?

— Хотя бы или-или, — с усмешкой откорректировала хотелку фамильяра. — Можем же мы надеяться?

Надежда — прекрасное чувство.

В этот момент в дверь постучали, и я с удивлением воззрилась на створку. И кто же это может быть?

Неужто Лирка отношения пришла выяснять, не удовлетворившись сценой на крыльце?

Но все оказалось куда интереснее...

Глава 8

По ту сторону стояла статная северянка.

– Привет, – низким голосом поздоровалась Дорна, привалившись плечом к косяку. – Ты завтра на церемонию пойдешь ведь?

Секунды три мне потребовалось, чтобы вспомнить, а потом я решительно кивнула. Первое сентября в Хармарской академии! Конечно же, я пойду! Завтра и торжественная часть, и речь нового, еще неизвестного ректора, и прочие интересности! А еще с завтрашнего дня выходят на работу остальные служащие академии, и я смогу наконец-то по-нормальному зарегистрировать фамильяра и питомца-нечисть в башне моего факультета.

– Отлично! – возрадовалась девушка, и ее лицо осветилось искренней, широкой улыбкой. – Слушай, нас попросили кое-что сделать из подготовки, но одна из аспиранток заболела и не сможет. Там в целом ерунда – настроить некоторые артефакты и проконтролировать первокурсников. Надо всего лишь со строгим видом маячить в аспирантской форме – и все.

– Ты просишь заменить вашу подругу?

– Ну да! – Она чуть наклонила голову, и рыжая коса скользнула вперед. – Потом с меня пироженка. Или даже две! Ты, конечно, не обязана, да и сама начинашка еще, но я подумала, что проще сначала поговорить с тобой, а уже потом искать возможную замену.

– Я согласна.

– Чудно! – Дорна хлопнула в ладоши. – Но завтра тогда потребуется чуть раньше встать. Я буду ждать в гостиной в шесть утра.

Ого, нехило.

– Как скажешь, – кивнула я, мысленно прощаясь с лишним часом сна.

– Тогда до завтра. – Она махнула рукой и вернулась на один из диванов в общей гостиной, где, видимо, до этого валялась с какой-то книжкой в яркой обложке.

Я прикрыла дверь и повернулась к столу, глядя на свои книжки... чьи обложки были совсем не яркими, но поваляться мне с ними тоже предстояло.

Хотя та же Хильда решительно не одобряла учебу на кровати, но я такая нарушительница, такая шалунья!

Схватила книжку и с размаха плюхнулась на покрывало.

– Айлин, – осуждающе ухнули с насеста.

Я трусливо промолчала.

– Учеба на кровати – путь к лени и прокрастинации, – продолжала занудствовать птица. – А студент должен быть бодр и собран!

– Я аспирантка.

– И что, все равно ведь учишься!

Она еще долго говорила. И про осанку. И про зрение. И про то, что я не молодец, а могла бы быть молодцом!

И в целом права, конечно. Но покажите мне тех, кто сразу слушается старших?

Вот и я пропускала мимо ушей, разве что сделала себе более вертикальное сиденье, стащив под спину все подушки, что нашла в комнате.

За окном темнело, в комнате горела одна настольная лампа, отбрасывая теплый круг света на раскрытую книгу. Финик уже посапывал, уткнувшись носом мне в колено, Хильда задремала на насесте, лишь изредка поводя головой во сне.

Я читала про эволюцию разума у птичьих видов, делала пометки на полях, но мысли то и дело улетали куда-то в сторону.

В сторону красивого мужчины, если честно.

Вот не зря я при первой встрече подумала, что больше с ним встречаться нельзя! Вот они – результаты. Несколько дней знакомства, а я почему-то думаю о том, как обаятельно он улыбается...

* * *

Впрочем, сидела я не очень долго, потому что шесть утра – это все-таки шесть утра!

Правда, как оказалось, наша прекрасная Дорна – адепт пунктуальности, потому что буквально в шесть часов и три минуты она уже барабанила в мою дверь.

– Айлин! Просыпайся, нас ждут дела.

– Великие дела? – мрачно спросила я, открывая ей.

Дорна была уже при полном параде! В темно-красной аспирантской форме боевого факультета, только вместо юбки на ней были строгие брюки, идеально сидящие по фигуре. Рыжая коса, перекинутая через плечо, блестела в утреннем свете, а сама она излучала такую бодрость, что мне стало немного стыдно за свою сонную физиономию.

– Это как повезет, – не смутилась северянка. – Прости, я думала, что ты еще спишь.

– Да нет, вот как раз почти оделась.

Я крутанулась вокруг себя, показывая, что мне осталось буквально накинуть жакетик – и готова!

– Это ты молодец. Идем быстренько пить чай и побежим.

– Чай?..

– Ага. – Она скрылась в соседней комнате, чем-то там позвенела и вышла с двумя большими кружками. – Чай и пирожки!

Мы устроились на диване в гостиной. Дорна протянула мне кружку, и я с благодарностью обхватила ее ладонями, греясь. Чай оказался обжигающе горячим, травяным и с какими-то сушеными ягодами, которые плавали на поверхности и отдавали легкой кислинкой. Пирожки – холодными, но от этого не менее вкусными, с мясом и луком.

Мы пили не торопясь, хотя время поджимало. В гостиной было тихо и уютно – солнечные лучи уже пробивались сквозь шторы, ложились золотистыми полосами на пол, и на минуту мне показалось, что мы не в академии, а в гостях у старой знакомой, где можно никуда не спешить и просто наслаждаться утром.

– А где Лира, кстати? – уже допивая чай, опомнилась я. – А то мы шумим.

– Сегодня шуметь можно. – Дорна усмехнулась, отставляя пустую кружку. – Она уже в административном корпусе и старается быть полезной буквально всем.

– Молодец, – нейтрально сказала я.

– О да, – с иронией кивнула девушка и пружинисто поднялась. – Ладно, побежали! Нам с тобой сразу в большой зал для мероприятий.

Главный зал академии оказался огромным — с высокими сводчатыми потолками, рядами длинных скамей, веером расходящимися от трибуны, и огромными витражами, через которые утреннее солнце лилось разноцветными потоками света.

Нас встретила суетливая женщина в мантии — кажется, из канцелярии, судя по строгому пучку и очкам на цепочке.

— Аспиранты? — спросила она, оглядывая нас с Дорной цепким взглядом. — Отлично, нам как раз нужны помощники! Кто с артефактами знаком?

— Я, — неожиданно для себя выступила вперед. — В университете работала с усилителями звука.

— Тогда к третьему ряду. Нужно проверить, чтобы все артефакты были настроены на нужную громкость. И чтобы ничего не фонило. — Она ткнула пальцем в дальний угол и повернулась к Дорне. — А вы поможете расставить таблички-указатели. Первокурсники вечно теряются.

Дорна кивнула и скрылась в толпе суетившихся служащих.

Я пошла к третьему ряду, где на стойках уже были закреплены небольшие хрустальные сферы — усилители голоса. Работа оказалась несложной: проверить, что каждая активирована, настроить чувствительность, чтобы речь не искажалась, но была слышна в самых дальних углах.

— Вы новенькая? — спросила меня та самая женщина из канцелярии, когда я закончила с последней сферой.

— Да, поступила в этом году. Аспирантка факультета нечистоведения.

— Хорошо. — Женщина ткнула пальцем в план, развернутый на ближайшем столике. — Теперь займетесь рассадкой. Вы отвечаете за ряды с пятого по восьмой по левой стороне. Там как раз с вашего факультета ребята будут.

— Все поняла.

— Отлично. — Женщина уже смотрела куда-то мимо меня, выискивая следующую жертву. — Студенты начнут подходить через полчаса, форма темно-синяя с серебряным кантом. Ваша задача — встречать, направлять, следить, чтобы никто не заблудился и не сел не в свой сектор. После церемонии — вывести свои группы в холл по порядку.

— Да, конечно.

Я двинулась в левую сторону зала, считая ряды. Пятый, шестой, седьмой, восьмой. Четыре ряда – человек сто, наверное. Я мысленно пожелала себе удачи.

Первыми стали подходить старшекурсники – они знали, куда идти, и моя помощь им не требовалась. Я просто стояла у прохода и кивала, чувствуя себя немного глупо в своей аспирантской форме, которая еще не успела стать привычной.

Потом потянулись первокурсники. Растерянные, с огромными глазами, сжимающие в руках приглашения и оглядывающиеся по сторонам, будто боялись, что их съедят прямо в дверях.

– Доброе утро! – Я поймала за локоть парня, который уже почти нырнул в ряды боевого факультета. – Нечистеведы – налево.

– А... я... – Он покраснел и, пробормотав что-то невнятное, быстро ретировался в нужном направлении.

– Скажите, здесь нечистеведы? – раздался робкий голос, и я обернулась.

Передо мной стоял еще один парень, в темно-синей с серебряным кантом мантии и, судя по растерянности на лице, явно первокурсник.

– Здесь, – я указала на скамьи. – Занимайте места. Первокурсники – в первых трех рядах.

– А... а вы кто? – спросил он, косясь на мою форму.

– Аспирантка. Буду следить, чтобы вы не потерялись.

– О! – Парень выдохнул с явным облегчением. – А я думал, это кто-то из преподавателей. А то выглядите очень... – Он замялся.

– Очень что?

– Строго, – признался парень и, покраснев, нырнул в первый ряд.

Я украдкой выдохнула. Учítывая, что я вот вообще не массовик-затейник, вроде неплохо получается!

За следующие полчаса я, наверное, раз сто повторила: «Нечистеведы – налево», «Пятый-восьмой ряды», «Да, вы не ошиблись, это ваш факультет». Кто-то путался, кто-то благодарил, кто-то смотрел на меня с пугливым восхищением.

И это было... даже приятно. Чувствовать себя нужной. Важной. Частью чего-то большого.

Ведь в годы учебы в Торнвуде я придерживалась скорее позиции невмешательства и максимальной незаметности, а потому в социальные активности особо не лезла.

Когда последние студенты расселись по местам, я подняла голову и увидела, что преподаватели уже занимают свои кресла. Кайшер Эйдан был среди них – в парадной мантии, на лице читалось спокойствие и легкая скука. И в целом его можно было понять, потому что для декана это далеко не первое официальное мероприятие.

Он заметил меня, кивнул, и я, склонив голову в ответ, тут же отвела взгляд. В зале погас свет, зажглись магические светильники, и на сцену поднялся распорядитель.

– Уважаемые студенты, преподаватели и гости Хармарской академии! Для торжественной речи приглашается новый ректор Хармарской академии...

Гул стих. Все головы повернулись к сцене.

– ...Морвенна Рейнвуд!

Что?..

Первая мысль была глупой, почти детской: «Это ошибка. Сейчас выйдет кто-то другой».

Но, не оставляя даже лишней секундочки на самообман, на сцену поднялась она. Моя тетя. В парадной мантии, с идеальной укладкой и той самой холодной улыбкой, которую я знала с детства.

– Дорогие студенты, преподаватели и гости Хармарской академии...

Она говорила. О традициях, о великом будущем, о том, что Хармар ждут перемены. Я слышала ее голос, но слова не доходили, потому что я до сих пор не могла поверить в реальность происходящего.

И осознать возможные последствия.

– Айлин, – шепнула Дорна, оказавшись рядом. – Ты чего застыла?

– Все нормально, – ответила я, не отрывая взгляда от сцены.

Нет, не нормально. Совсем не нормально.

Я чувствовала, как внутри поднимается что-то тяжелое, горячее. Не страх. Злость. На нее. На себя. На эту дурацкую церемонию, где она стоит на сцене и улыбается, а я должна делать вид, что ничего не произошло.

Ее взгляд скользнул по залу и остановился на мне.

Я нагло уставилась в ответ, и не подумав опустить взгляд или отшатнуться. Никогда от нее не бежала и сейчас не собираюсь.

Тетя чуть приподняла бровь, с усмешкой отвела взгляд и звучно закончила:

– Вместе мы сделаем Хармар академией, равной которой нет во всем королевстве!

Зал взорвался аплодисментами.

Я тоже похлопала, почему бы и нет? Тетушка всегда была хорошим оратором и умела толкать вдохновенные речи. Особенно если за ее спиной стоял мой дядя, который был готов профинансировать любые ее желания и амбициозные проекты.

– Айлин! – Дорна дернула меня за рукав. – Все, пора выводить своих.

Я кивнула. Взяла себя в руки. И пошла.

– Нечистеведы? – спросила я первого попавшегося парня, и голос прозвучал ровно, словно ничего не случилось.

И так было понятно, откуда он, учитывая цветное решение формы, но этот оклик скорее для него, чтобы понял, к кому именно обращаются.

– Да, – ответил студент.

– Выходите через левый выход, дальше – по коридору, потом направо. Там вас встретят.

Работа помогла.

Пока у тебя есть обязанности – страдать некогда, ведь есть дело, которое нужно сделать.

Студенты шли, я их направляла, и постепенно злость остывала. Не исчезала, нет. Просто превращалась во что-то холодное, тяжелое, оседала где-то в груди и не собиралась уходить.

Когда последний первокурсник скрылся в дверях холла, я выдохнула и прислонилась к стене.

– Айлин.

Я подняла голову. Кайшер стоял напротив, а за его спиной уже пустел зал, служащие гасили свет, и наше маленькое пространство в проходе казалось островком тишины.

– Вы сегодня молодцом, – сказал он. – Справились и с рассадкой, и с выводом.

– Спасибо. – Я попыталась улыбнуться.

– Но вид у вас такой, будто вы готовы прожечь дыру в сцене. – Он чуть склонил голову. – Что случилось?

Я посмотрела на него. На его спокойное лицо, на то, как он стоит, слегка прислонившись к стене, словно у него в запасе целая вечность.

– Ничего, – сказала я. – Просто... не ожидала.

Он подождал подробностей, но их не последовало.

– Вы знали? – спросила я наконец. – Что именно Морвенна Рейнвуд станет ректором? Почему ее имя до последнего держалось в секрете?

Кайшер посмотрел на меня долгим взглядом.

– Знал, – сказал он. – Потому что леди Рейнвуд изначально должна была стать ИО ректора, но в итоге получила полноценную должность.

– Она моя тетя... – сказала я. – Наверное, вы уже поняли.

– Мы знакомы, – спокойно ответил он. – Она же супруга Теодора. А еще... у вас есть много общего. В основном взгляд.

– Взгляд? – Я невольно усмехнулась. – Мы не похожи.

Было некоторое подозрение, что я пошла в своего кровного отца, потому что с другими родственниками общих черт не наблюдалось.

– Так я и не говорил, что похожи, тем более ничего не говорил про глаза. Взгляд, а точнее, его эмоциональное наполнение. Вы смотрите на нее как на неприятного чужака, а вот она... она как на врага.

Я не знала, что ответить, хотя бы потому, что он был прав. Тетя действительно терпеть не могла что мою маму, что меня. И надо сказать, что у этого даже были логичные причины, правда, поняла я это только лет в тринадцать, когда впервые обернулась.

– Если понадобится помощь, – сказал он тихо, – вы знаете, где меня найти.

Я кивнула. Он развернулся и ушел, а я осталась стоять в пустом зале, глядя на трибуну, где еще минуту назад стояла моя тетя.

– Она ректор, – сказала я вслух. – Что ж, посмотрим.

Но долго грузиться мыслями о будущем я не смогла, потому что посильная аспирантская помощь потребовалась уже в другом месте.

Глава 9

В общагу мы вернулись уже после обеда. Дорна ушла к себе, пообещав, что вечером снова зайдет с пирожками, а я закрылась в своей комнате и рухнула на кровать.

Финик тут же вылез из своего убежища и забрался ко мне на колени.

– Госпожа, вы какая-то грустная, – пискнул он, заглядывая в лицо.

– Все в порядке. – Я погладила его по ушастой голове. – Просто... день тяжелый.

– А вы поели? – строго спросил он. – День без еды в три раза тяжелее обычного.

И не поспоришь, главное.

– Да, я была в столовой.

– Это хорошо, – важно кивнул Финик.

Хильда молчала. Она сидела на насесте и смотрела на меня своими желтыми глазами, и в этом взгляде читалось все: и тревога, и понимание, и то, что она ждет, когда я сама расскажу.

– Тетя стала здесь ректором, – сказала я в потолок.

Хильда вздохнула... тяжело, почти по-человечески. Я покосилась на нее и утвердительно проговорила:

– Ты знала.

– Знала, – переступив лапами по насесту, неохотно ответила фамильяра. – Еще вчера, когда ты была на тренировке, я слетала к административному корпусу. Там уже вовсю шла подготовка, и имя нового ректора обсуждали все, кому не лень.

– И почему ты не сказала?

– А смысл? – Хильда склонила голову набок. – Чтобы ты не спала всю ночь и думала? Или чтобы на церемонии вся в мандраже была? Нет уж, пусть лучше все случится, как случилось.

Хотелось обидеться, но не смогла, потому что она была права. Я бездумно смотрела в потолок, болтала ногами и наконец риторически спросила:

– И что теперь делать?

– То же, что и делала, – ответила сова. – Учиться, тренироваться, писать диссертацию. Не давать ей повода придаться. И если

понадобится – просить помощи, потому что получить степень тебе нужно для дальнейшей карьеры.

– У кого просить? – невесело усмехнулась я.

– У того, кто не боится ректора. – Хильда усмехнулась. – У красивого декана, например.

Я закрыла лицо подушкой, а после, подумав, все же бросила ее в сторону вредной птицы.

– Хильда!

– Что? Я серьезно. Он не из тех, кто отступает перед властью. И он уже за тебя вступился, когда взял в аспирантуру. Может, и дальше поможет.

– Скажешь тоже – вступился. Он просто наказал подчиненного и меня забрал как трофей. Который в итоге как чемодан без ручки.

– Мог бы просто отказать в аспирантуре, и все.

Я молчала, чувствуя, как в груди теплеет от одной мысли, что рядом есть кто-то, кто может стать опорой.

– Ладно, – сказала я, отбрасывая подушку. – Будем жить дальше. Главное, не раскрыть себя, а остальное мелочи!

– Вот это правильный настрой, – одобрила Хильда.

Финик, который все это время слушал, прижав уши, наконец выдохнул и заулыбался:

– А я помогу! Я буду охранять артефакты, шампуни и всякие капли, что нужны для маскировки! – Он воинственно вскинул лапку вверх. – Никто не пройдет!

С такими стражами и воров не надо, ага.

– Ты, главное, сам не пройди куда не надо, – фыркнула Хильда.

– Я буду стараться! – пообещал шуршик.

Я рассмеялась, и смех этот вышел почти настоящим.

Но переключиться все равно сразу не получилось.

Я бездумно пялилась в потолок и пыталась понять, с чего же когда-то все началось. И когда?..

И по любому получалось, что с моего деда, графа Рейнвуда. У этого достойного лорда, ныне, к сожалению, покойного были две красавицы-дочери. Морвенна и Эльза.

Умная, величественная, холодная старшая. И милая, нежная, добрая принцесса – младшая.

Вот только наследовать фамилию они не могли, как и принять на себя титул. Стало быть, для кого-то нужно было подыскать не просто

мужа, а того, кто вошел бы в семью и взял фамилию Рейнвуд. Достаточно нещепетильного в вопросах дворянской чести аристократа, потому что доверять наследие кому попало дед тоже не хотел.

И возможно, было бы проще оставить титул дальним родственникам, но, увы, дедушка имел настолько склочный характер, что успел со всеми рассориться.

В общем, искали жениха.

И на каком-то из сезонов сестры познакомились с виконтом Тарри. Моим отцом. Который, как говорят, одно время ухаживал сразу за двумя девушками, но все же выбрал Эльзу и женился на ней. Ввел ее в свой род, дал свою фамилию.

А убитую горем Морвенну выдали за дядю Теда, которого как раз подыскал дедушка.

Никто не ждал, что этот брак окажется удачным. Морвенна была зла, Тед – из небогатого, хоть и уважаемого рода. Но дедушке нужен был зять, который возьмет фамилию и не будет лезть в дела, а Тед оказался не только покладистым, но и... умным.

Снаружи – добродушный, чуть рассеянный толстяк с вечной улыбкой. Внутри – хваткий делец, который за годы брака не только приумножил остатки состояния Рейнвудов, но и сделал имя своей жене. Именно на его деньги Морвенна строила карьеру, покупала связи, продвигалась по службе. И она это знала.

Потому и терпела. Терпела его негласное покровительство и тихую помощь Эльзе, терпела даже его чувства к своей сестре – делала вид, что не замечает. Потому что без Теда она была бы просто преподавательницей с хорошей родословной, а с ним – силой, с которой считаются.

Вот так все и жили. Долго, потому что шестнадцать лет – срок немалый. И, наверное, даже вполне счастливо.

А потом мой отец умер.

И мир рухнул.

Потому что в горе, в отчаянии, в той бездне, куда я провалилась, меня накрыл первый оборот. Переломав кости в первой трансформации, на свет выбралась моя вторая ипостась. Полярная сова, с черно-белыми перьями, и янтарными глазами, которые оставались со мной в любом облике, совершенно не похожие на человеческие.

А в моей семье все были чистокровными людьми, что с одной, что с другой стороны. Ни единого оборотня, тем более настолько редкого,

из птичьего клана.

Вместе с осознанием того, что я полукровка, на меня гранитной плитой рухнуло понимание того, что я не дочь своего отца.

Долгожданная беременность матери случилась через несколько лет после свадьбы. Знал ли папа? Он всегда так обожал меня, что даже ни единого сомнения не было в том, что я родная! И да, я росла балованной и счастливой. Любящий отец, нежная мама, добрый дядюшка, постоянно привозивший интересные книжки... из всего этого выбивалась лишь тетя, всегда смотревшая на меня с холодным презрением.

Я думала, она просто злая! Стерва, которой не нравится, что сестра вышла замуж за любимого мужчину и счастлива с ним.

Думала, пока не обернулась. А когда вернулась в человеческий облик, то русые волосы сменились белоснежными с черными прядями-перьями, а глаза... про глаза уже говорила.

Мама плакала. Просила прощения. Говорила что-то про «сильные чувства», про «так сложилось». Но я не слушала. Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала.

А тетя... тетя, кажется, знала всегда.

Она не говорила вслух, но я видела. В ее взгляде, в ее усмешках, в том, как она смотрела на меня, когда думала, что я не вижу. Для нее я была доказательством того, что ее сестра – не та нежная принцесса, какой казалась. Что мама – воровка, что украла ее счастье, а потом еще и изменила мужу. А я плод измены, который не должен был родиться.

И она ненавидела меня за это.

А я? Я ненавидела ее за то, что она права.

Это чувство родилось в моей еще детской душе. И полагаю, что тетя была единственной, к кому я могла испытывать такие эмоции. Потому что к матери я испытывала огромную безусловную любовь, даже какое-то трепетное обожание. Именно поэтому случившееся разделило меня на до и после.

Безусловная любовь к матери не спасала меня от безграничной боли от осознания того, что она предала отца и обрекла меня на такую жизнь. Притом иногда мелькали эгоистичные и даже кощунственные мысли: она что, с человеком не могла спутаться?! Хотя бы не было таких последствий...

С годами я смирилась с тем, что мне остается только одно: защищать. Защищать мать от сплетен и пересудов. Защищать память об

отце от грязи, которой его обольют, если правда выйдет наружу. Защищать их обоих – даже если одна из них предала, а второй уже никогда не узнает о таких больших усилиях.

Потому что, если я этого не сделаю, – кто сделает?

Над головой раздался шум крыльев, и на металлической спинке кровати с тихим скрипом сомкнулись когти, а вкрадчивый голос Хильды спросил:

– Себя жалеешь?

Я мрачно посмотрела на фамильяру и перевернулась на другой бок.

– Глупый совенок, – ласково протянула она. – Жалеть себя не плохо, потому что кто же иначе пожалеет? Главное – не сильно увлекаться. Ты уже часа два лежишь.

– Часть времени я дремала.

– Не верю, – хмыкнула она. – В общем, вставай. Если учиться не хочешь, то обернись и выгуляй Финика. А то он у нас скоро пылью тут зарастет.

– Вовсе нет, – пискнул шуршик из своей лежанки. – Я очень даже активный. Уже выходил на подоконник и даже перепрыгивал на ветку дерева.

Я перевернулась, немного поболтала ногами в воздухе и решительно кивнула.

В конце концов, для того мне моя сова и нужна была изначально – чтобы я сама спокойно могла гулять, прикрываясь ее наличием. И ничто так не разгружало и не переключало, как полет!

За окном светило солнце, в комнате было тепло и уютно, а впереди был целый день, который можно прожить так, как я хочу. Не думая о тете. Не думая о прошлом. Просто жить.

В общем, встала я, обернулась и спустя пять минут уже сидела на траве под деревом и наблюдала, как по веткам ловко прыгает мой Финик.

Животина моя всегда очень тревожно относилась к новому месту, и потому на первых прогулках мы с Хильдой всегда по очереди его сопровождали. Но адаптировался он довольно быстро, и это было и хорошо и плохо одновременно. Потому что осмелевший Финик временами хуже трусливого!

– Солнышко светит. – Шуршик спрыгнул на землю рядом со мной и задрал мордочку к небу, прищулив круглые глазки. – Пока еще тепло.

Куда пойдём, хозяйка?

– Без обращений, – напомнила я. – А если надо, то лучше Хильда. Не первый раз же, что ты?..

– Действительно, простите, – вздохнул Финик и одним длинным прыжком переместился к следующему дереву. – Интересно, тут много нечисти?

Некоторое время мы болтали о том, что ждёт моего питомца на новом месте. На самом деле он хотел бы завести друзей, потому что мы с Хильдой были для него скорее семьёй, со всеми вытекающими особенностями. Да что там, за все годы он так и не начал говорить мне «ты»! Для Финика почему-то вежливое обращение было едва ли не столпом модели отношений «хозяин – питомец». И то, что Хильда этого не придерживалась, ни капли его не смущало, видимо, сову он вовсе считал чем-то непостижимым, которому можно. Хотя сам ей «тыкал» без зазрения совести.

И если так подумать, то на Хармарскую академию все мы возлагали примерно одинаковые надежды. Я тоже хотела бы найти тут тех, с кем могу стать немного ближе на добровольной основе, а не потому, что мы связаны нерушимыми узами и тайнами.

С Фиником мы гуляли примерно полчаса. Сходили до озера, я показала, в какой стороне находятся виварии и полигоны боевиков, и, стало быть, туда лучше не соваться. И в заключение погуляли по ухоженной, красивой территории академического городка с домиками преподавателей. Очень красивенько, конечно!

Именно тут мы с шуршиком расстались. Он сказал, что сам вернется в общагу, а я решила ещё полетать, потому что во время прогулки с питомцем скорее перескакивала с ветки на ветку, чем парила.

Взмыв повыше, я сделала круг над комплексом зданий, а после, повинувшись какому-то внутреннему порыву, свернула к главной башне. Там, на самом верху, был карниз – широкий, удобный, с которого открывался вид на всю академию. Но села я чуть выше, на красно-коричневую черепицу, нагретую за день, и распушила перья, чувствуя, как растекается тепло по всему телу и напряжение уходит.

Хорошо.

Спокойно.

Впрочем, как и все хорошее в этом мире, – ненадолго!

Первым раздался мерзкий скрип отродясь не смазанных петель чердачного окна, а потом и хруст черепицы под подошвами.

На крышу, грациозно переступая через выступающие фрагменты кровли, вылезла гибкая фигура. Я узнала декана сразу – по светлым волосам, собранным в небрежный хвост, по легкой, почти хищной грации движений.

Сегодня Кайшер был в простой рубашке, слегка мешковатых штанах и ботинках на шнуровке с высоким голенищем. Никакой деканской мантии, никаких намеков на статус... возмутительно, короче.

Что он тут забыл?!

Я насторожилась и уже собралась было сигать с крыши, как он, отряхнув штаны, посмотрел мне прямо в глаза и поздоровался:

– Добрый вечер!

Эм. И что делать, а?

Глава 10

На самом деле вопрос был вовсе не риторическим!

И вариантов имелаась просто тьма. Прикинуться обычной совой?

Маскироваться под Хильду – идея рабочая, исключительно пока не начинаешь с кем-либо близко общаться, потому что, как ни крути, личности мы разные, хоть и птичьи.

Хотя никто не заставляет меня делиться с Эйданом секретиками и своим мнением по всем вопросам, не так ли? Иметь мнение вообще дело не хитрое, если честно, для этого даже наличие мозгов, как правило, не обязательно.

Декан остановился в паре метров от меня, засунул руки в карманы и уставился на закат.

– Хорошо здесь, правда? – неожиданно сказал он, явно вызывая на диалог.

Я не шелохнулась.

– Я часто сюда прихожу, когда хочу побыть один. – Он повернул голову и посмотрел прямо на меня. Прямо в глаза! – Но сегодня, кажется, у меня будет компания.

Я выразительно моргнула на него в ответ и повернула голову едва ли не на сто восемьдесят градусов. Очень уж это меня увлекало – до сих пор! Хотя с первого оборота уже прошло много лет.

Но за спиной не было ровным счетом ничего интересного, а вот рядом подозрительно хрустела черепица, так что я от греха подальше развернулась обратно. Вновь встретилась взглядом с зеленющими, как тот самый грех, глазами декана, и он, заметив мое внимание, улыбнулся в ответ. Той самой легкой, чуть насмешливой улыбкой, от которой у меня внутри все переворачивалось.

И почему-то факт того, что сейчас я в том виде, в котором никак не могу интересоваться им как женщина, – вообще ничего не менял!

Хотя, может, происходит какое-то воздействие на мозги? Они-то у меня как были девчачьи, так и остались. Как говорит Хильда – слишком много человеческого. И мышей не жрешь и на мужиков залипаешь – сплошные недостатки.

– День сегодня был суетливый, но в целом положительный, – продолжил Кайшер, вставая рядом, и... выдал просто роскошную

подборку совершенно ненужной мне информации: – На мой факультет на удивление большой набор первокурсников, и это, конечно, приятно, но с другой стороны – большая ответственность. Да и еще теперь придется корректировать расписание и немного подвинуть амбиции профессора Урса, который курирует боевой факультет. Раньше полигоны большей частью были в его распоряжении, но с этого года все поменяется.

Пока я мучительно размышляла, что же делать, он присел в полутора метрах от меня, покопался в карманах штанов и неожиданно добыл оттуда мешочек с каким-то загадочным содержимым, румяное красное яблоко и нож. Разложил весь этот живописный натюрморт между нами.

Я с еще большей опаской наблюдала за ним.

– В идеале, конечно, будет добиться от нового ректора разрешения на постройку новых полигонов специально для нечистоведов. Да и еще один виварий для лечения не помешал бы. Ко мне сегодня подошли несколько студентов с целительского, сказали, что записались на факультативы и в будущем хотели бы поступить в аспирантуру! А у меня даже куратора или научрука для них нет. Нужно приглашать преподавателя, а это тоже бюджет, знаешь ли...

Не знаю.

Но с таким энтузиазмом общается! С первой попавшейся совой, между прочим... ничего о ней не зная! «Как можно быть таким доверчивым?!» – сказала бы Хильда и была бы права.

– Хотите орешки? – внезапно предложили мне, развязывая мешочек.

А хочу!

Хотя бы потому, что драпать со всех крыльев уже, наверное, поздно. Почему бы и не посидеть? Так что я запустила лапу в протянутый мешочек и, положив перед собой орешек, ловко ухватила его клювом.

А потом еще один орешек. И еще! Вкусно оказалось. Как и яблоко.

– Понимаю, совы едят мышей, а не фрукты, – улыбнулся декан, наблюдая за мной. – Но вдруг вы исключение? И я угадал!

Тю, какой вежливый, а? На «вы» с какой-то птицей.

Мы сидели так довольно долго. Он говорил – о погоде, о студентах, о том, что сегодня хороший закат. Я слушала и молчала.

Когда солнце почти скрылось за горизонтом, декан на некоторое время замолчал, а после вдруг спросил:

– Фамильяра?

Я ухнула и недовольно распушила перья.

– Разговаривать принципиально со мной не хотите? – вдруг понимающе усмехнулся он. Поднялся, отряхнул брюки и посмотрел на меня. – Ладно, это личное дело каждого. Но я буду рад, если вы прилетите еще. Мне понравилось, как мы общались.

Мужчины! Хлебом не корми – дай свободные и молчаливые уши.

Я лишь ухнула в ответ, а он рассмеялся, махнул на прощание рукой, несколькими шагами миновал расстояние до чердачного окна и ловко пролез в него.

Немного посидев и доев последний кусок яблока, я вспорхнула с крыши и направилась к общежитию.

Время вечернее, по идее, скоро должна прийти Дорна. А я как раз пропустила ужин и очень даже обрадуюсь ее пирожкам!

Надеюсь, что северянка относится к еде и обещаниям ответственно и не забыла!

* * *

К счастью, Дорна была добросовестным человеком. Когда зверски голодная я вернулась в общагу, обернулась и, переодевшись, вышла в гостиную, она меня там уже ждала.

– Айлин! – приветливо улыбнулась рыжая северянка, помахав мне с дивана все той же яркой книжкой.

– Привет. – Я столь же искренне улыбнулась в ответ и, присев на соседнее кресло, спросила: – Что читаешь?

– О, увлекательную историю про горца и красотку-аристократку из столицы, – хихикнула девушка с боевого факультета. – Ее выдали замуж, и теперь она там активно страдает.

– И... нравится такое читать? – осторожно спросила я.

Вопрос был не праздный. У нас многие девчонки читали любовные романы, но делалось это настолько втихаря и маскировалось всевозможными обложками, что я была удивлена, встретив такую честность в читательских предпочтениях.

– Еще как! – подтвердила мои первые выводы Дорна. – Оно очень смешное! Стереотипы о северянах крайне милые.

– Что вы грубые, очень сильные и всегда готовы подраться?

– И не моемся по полгода, – кивнула девушка. – Собственно, именно это является препятствием на пути к супружескому долгу в данной книге.

– Че-е-его?!

– Ну, девушку, разумеется благородную и утонченную, выдали замуж за горца. А он могуч, потрясающе красив, силен и даже умен настолько, насколько позволяет свободное от сражений время. Минус один – редко моется и, стало быть, воняет. Потому все возбуждение девицы теряется, стоит ей перестать задерживать дыхание от великой страсти, которую в ней все же пробуждают.

– Необычный сюжетный троп...

– А я и говорю – очень смешно! – Дорна хлопнула ладонью по обложке. – Но чувствую, что скоро переспят, так как в данный момент мужик упал в реку и самоотверженно борется с течением. Как победит и отмытый природой вернется в замок, то наверняка судьба его наградит за такие испытания, и жена наконец-то даст!

– Помолимся же за бедолагу Единому, чтобы ему наконец-то повезло, – хихикнула я.

– Ну, к жене ноль претензий. Если бы парень мылся раз в полгода, я бы тоже не давала, хотя севернее меня еще поискать!

– А откуда ты?

Северные земли делились на три области: прибрежные фьорды с их рыбацкими кланами, суровые каменистые плоскогорья, где добывали редкие руды, и Ледяной Кряж – самый суровый и закрытый край, откуда выходили лучшие воины континента. Потому что на Кряже обитала самая лучшая и опасная хтонь, континента, разумеется.

И вообще говорят, что именно на севере скрываются последние ламиры – древние змеи, страна которых ныне погребена под Иммерзильскими болотами!

– Ледяной Кряж, – с гордостью сказала она.

– О-о-о-о!

– Да, у нас самые сильные воины.

– Слушай, а можно прямой вопрос?

– Мы вроде уже как откровенничаем, так что – валяй.

– Ты ведь девушка. С севера. Вроде как у вас в культуре место женщины скорее у очага, а ты мало того, что боевой окончила, так еще и на аспирантуру осталась.

Дорна отложила книжку, и ее лицо стало чуть серьезнее.

– Мой отец – вождь клана. Ярл по-нашему. У меня есть брат-близнец, но, к сожалению, он... не ходит. – Она помолчала. – Он очень сильный маг, но вести за собой войско не сможет. Потому ему нужен... у вас это называют генерал, а у нас – ярлов клинок. Если бы я была младшей или старшей, то у нас бы так не получилось. Но мой народ верит в то, что близнецы – это две стороны одного целого. Потому мой брат сможет стать вождем, если я буду его клинком.

Угу. И потому аспирантура. Даже на севере тактику и стратегию никто не отменял.

– Тебе нравится? – осторожно спросила я.

– В каком смысле? – открыто усмехнулась Дорна.

Вот это кокетка, а? Притом, на мой взгляд, момент для этого не то чтобы неуместный, а скорее откровенно провокационный, потому что она прекрасно поняла, о чем я.

– Хочешь ли ты быть ярловым клинком?

– М-да... У нас такие темы пошли, а никакого достойного сопровождения, – вдруг подорвалась с дивана Дорна. – На трезвую голову я так далеко заходить не готова. Как насчет крепенькой медовухи?

– Я обычно не пью.

– А мы в чай добавим, так, для согрева, – подмигнула мне рыжая, скрываясь в своей комнате, и через пару минут вышла с подносом, на котором стоял артефактный чайник и две большие кружки. – Минутка!

Она вновь скрылась у себя и вернулась уже с мешком, из которого на свет появился бумажный пакет с выпечкой, а также вяленое мясо, сушеные ягоды и орехи в меду. Артефактный чайник оказался удобной штукой: достаточно нажать на крышку, и через минуту внутри закипала вода, мягко светясь теплым оранжевым. Я разлила кипяток по кружкам, пока Дорна раскладывала угощение на низком столике.

В заключение она извлекла пузатую бутылочку из темного стекла.

– А это, – она подняла ее к свету, – наша гордость. Мед на северных травах. Согревает лучше любой печи, потому что лучшее тепло – это то, что идет изнутри!

– Звучит хорошо.

– Ощущается еще лучше. Так вот, предлагаю тост за знакомство и за откровенность! – радостно заявила северянка, от души набулькав мне в чашку из бутылки. – Чтоб наша дружба была крепче, чем лед в Ледяном Кряже, и теплее, чем шерсть инеистого волка!

Мы чокнулись кружками, и я сделала осторожный глоток. Чай стал тягучим, с приятной горчинкой и медовым послевкусием. Тепло разлилось по телу, унося остатки дневной тревоги.

– Хорошо, – выдохнула я.

– То-то же, – довольно кивнула Дорна и, взяв пирожок, откинулась на спинку дивана. – Итак, ты хотела узнать, довольна ли я тем, что мне досталась мужская доля, или втайне хочу заплетать венец о двух косах и ждать своего мужа в каменном доме? Это достаточно сложный вопрос.

– Мы уже зашли слишком далеко, чтобы отделаться только этим ответом, – хмыкнула я.

Дорна сделала большой глоток, поставила кружку и подалась вперед, опираясь локтями на колени.

– Ла-а-адно. Беда в том, Айлин, что я попробовала на вкус обе доли, и они мне нравятся. До семнадцати лет я была любимая и балованная ярлова дочь. Много славных воинов приносили дары отцу и говорили, что нет меня краше не только в Ледяном Кряже, но и во всех северных землях. Но отец дары принимал, а обещаний никому не давал, потому что прочили меня в невесты ярлу Халгану Серебряному, что держит в крепкой руке четыре из семи кланов фьордовых земель. Но потом случилось нападение снежных йотунов, мы потеряли треть лучших воинов клана и... почти потеряли наследника. Три дня и три ночи вейла боролась за его жизнь с духами и отмолила.

Она сделала большой глоток из своей кружки и медленно закончила:

– Но не целиком.

– На равнине в таком случае можно взять другого мужчину в свой род, – вспомнила я. Именно так в свое время сделала тетя Морвенна.

– На равнине почему-то не считают утратой силы, если над родом стоит не тот мужчина, – покачала рыжей головой Дорна и весело добавила: – А у нас считают.

– Слушай... – Я чуть-чуть порозовела. – Если все так серьезно, то как род будет продолжен? Ты все же выйдешь замуж?

– Мой брат сохранил... все что нужно. Но невесту из хорошего клана для калеки будет найти гораздо труднее, – вздохнула Дорна. – Пока отец крепок. Но он не вечен. И тогда новому ярлу будет нужен клинок, чтобы отстоять честь там, куда не могут дойти его ноги.

Она замолчала, уставившись в свою кружку. Я не торопилась нарушать тишину – чувствовала, что ей нужно время.

– Что-то мы все о грустном да о грустном, – наконец сказала Дорна, встряхнув головой. Она отставила кружку, поправила выбившуюся из косы прядь и хитро прищурилась. – Давай теперь про интересное!

Она пододвинулась ближе, оперлась локтями на стол и улыбнулась так, что стало ясно – сейчас начнется что-то веселое. Ну, как минимум для одной из нас.

– Например?

– Рассказывай, как тебе наш профессор!

– Что? – Я поперхнулась чаем от такой резкой смены темы.

– Ну, научный руководитель твой. Говорят, он с тобой на полигон ходил, лично щиты проверял. Лирка от зависти ежедневник погрызла!

– Прямо так уж? – удивленно расхохоталась я.

– Зуб даю – с левого края! – Дорна хлопнула ладонью по столу, изображая клятву. – Так что не томи, а рассказывай! На профессора Эйдана тут томно смотрят решительно все, но раньше не было ни единого лица женского пола, которое могло бы стать ему ближе остальных.

– Слушай, ну ты сейчас преувеличиваешь. – Я покачала головой. – Административный состав, другие преподаватели, да те же студентки, которых он постоянно и ежедневно учит. Все они видят его чаще, чем я.

– Вот только ты наедине. Почти интимно!

– С чего это?

– Ты плохо Эйдана разглядела, что ли? С ним, считай, все интимно, если нет кучи свидетелей! Так что рассказывай.

– Он... хороший преподаватель, – осторожно подобрала я слова. – Не хочет, чтобы мне отгрызли что-нибудь в виварии, а потому тренирует.

– И красивый, – добавила Дорна с хитрой улыбкой.

– Это не обсуждается, – покачала головой я, но все же не сдержала улыбки. – Хотя бы потому, что это неопровержимый факт.

А вообще даже страшно представить, как несчастному мужику живется с такими-то экстерьерными характеристиками!

– О, значит, обсуждается, но ты не хочешь. Пока еще! – Дорна хохотнула и откусила пирожок. – Ладно, еще пара кружечек, и мы вернемся к этой теме.

Впрочем, продолжить посиделки и допить до непринужденного обсуждения мужиков мы не успели.

Дорна уже открыла рот, чтобы продолжить, но звук шагов в коридоре заставил ее замолчать. Мы обе перевели взгляд на дверь. Ручка повернулась, створка отворилась, и на пороге возникла Лира – с несколькими папками в руках, усталая, но довольная.

– Добрый вечер! – радостно поздоровалась она, скидывая туфли у входа. – А вы тут как? Я только-только освободилась!

– Чай пьем, – улыбнулась я в ответ, приподняв кружку. Видимо, медовуха у Дорны хорошая не только на вкус, потому что даже Лирка меня пока не раздражала, как обычно.

– О, чай – это хорошо. – Лира сняла жакет и, аккуратно повесив его на входе, пошла к нам.

Я допила свою кружку и протянула Дорне, которая ухмыльнулась и намешала в ней все тот же горячий северный коктейль.

– Вы что, пьете?! – потрясенно ахнула Лира.

– Ну да, – спокойно признала Дорна.

– Как можно?!

– Ты возмущаешься, что тебе не налили? – по-своему поняла это рыжая, но, судя по дрогнувшим уголкам ее губ, скорее забавлялась.

– Нет, конечно! И вообще... я сегодня в ректорате была, – начала Лира, поправляя прическу. – Помогала с документацией. Знаете, там столько всего! Но ничего, я быстро разобралась. Меня даже похвалили.

– Кто? – спросила Дорна с вежливым любопытством.

– Сама Морвенна Рейнвуд, – Лира произнесла это имя с таким придыханием, будто говорила о богине. – Она сказала, что ценит инициативных молодых ученых. И что такие, как я, нужны академии.

– Такие? – переспросила я, не удержавшись.

– Ну, ответственные. Умные. – Она посмотрела на меня с легкой усмешкой. – Кому-то и настоящую работу делать надо.

Я промолчала, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

– Она вообще сказала, – продолжала Лира, воодушевляясь, – что после аспирантуры для меня найдется теплое местечко. Возможно,

даже в ректорате. Представляешь? Помощник проректора – это же отличный старт для карьеры!

– Поздравляю, – сказала Дорна, и в ее голосе даже не было иронии! Почти. – Ты, наверное, очень старалась.

– Старалась? – Лира аж привстала в кресле. – Я всю жизнь старалась! У меня всегда были лучшие оценки, лучшие рекомендации. А кто-то, – она бросила быстрый взгляд в мою сторону, – даже не представляет, как ему повезло оказаться здесь.

Я сжала кружку. Дорна, почувствовав неладное, налила себе еще чаю и демонстративно отхлебнула, с интересом переводя взгляд с меня на Лирку и обратно.

– Ты это о ком? – спросила я ровно.

– О, ни о ком конкретно. – Лира улыбнулась той самой улыбкой, от которой у меня всегда сводило зубы. – Просто рассуждаю вслух. Не всем же дано поступить по знакомству.

– По знакомству? – Я невольно усмехнулась. – Лира, я сдавала те же вступительные, что и ты.

– Ну да, конечно. И дядя твой знаком со всем руководством тоже по счастливому стечению обстоятельств.

Ну не рассказывать же ей, что все свои права и возможность лоббирования дядя почему-то продолбал, когда потратил желание, которое ему был должен Эйдан, на то, чтобы у нас с ним состоялось свидание?

Тогда, чую, Лирку вообще прямо тут порвет на множество маленьких, «очень талантливых и способных» девочек, которые сразу же взорвутся от злости.

Неловко получится.

А потому...

– Спорить с тобой бесполезно.

– Потому что тебе нечего возразить!

– Пусть так, – с благожелательной улыбкой кивнула я.

А Лира гордо задрала голову и, громко стуча каблуками по полу, прошла через гостиную и скрылась в своей комнате.

– Зря она от чаечка отказалась, – флегматично проговорила молчавшая доселе Дорна. – Действительно успокаивает же.

– И примиряет с действительностью.

– На севере это часто пригождается, – кивнула Дорна. – У нас даже поговорка есть: «Холод в груди туши медовухой, а глупость в голове –

молчанием».

– Хорошая поговорка. – Я сделала еще один глоток. – Я бы взяла на вооружение.

– Бери, – хмыкнула Дорна. – У нас таких много. Северяне вообще народ запасливый – и на еду, и на мудрость.

В итоге, поболтав еще минут пять о пустяках – о погоде, о том, где в Хармаре можно купить настоящую северную соль и почему южане никогда не научатся правильно солить мясо, – мы разошлись по своим комнатам.

Я убрала кружку, проверила, спит ли Финик (шуршик свернулся клубком на подушке и тихонько посапывал, причмокивая во сне), погладила Хильду по голове. Сова притворялась, что дремлет, но на самом деле следила за мной одним прищуренным глазом.

– Все хорошо, – сказала я ей тихо.

– Знаю, – так же тихо ответила она. – Спи.

Я легла, укрылась одеялом и долго смотрела в потолок, слушая, как за окном шумит ветер. И почему-то вспоминала не тетю, не Лиру, не тревожные новости, а светлые волосы, собранные в небрежный хвост, изящные пальцы...

Глупости одни в голове были, в общем.

Глава 11

Выйдя на улицу следующим утром, я сначала даже растерялась от количества людей и прочих разумных, что радостно спешили на завтрак в столовую. Оказывается, за эти несколько дней тишина Хармарской академии меня разбаловала!

В столовой большая часть мест была заполнена, и слышался гул голосов. Я даже улыбнулась ностальгическим воспоминаниям. Когда-то и я впервые пришла в Торнвудский университет и, затаив дыхание, стояла под аркой главного входа, которая символизировала начало совсем новой жизни.

Это был интересный и непростой этап, и чего скрывать, я рада, что он позади. И совсем не рада, что два его осколка сейчас сидят со мной за одним столом.

Лира, как всегда, восседала с идеальной осанкой, лениво помешивая чай и бросая насмешливые взгляды в мою сторону. Кристиан, расположившийся через два места от нее, с энтузиазмом уплетал третью порцию каши и громко обсуждал с соседом преимущества боевых топоров перед мечами. Голос у него был такой, что слышно даже через весь зал.

В общем, учитывая общую оживленность атмосферы, пропустить момент, когда все переменилось, оказалось невозможно.

Как и все, я повернулась к дверям, где в сопровождении секретаря и со свитой проректоров, в число которых входил и Кайшер, появилась моя тетя.

Несмотря на годы, она была все еще очень красивой женщиной. Статной, фигуристой, с яркой, броской красотой, которая с годами не превратилась в пародию на саму себя. Черное платье строгого кроя, без единой лишней детали. Только серебряная брошь с гербом академии на воротнике и тонкий серебряный пояс. Платиновые волосы гладко зачесаны назад и собраны в низкий пучок под ажурной сеткой, на которой сдержанной роскошью сверкали капли бриллиантов.

Образ строгой наставницы, а теперь и ректора, ей очень шел. Прямая спина, плавные уверенные движения – в ней чувствовалась порода, которую не купишь и не подделаешь.

– Доброе утро, студенты, – звучно произнесла леди Морвенна, проходя через зал. – Хорошего дня и отличной учебы.

– Спасибо, леди ректор, – нестройным хором раздалось со всех сторон.

Судя по всему, тетушка направлялась не на возвышение, где сидели остальные преподаватели, а в отдельный кабинет. Как мне рассказывала Дорна, здесь была и общая столовая, и малая – для почетных гостей и высшего руководства, если оно желало уединения.

Ректор на ректора не приходится.

Предыдущий был более, так сказать, «близок к народу», несмотря на герцогский титул и должность Второго лорда Королевской службы безопасности. А вот тот, кто был до него, напротив, всегда ел отдельно.

Путь тети лежал мимо нашего стола.

Она скользнула по нему внимательным взглядом и, остановив его на мне, медленно кивнула в знак приветствия. Яркие голубые глаза скользнули дальше, достигли едва ли не подпрыгивающей от воодушевления Лиры – и на этот раз тетя не просто кивнула, но еще и улыбнулась.

И проследовала дальше.

На пороге кабинета Эйдан ее окликнул, с легким поклоном поцеловал протянутую руку и развернулся, направившись к общему преподавательскому столу. Тетушка проводила его взглядом, в котором ясно читалось: предпочла бы, чтобы он остался.

И ни одна девушка в этом зале ее бы не осудила. Включая меня – если уж совсем честно.

На этом интересные события за завтраком закончились. Я направилась в библиотеку: в книгах, что рекомендовал профессор Эйдан, было несколько разделов по поведенческим паттернам разумной нечисти в условиях неволи, которые я подзабыла со времен университета. Стоило освежить память до того, как меня отправят в виварий и я опозорюсь перед первокурсниками.

Тема увлекла настолько, что из библиотеки я вышла только к обеду – и то планировала вернуться. Но злоупотребила десертом и настолько объелась, что поняла: все свободное место в моем организме занято едой и багаж знаний туда уже попросту не поместится.

Стало быть, лучше прогуляться, а не сонно клевать носом за книжками.

На улице испортилась погода, поэтому я решила побродить по самой академии – благо сейчас было время занятий и коридоры оказались почти пусты. Вышла в холл и, чуть подумав, свернула в сторону витражной галереи, что соединяла его с административным корпусом.

Немного распогодилось, и выглянувшее из-за туч солнце сейчас стояло под нужным углом и рассыпало по каменному полу цветные пятна – синие, золотые, густо-красные. Я шла медленно, задрав голову, разглядывая сцены, на которые в прошлый раз не хватило ни времени, ни настроения.

Здесь было на что посмотреть.

Витражи шли вдоль всей галереи – высокие, почти до потолка, каждый в собственной свинцовой раме. Исторические сцены, если верить подписям на латунных табличках внизу. Основание академии. Первые студенты. Какой-то торжественный момент с подписанием чего-то важного, где все участники смотрели друг на друга с видом людей, которые уже жалеют о принятом решении, но отступить поздно.

Я медленно шла вдоль стены, читая таблички.

И остановилась.

Предпоследний витраж был больше остальных – занимал почти весь простенок между двумя арками. Цвета здесь подобрали иначе: не торжественные синие и золотые, а холодные серебристые с зеленым. Изображен был мужчина – судя по одежде, ученый или маг – и рядом с ним существо.

Огромное и гибкое. Змей, но не совсем – с большим сине-зеленым гребнем вдоль хребта. Серебристая чешуя была передана мастером удивительно точно: казалось, она переливается даже в сером свете пасмурного дня.

Я подошла ближе и прочитала табличку, на которой витиеватым шрифтом значилось:

«Талион Фэрст и его великий союзник. Год основания кафедры разумной нечисти».

– ...и вот именно поэтому наш факультет считается уникальным! Нигде больше на континенте нет ничего подобного! – донеслось откуда-то сзади и справа.

Я обернулась.

Метрах в двадцати от меня обнаружилась группа. Человек пятнадцать студентов – явно первокурсники, потому что на их лицах

было то особое выражение одновременного восторга и легкого ужаса, с которым смотришь на все в первые недели в новом месте. А перед ними, с видом человека, которому дали любимую игрушку и неограниченное количество времени, стоял Ревор.

Вздохмаченный, с блокнотом под мышкой, жестикулирующий с таким энтузиазмом, что блокнот периодически угрожал отправиться в свободный полет.

Он меня заметил, расцвел и помахал рукой.

Я помахала в ответ, собираясь двигаться дальше, но Ревор решительно вовлек меня в происходящее с искренностью человека, которому не приходит в голову, что кто-то может быть против.

– Айлин! Отлично, что ты здесь! – Он подтащил меня к группе без малейших церемоний. – Коллеги, это Айлин Тарри, аспирантка профессора Эйдана, между прочим выпускница Торнвуда! Живое доказательство того, что на наш факультет берут лучших.

Пятнадцать пар глаз уставились на меня.

Вот так вот с разбегу оказаться лучшей было неожиданно, потому я нервно помахала им рукой.

– Добрый день.

– Мы как раз остановились у моего любимого витража. – Ревор развернулся к стеклу так торжественно, будто сам его расписывал. – Кто-нибудь знает, кто здесь изображен?

Студенты уставились на витраж. Я тоже посмотрела – уже во второй раз за сегодня, но теперь иначе, со стороны, глазами человека, который видит впервые.

Серебристый змей с гребнем занимал добрую половину стекла. Рядом с ним – фигура мага, небольшая на его фоне, но явно не напуганная. Скорее... равная. Табличка внизу была отсюда не видна.

– Это ламир, – неуверенно сказала девушка с косичками.

– Именно! – Ревор просиял с видом преподавателя, у которого впервые за день ответили правильно. – Талион Фэрст и основатель нашей кафедры. Лично.

– То есть кафедру разумной нечисти основала... нечисть? – уточнил очкастый паренек. В голосе его читалось вежливое недоверие человека, который считает красивую легенду красивой легендой и не намерен этого скрывать.

– Соосновала, – поправил Ревор с удовольствием. – Совместно с Фэрстом. У них даже было несколько совместных научных работ...

И это не выдумка, а задокументированный исторический факт! У нас в архиве хранятся письма Фэрста, его дневники, протоколы заседаний совета основателей – и везде упоминается соучредитель кафедры. Везде!

– Но ламирь же вымерли, – сказал кто-то из студентов. – И вообще про них очень мало известно. Собственно, основные данные предоставлены именно Хармарской академией.

Я с усмешкой покосилась на очкастого паренька, в речи которого отчетливо читалось то, что ламирь красивая легенда, в истинность которой он не верит. А Хармару в принципе скорее выгодно муссировать это дело и не давать забыть о том, кто именно стоял у истоков факультета.

– Вымерли, – охотно согласился Ревор. – Именно потому это так интересно! Последний задокументированный контакт с представителем расы – и он не где-нибудь, а здесь, в Хармаре.

Он явно наслаждался возможностью поделиться своими знаниями и подискутировать на очевидно любимую тему. Я тихонько придвинулась ближе – просто чтобы лучше слышать. Исключительно из профессионального интереса! Я нечистевед, в конце концов.

– А как он вообще здесь оказался? – спросила девушка с косичками.

– Вот! – Ревор воздел палец. – Прекрасный вопрос. Фэрст нашел его в Иммерзильских болотах. Там раньше была Ламирия – царство ламиров. После гибели расы от нее остались только развалины и болота. И вот Фэрст, будучи человеком феноменального бесстрашия и, надо признать, несколько безрассудным исследователем...

– Или просто безрассудным, – пробормотала я себе под нос.

Стоявшая рядом со мной девушка – видимо, отбившаяся от группы – хихикнула.

– ...заключил с ним соглашение, – закончил Ревор. – Взаимовыгодное. Детали в дневниках не уточняются, но результат мы видим: кафедра разумной нечисти существует вот уже несколько столетий и является лучшей в стране.

– Это все равно звучит как легенда, – упрямо сказал кто-то из первокурсников.

Ревор просиял. Видно было, что именно этого возражения он и ждал.

– Понимаю скептицизм! – объявил он. – Но у меня есть аргумент, который, как мне кажется, закрывает вопрос окончательно.

Студенты переглянулись, и я решила озвучить явно витающий в воздухе вопрос:

– Какой же?

– Герцог Эол Девиальский, – продолжал Ревор, – бывший ректор нашей академии. Дракон. Второй лорд Королевской службы безопасности. Человек, который за свою жизнь не позволил себе ни одного необдуманного публичного жеста. – Он сделал паузу. – Этот человек воздвиг в южном парке статую ламира с памятной табличкой. Лично. За собственные средства!

– И?..

– Герцог Девиальский, – повторил Ревор, явно смакуя момент, – не стал бы увековечивать то, чего не было. И вообще, учитывая, что драконы и ламиры являются природными врагами, то этот жест – не что иное, как уважение к деяниям прошлого!

Возразить было нечего. Я сама не нашла бы что сказать, а уж первокурсники и подавно.

Что там дневники и прочие доказательства, если сам герцог-дракон, занимавший не так давно кресло местного ректора, отгрохал статую за кровные баблишки. Точно можно верить!

Вдруг в кармане у Ревора что-то резко и пронзительно завизжало.

Он дернулся так, что блокнот с заметками выпал из-под мышки и вокруг разлетелся веер листочков вкладышей. Но аспиранту было не до них! Он вытащил небольшой артефакт, плоский, округлый, и побледнел, глядя на пульсирующий красным прозрачный камень в центре. С лица Ревора моментально сошло все лекторское воодушевление.

– О нет...

– Что? – спросила девушка с косичками.

– Защитный периметр вивария. – Он уже смотрел не на студентов, а куда-то поверх их голов с выражением человека, мысленно оценивающего масштаб катастрофы. – Кто-то из третьего ангара...

Ревор осекся. Сгреб листочки и блокнот с пола, поднялся и, окинув группу изучающим взглядом, остановил его на мне:

– Мисс Тарри! Отлично, что вы здесь. – Он просиял так, словно ему улыбнулась редкостная удача. – Продолжите экскурсию?

– Подождите, я...

– Спасибо огромное! – Ревор уже пятился. – Немного про академию, немного про процесс обучения и нечисть. Не обязательно нашу – просто нечисть! А первокурсники очень хорошие и спокойные! Даже смиренные, правда!

И исчез за углом, бросив меня на растерзание студентам!

Я посмотрела на пятнадцать пар глаз, которые уставились на меня с вежливым ожиданием.

Потом на витраж с серебристым змеем.

Потом снова на студентов.

– Ну, – сказала я. – Кто хочет посмотреть на статую?

Пятнадцать пар глаз оживились.

Южный парк, южный парк... Ревор сказал: южный парк и озеро. Озеро я видела – оно было там, внизу, куда я спускалась после вивария. Значит, просто идем к озеру и ищем статую. Элементарно.

Я двинулась вперед с видом человека, который прекрасно знает дорогу.

Группа потянулась следом.

– А вы давно в академии? – спросила девушка с косичками, пристраиваясь рядом.

– Недавно. Только поступила в аспирантуру.

– И как вам?

– Интересно, – честно ответила я. – Виварий уже видели?

Виварий они не видели, и, пока мы шли через внутренний двор и дальше по дорожке вдоль главного корпуса, я в общих чертах описала, что их ждет.

Заодно выяснилось, что группа смешанная. Трое с боевого, четверо с теоретического, остальные – нечистеведение. Боевики держались чуть в стороне с видом людей, которые согласились на экскурсию из вежливости, но вообще-то у них есть дела поважнее. Теоретики слушали внимательно и периодически записывали что-то в блокноты. А вот нечистеведы забрасывали меня вопросами!

– А правда, что на третьем курсе отправляют в Шаударский лес?

– А ша'аргал действительно умнее некоторых преподавателей?

– А Карл хоть иногда разговаривает или совсем?..

– Идеологически не общается, – уточнила я, словно не сама вчера впервые увидела Шаударского пересмешника. – Это разные вещи.

Мы дошли до озера, и я немного замедлила шаг, якобы давая группе возможность полюбоваться видом, а на самом деле

осматриваясь. Дорожка раздваивалась. Я выбрала правую: она вела дальше от озера, а статуя логично должна стоять на каком-то открытом месте, а не у воды...

Хотя бы потому, что вчера, когда я там свои глазоньки после тренировки рассматривала, я ничего такого не видела.

В итоге статуя нашлась на небольшой круглой площадке, окруженной живой изгородью. Высокая – метра три, не меньше. Серебристый камень.

И надо сказать, что я ожидала чего-то величественного!

Величественного не было.

Змея изваяли в позе, которую можно было охарактеризовать только как очень странную. Гребень слегка набок. Хвост загибался под каким-то совершенно невообразимым углом. И морда – морда у него была такая, что хотелось спросить, все ли у него хорошо!

Глаза косят, а общий вид, как говорила наша кухарка, «лихой и придурковатый».

На постаменте табличка: «В память о тех, кто стоял у истоков. С уважением, Э. Д.»

Не знаю, что за скульптор ваял это творение, но чтобы так испохабить величественное существо – действительно нужен недюжинный талант!

Рядом со статуей спиной к нам стоял Кайшер. Руки в карманах, и, судя по тому, как напряжены плечи, лицеизрение прекрасного будило в нем весьма двойственные чувства.

Чуть в стороне клубился туман, который периодически принимал очертания женской фигуры, растекался обратно и снова собирался.

– ...нет, ну я просто говорю, – донеслось из тумана, – что скульптор явно старался. Очень... творческое прочтение.

– Пусинда, – сказал Кайшер тоном человека, у которого заканчивается терпение.

– Что? Я хвалю! Хвост особенно удался... и глубокомысленное выражение морды. Сразу видно – основатель тревожился за судьбы мира. Ой, смотри...

Туманная сущность явно нас заметила, замолчала на полуслове и, собравшись в многолапую змею, расположилась на плечах у декана.

– Ого, – тихо сказала девушка с косичками.

– Это нечисть? – шепотом спросил кто-то за моей спиной.

– Думаю, про это расскажет декан, – так же тихо ответила я. – Если захочет, конечно.

Хотя бы потому, что я наконец-то поняла, что собой представляет его оригинальный питомец. Это же ухмара! Именно туманный облик позволил окончательно определить вид нечисти. Он – ее стартовый, так сказать начальный.

Только вот эта нечисть явно разумная. Чего вроде как раньше не встречалось... Интересно, о ней уже написано тридцать три научные статьи и двенадцать диссертаций?

Если нет и тема свободна – я бы встала в очередь! Заранее.

Первокурсники тоже притихли, разглядывая непонятную диковинку.

Кайшер, почувствовав или услышав нас, обернулся.

Секунду он смотрел на меня, потом на пятнадцать первокурсников за моей спиной.

Потом снова на меня.

Я широко улыбнулась, искренне радуясь встрече. Правда смотрела не на декана, а на мою будущую докторскую. А она точно на нее потянет!

Интересно, свободная или профессор Эйдан ей прямо-таки хозяин? Если да, то, к сожалению, придется договариваться с ним, а вот если туманная нечисть свободная... у-у-у, перспективы открываются головокружительные.

– Слушай, Кайшер, а нормально, что на меня с таким восторгом смотрят? – с опаской спросила ухмара.

– Я не Кайшер – но не надо нервничать! – едва не потеряв руки, сказала я в ответ. – Все очень даже в рамках обыденного!

– Вот сейчас я запереживала еще больше! – Ухмара посмотрела на меня, потом на студентов и снова на меня. Пришла к каким-то выводам и сообщила: – Я, пожалуй, пойду. Спешу очень – много дел.

– Надеюсь, что мы еще встретимся! – действительно с надеждой сказали хором несколько нечистеведов.

Ухмара лишь что-то буркнула, развеялась туманом и унеслась в сторону живой изгороди, а после затерялась в сумраке парка.

Мы остались маленькой, но теплой компанией. Я, декан, первокурсники и статуя с придурковатой мордой.

Назревала потребность что-то сказать, но я мучительно не понимала, что же именно! Про статую? Представить декана и кинуть в

него студентами, а самой сбежать?

К счастью, первым решил исполнить свои преподавательские обязанности собственно профессор Эйдан.

– Добрый вечер, дорогие первокурсники. Мы с вами уже виделись на официальной церемонии, но представляюсь еще раз. Я – Кайшер Эйдан, декан факультета нечистеведения.

– Здравствуйте, – раздался в ответ нестройный хор голосов.

– Раз уж вы здесь, – продолжил он, – можете задавать вопросы. Наверняка у вас накопилось некоторое количество.

Первокурсники немедленно зашевелились. Нечистеведы полезли вперед, боевики подтянулись с показным безразличием, теоретики открыли блокноты.

Я отошла чуть в сторону, предоставив декану разбираться с энтузиастами самостоятельно. Первые вопросы были ожидаемо робкими – расписание, зачеты, практика. Потом кто-то с боевого набрался смелости и спросил про ша'аргала. Можно ли на него посмотреть вживую.

– Смотря зачем, – ответил Кайшер.

– Ну... просто посмотреть.

– Тогда нет.

Боевик потух. Зато один нечистевед немедленно воспользовался моментом:

– А правда, что он умнее некоторых преподавателей?

– Правда, – сказал Кайшер, и его губы едва заметно дрогнули в улыбке. – Некоторых.

Кто-то хихикнул.

Потом девочка-теоретик, явно долго собиравшаяся с духом, спросила, можно ли трогать нечисть, которая свободно ходит по академии. Кайшер ответил, что можно, если нечисть не против, а выяснять это лучше заранее и желательно словами.

– А если она не говорит?

– Тогда по выражению морды.

В разгар оживленной беседы из-за угла живой изгороди на площадку вылетел запыхавшийся Ревор, но увидел декана и резко сбавил темп.

– Профессор Эйдан... Добрый вечер.

– Ревор, – кивнул тот.

– Я тут ненадолго оставил группу с мисс Тарри, она любезно согласилась...

– Я видел. Дайте нам несколько минут на последние три вопроса, я вижу, что есть желающие, и после вы сможете продолжить экскурсию.

– Да, конечно!

Ревор отступил в сторонку, как раз туда, где стояла я.

– Спасибо!

Я пожала плечами – мол, все нормально, не благодари.

– Ты в итоге очень быстро справился.

– Да все в порядке, ничего страшного! Сумрачная гиена решила проверить периметр, но тот устоял. – Он покосился на декана и понизил голос: – Слушай, а он сам вышел или ты его нашла?

– Он стоял тут, когда мы пришли к статуе.

– Ясно, – со сложночитаемым выражением лица ответил аспирант.

– Он что, такой страшный и суровый? Или ты хотел инцидент не доводить до начальства?

– В идеале да. Вдобавок я же поручил тебе свою ответственность... ну, перваков. А сам декан хороший, просто хочется оправдывать его доверие, а я, получается, накосячил.

Видимо, проблемы с периметром были не стихийными, а Ревор что-то недоработал. Ну, в целом дело житейское. Главное, что без последствий.

Через несколько минут вопросы студентов иссякли, и профессор Эйдан, пожелав им удачи в учебном году, отступил в сторону, и Ревор тут же шагнул к первокурсникам с восстановленным энтузиазмом.

– Коллеги, вернемся к экскурсии! У нас на очереди еще библиотека и виварий! Господин декан дал нам даже доступ во второй ангар, а этим не все могут похвастаться, потому что...

Он продолжил разглагольствовать, постепенно удаляясь от площадки, и группа потянулась за ним.

Мы с Кайшером остались вдвоем.

Я уже собиралась сказать что-то необязательное и откланяться, но декан двинулся в сторону дорожки, ведущей к общежитиям, бросив через плечо:

– Пойдемте, провожу.

Ы-ы-ы-ы... а зачем?

Глава 12

Но задавать такой вопрос вслух было еще более некорректно, чем провожать студентку, а потому я со вздохом двинулась следом.

Мы шли молча, и молчание было уместным. Те минуты, которые почему-то не хочется заполнять пустой болтовней. Академия вокруг жила своей жизнью — где-то хлопнула дверь, из окна верхнего этажа донесся чей-то смех, в кустах справа кто-то загадочно шуршал.

Когда мы дошли до развилки у главного корпуса, декан внезапно заявил:

— Сегодня ночью посвящение.

Я покосилась на него.

— Я уже не первокурсница.

— Знаю. — Он остановился у крыльца общежития. — Именно поэтому советую.

Я открыла было рот — и закрыла. Потому что вопрос «что именно вы имеете в виду» прозвучит глупо, а ответа на него я все равно не получу.

— Всего доброго, мисс Тарри.

— Всего доброго, профессор Эйдан, — эхом откликнулась я и, махнув рукой, взбежала вверх по ступенькам, спиной ощущая пристальный взгляд мужчины.

Массивная дверь хлопнула позади, и я передернула лопатками, избавляясь от ощущения чужого взгляда.

Вообще, посвят, конечно, штука интересная.

В Торнвудском я была только на официальной части — торжественной, с речами и свечами. Неофициальная начиналась вечером, когда старшекурсники тащили первокурсников в парк или в общаги, и там уже было все то, о чем потом вспоминают со смехом или с легким стыдом.

Но туда меня мама не пустила.

Правда, я особо и не рвалась: в семнадцать лет перспектива провести ночь в шумной компании незнакомых людей казалась мне куда менее привлекательной, чем книга и горячий чай.

Ну и маскировка. Куда без нее.

Много алкоголя и мало контроля – не лучшее сочетание, когда тебе есть что скрывать.

Поднявшись на свой этаж, я зашла в седьмые апартаменты и обнаружила, что дверь в комнату Дорны приоткрыта. Изнутри доносилось негромкое пение – северянка явно была в прекрасном расположении духа.

– Айлин, это ты? – позвала она, видимо услышав стук входной двери.

Я скинула туфли и, пройдя через гостиную, сунула голову в комнату соседки.

– Ага. Привет!

– Заходи-заходи, – поманила меня рукой Дорна и вновь отвернулась к зеркалу, чтобы поправить кружевной ворот.

И вообще сегодня северянка была чудо как хороша – рыжие кудри распущены, легкое платье, которое я раньше не видела. Она и так очень симпатичная, но сейчас выглядела так, что я с охотой поверила бы, что за нее сражались лучшие воины фьордов.

Я с любопытством огляделась.

В комнате Дорны царил характерный для переезда беспорядок – разбросанные вещи, коробки, в которых явно долго копались, пытаюсь найти что-то, при этом не разбирая все остальное. Разве что щит с родовым гербом уже висел над кроватью, клинки тоже нашли свое место на стене. На подоконнике выстроились в ряд костяные фигурки, а на столе среди учебников сидела потрепанная кукла в национальном костюме.

– Это что? – Я кивнула на куклу.

– Бабушкин подарок. – Дорна даже не обернулась. – Не трогай.

Я и не тронула. У каждого свои неприкасаемые штучки, и хорошо, когда их обозначают сразу, а не когда ты уже сломала что-нибудь ценное и пытаешься объяснить, что это случайно.

– У тебя так много всего... – покрутила головой я.

– Вынуждена признать: я весьма сентиментальна по части вещей, – усмехнулась девушка, прищурив один глаз и другой подкрашивая черным карандашом. – Где ни бываю – постоянно притаскиваю что-нибудь интересное, а потом думаю, куда это впихнуть. И то, что в Хармаре аспирантам дают комнату, весьма меня расслабило, конечно. Так что вот уже сколько дней как переехала, у Лирки все вещи по полочкам-вешалочкам, а я, можно сказать, «живу на чемоданах».

– И как тебе новое здание? – Я обвела рукой все вокруг.

– Светлое, чистенькое, новенькое – как оно может не нравиться? – Дорна наконец повернулась. – Ладно, хватит о быте. Ты в Хармаре первый год, так что я тебе все объясню. Ты же идешь на посвят, само собой?

Я кивнула и устроилась на диванчике, ощущая воодушевление. Надо же, как удачно все складывается! У меня, судя по всему, будет сопровождающий на сегодняшнем празднике жизни!

– Конечно, иду!

– Тогда слушай.

Она повернулась и принялась объяснять с видом человека, которому этот рассказ доставляет искреннее удовольствие и не на шутку воодушевляет.

– Обожаю хармарские праздники! Они тут прямо особенные, если честно! Даже жаль, что у меня последний год... В общем, днем была официальная церемония, а сейчас вечер и начинается, по сути, все самое интересное. Сначала каждый факультет расходится по своим местам, ну и там всякие посвяты разной степени жесткости, а после выжившие собираются на большой поляне в южном парке. Там уже общая тусовка до утра – еда, музыка, костры.

– А преподаватели? Они нормально на все это реагируют?

– Посвяты дело интересное, и на них ходят не только студенты!

– А кто еще? – откровенно удивилась я.

– Административный состав, да и нет-нет некоторые преподы. – Дорна подмигнула.

– Прямо преподы?!

– Ну, под масками-иллюзиями. Но мы особо не присматриваемся, это вредно для веселья.

– А зачем они-то ходят?!

– Потому что веселье у нас очень буйное, и, как понимаю, ректоры достаточно либеральные и запрещать его не планируют. Вот не знаю, как станет мести новая метла леди Рейнвуд, но надеюсь, что в этом плане ничего не поменяется.

– То есть они контролируют, чтобы развлечения не вышли за рамки?

– По мне, скорее развлекаются сами, – хмыкнула Дорна.

– А как их отличить?..

– А стоит ли? Приятное приключение с опытным мужчиной еще никому не повредило, – подмигнула она.

– Понятно, – сказала я нейтрально.

Приятное приключение с опытным мужчиной...

Именно такой вроде как рекомендовал мне сегодня не сидеть дома, не так ли? Может, я себе и надумываю, конечно...

Так, лучше вообще про это не думать сейчас!

– Ну и отлично. – Дорна снова повернулась к зеркалу. – Кстати, у меня на эту ночь обширные планы.

– Какие?

– Планирую взять в оборот твоего этого... – Она прищелкнула пальцами. – Очень красивого и очень тупого. Мы еще на боевом пересекаемся, его из Торнвуда направили... почему-то.

Кандидатура была всего одна, и я, хихикнув, озвучила имя:

– Кристиан?

– Да, но не суть. Беру в плен горячих объятий и не отпускаю до утра, – промурлыкала девушка и подмигнула мне. – Пока не скажет стоп-слово.

– Дорна, ну ты... – Я даже восхищенно развела руками.

– Но так как он тупой, то стоп-слова не скажет. Удобно, а? – расхохоталась северянка.

– Не могу сказать, что буду за тебя болеть, но точно порадуюсь.

– Благородно, – кивнула она. – Ладно, беги прихорашиваться. Мы с тобой сначала пойдем в общагу боевиков, я тебя познакомлю с приятными ребятами-пятикурсниками, а потом уже на общую поляну все вместе двинем!

Я лишь кивнула и, пританцовывая под мурлыканье северянки, пошла одеваться сама.

На контрасте с комнатой Дорны моя была аккуратной, чистой и даже какой-то... безликой, что ли. Из памятных безделушек у меня только Хильда и Финик. Притом о сове напоминал сейчас разве что пустой насест, а шуршик просто дрых, соорудив гнездо из покрывала и одеяла на моей кровати.

И надо бы шикнуть на звереныша – мы все же специально ему домик сделали, – но он так мило дергал ушками и носиком... в общем, я слаба.

Двинулась к шкафу и, распахнув дверцы, критически обзрела ассортимент.

Итак, в чем же можно пойти вливаться в студенческую компанию? Вариантов, честно говоря, было немного.

Костюмы отпадали сразу, парадное платье тоже мимо, не хватало еще явиться на поляну, как на бал. Я перебрала несколько вешалок, задумчиво покусывая губу.

Длинное, темно-синее – красивое, но в нем я буду похожа на преподавательницу. Точно нет. Светлое, с кружевом – слишком нежное, его бы на свидание, где нужно хлопать ресничками и легкомысленно хихикать.

А вот это...

Я вытащила платье, которое взяла почти в последний момент, когда собиралась в Хармар. Простое, темно-вишневого цвета, с длинным рукавом и неглубоким вырезом. Сидит по фигуре, но не в обтяжку. Удобное. И цвет – неброский, но в сумерках будет смотреться хорошо.

– Пожалуй, – сказала я вслух.

Особенно если добавить узкий пояс и длинную цепочку с крупной, но лаконичной подвеской. Волосы распустим, глазки накрасим и даже можно капнуть чуточку духов на запястье – не приключений для, а настроения ради!

В итоге я крутанулась возле зеркала и осталась безусловно довольна собой. Темные волосы спускались по плечам, обрамляя узкое лицо с темными же глазами, ну и вишневый цвет оттенял белизну кожи.

Нормально. Даже хорошо!

Хотя, наверное, с настоящим цветом волос это все смотрелось бы в разы более эффектно. Но тут уж ничего не попишешь!

Финик приоткрыл один глаз, посмотрел на меня с кровати и снова закрыл.

– Красивая, госпожа, – пробормотал он сквозь сон. – Только осторожнее там. А вдруг монстры? Или злодеи.

– Финик, это студенческий праздник.

– Ага, – сонно согласился он. – Монстры точно будут.

Финик перевернулся на спину и теперь лежал, раскинув лапки, с видом существа, у которого нет никаких проблем в этом мире.

Счастливчик.

Я тихонько прикрыла за собой дверь.

Дорна уже ждала. В легком платье, с распущенными волосами и серьгами-лунами в ушах, она выглядела так, будто сошла с картинки из

тех самых северных легенд, которые я читала в детстве.

– О, всего десять минут – и такой результат, – оценила она, оглядев меня с ног до головы. – А ты умеешь собираться.

– Стараюсь, – усмехнулась я. – Идем?

– Идем.

Академия уже праздновала: слышалась музыка, смех, чьи-то восторженные крики.

– Слушай, – сказала Дорна, когда мы свернули на дорожку к общежитию боевиков. – Ты же понимаешь, что твой профессор тоже может там быть?

– Что? – удивилась я, никак не ожидавшая такой темы.

– Ну, под маской. Или под иллюзией. Я же говорила: препода иногда приходят.

Вот зараза, а?!

– Дорна, ты специально?

– Конечно, – хохотнула она. – Твое лицо того стоило. Не бойся, даже если он там будет – ты его не узнаешь.

– Обнадежила, – буркнула я.

Но от ее слов внутри все равно поселился маленький червячок тревоги. Или предвкушения?

– Ладно, – сказала я, встряхнув головой. – Веди уже, воительница. Познакомишь меня со своими ребятами.

Дорна улыбнулась и ускорила шаг.

КАЙШЕР ЭЙДАН

Кайшер вошел в спальню и щелкнул пальцами, зажигая магические светильники. На столе у окна уже ждала небольшая шкатулка. Он открыл инкрустированную драгоценными камнями крышку и достал базовый амулет для коррекции внешности. Сильных изменений и не нужно – скорее упростить то, что уже есть.

Посвящение было одной из немногих традиций, которые Кайшер Эйдан не просто терпел, но и искренне ценил.

Она появилась давно – еще в те времена, когда Хармарская академия была совсем молодой и студентов едва хватало на два факультета. Тогда он впервые надел иллюзию и вышел в ночь вместе со всеми – просто чтобы посмотреть. И остался там до утра.

Это единственный вечер в году, когда можно позволить себе побыть кем-то другим. Не деканом, не ламиром, не последним принцем вымирающей расы, остатки которой Кайшеру едва ли не пинками приходилось сгонять на собрания.

Он снял сюртук, повесил на спинку стула. Рубашку оставил, только закатал рукава и расстегнул несколько верхних пуговиц. Ну что, осталось сменить штаны и натянуть любимые высокие ботинки. Ну, и кожаная куртка, куда ж без нее.

Девушки почему-то очень любят парней в коже. А если артефактную серьгу в ухо добавить – в целом можно и без природного обаяния справиться.

– Наряжаешься? – раздалось с подоконника.

Кайшер покосился в сторону ухмары. Пуся сидела в своем излюбленном змеином облике, свесив хвост вниз, и смотрела на него с откровенным любопытством.

– Ты еще здесь? – спросил он. – А должна быть с новым письмом у Фейна!

– Письмо подождет! – Она подплыла ближе и зависла туманным облаком у его плеча. – Там будет интересно. Там будет и нечисть, и студенты, и вообще жизнь кипит, а я тут как почтальон – туда-сюда.

– Фейн уже второй месяц не отвечает, – терпеливо сказал Кайшер, снимая с пальцев узнаваемые кольца-печатки и убирая в шкатулку. – Сбор Круга через месяц, и мне нужен ответ.

– Он скажет, что придет, и не придет. Как всегда.

– Вот поэтому не просто отнеси ему мое письмо, а дождись, пока эта рептилия напишет ответ и приклепнет личной печатью.

– Да стоит ли с ним вообще возиться? – возмутилась Пусинда. – Он же вообще в последний раз напрямую сказал, что «пока коллеги не решат вопрос с бабами – собираться смысла нет!».

Кайшер только усмехнулся. Он бы и сам не отказался решить вопрос с бабами! Но для этого нужно как минимум поговорить с Многоликим. А чтобы поговорить с Многоликим, надо, во-первых, найти оборотня-проводника, на чей зов бог ответит, а во-вторых, достать артефакт, который позволит разговору состояться.

И, к сожалению, в отличие от проводника, артефакт им какой угодно не подойдет. Нужен тот самый, что до сих пор хранится в подземельях царского дворца бывшей Ламирии.

Куда спускаться – чистое самоубийство. Но сейчас, видимо, придется, потому что проводник, хотя и не оборотень, у него странным образом появился. Но сначала стоит все же удостовериться, хотя поделиться информацией с другими ламирами Кайшер планировал уже сейчас.

А Фейн... с годами его характер становится все более отвратительным и грубым. У северян нахватался, что ли?

С этим ламиром у него всегда были паршивые отношения, потому что тот считал (и небезосновательно), что во всех бедах виноват именно последний принц Ксилот.

– Давай я утром слетаю? – продолжала канючить Пусинда. – Возьми меня с собой! Или просто дай остаться! Посвят – это же куча эмоций. Я смогу покушать!

– Я тебя кровью недавно кормил.

– Сравнил мне деликатес с плотным обедом.

– Не обсуждается.

Ухмара обернулась вороной, явно матерно каркнула в сторону хозяина и, схватив лежащее на подоконнике письмо, вылетела в окно.

Туда ей и дорога, в самом деле!

Кайшер ходил на посвящения, совмещая приятное с полезным: нужно проследить, чтобы буйные студенческие гулянки не переросли в нечто, требующее вмешательства администрации, ну и позволить себе небольшое приключение, если звезды сойдутся. Обычно они сходились.

В прошлом году ухмара высунулась из стены в самый неподходящий момент, и у преподавательницы с кафедры стихийников мгновенно испортилось настроение. Ночь была безнадежно испорчена.

Кайшер усмехнулся, вспомнив об этом.

В позапрошлом году та же преподавательница была вполне доступна. Ночь прошла неплохо. Притворяться студентом было откровенно забавно – она так и не поняла, с кем провела время, хотя наутро, судя по всему, у нее появились подозрения.

В общем, посвяты профессор Эйдан искренне любил. Потому что именно в эту ночь у него была возможность стать мужчиной или даже парнем, которому не триста лет, а ровно столько, на сколько он выглядит.

Он надел амулет.

Теплая волна пробежала по лицу, щекоча кожу. Иллюзия накладывалась мягко, привычно – он проделывал это сотни раз. Чуть темнее волосы, мягче черты лица, никакой усталости в глазах. Застегнул куртку, поправил воротник...

– Что ж, – сказал он своему отражению, – посмотрим.

* * *

Поляна гудела. Треск пламени костров, музыка, смех – все это доносилось еще с дорожки, и Кайшер невольно замедлил шаг, просто чтобы послушать. Сотни лет, а каждый раз одно и то же – молодость шумит одинаково.

Он легко и привычно влился в толпу. Много лет практики сделали свое дело – он знал, как держаться, как двигаться, чтобы не выделяться. Взял у кого-то протянутый бокал, кивнул в знак благодарности.

Преподавательницу стихийников заметил сразу – она уже зажимала в углу какого-то счастливого третьекурсника. Ну и отлично. Кайшер мысленно пожелал им всего наилучшего и пошел дальше.

Потому что сегодня у него были совсем другие планы.

Айлин Тарри.

Когда они встретились в первый раз, девушка была яркой, дерзкой и острой на язык. Она не заискивала, не строила глазки, не пыталась понравиться. Вместо этого рассказывала про камнегрызов, врала про косметологию и предложила уменьшить ему нос.

Это было... освежающе.

После того, как они вновь увиделись в академии, она четко держала дистанцию, несмотря на осторожные попытки ее преодолеть. Кивала, улыбалась, но не подпускала ближе, чем на вытянутую руку. И каждый его осторожный шаг навстречу встречал вежливый, почти незаметный шаг назад.

Что само по себе было интересно.

А еще... еще ему хотелось проверить.

В своей реакции он не сомневался. Но понять, понравится ли девушке, – было необходимо.

Как ламир, он мог вызвать влечение у любой барышни. Это было в его природе – легкая, почти незаметная эйфория, которая кружила голову, но быстро проходила. С годами он научился различать: где

естественное притяжение, а где – его проклятый дар, играющий с жертвой, как кошка с мышью. И теперь уже никогда не путал.

Возможно, поэтому он так легко отдал девушку Тасю ее нынешнему мужу – Эолу Девиальскому. Потому что, когда случился все же поцелуй... он безошибочно понял: никакой искры не было. Ни с его стороны. Ни с ее.

И без сожаления отдал ее Эолу, который к тому же явно был влюблен по уши и вел себя соответственно.

А тот ему в ответ такую гадость – статую!

Может, портрет дракона в ответ заказать и подарить на годовщину свадьбы? Ну а что, подарок отличный. Он много заплатит! Очень много. Возможно, даже найдет того скульптора и спросит, а не умеет ли он рисовать. И чтобы дракон у него вышел еще лучше, чем изваянный ламир.

Отойдя в сторонку, Кайшер покачал в руках бокал.

Айлин еще не было.

Но вот старшекурсники-боевики совместно с его аспирантом как раз тащат какую-то крупную нечисть для показательных боев.

Валушу, что ли?

Идиотизм не лечится. Хорошо, что он сегодня пришел все-таки!

Глава 13

АЙЛИН ТАРРИ

Дорна не соврала – веселье было в самом разгаре.

Поляна встретила нас огнями, музыкой и таким количеством народу, что я на секунду остановилась просто для того, чтобы все это осознать. Костры по периметру – большие, настоящие, не декоративные. Столы с едой и выпивкой. А в центре расчищено пространство для чего-то явно зрелищного и, учитывая криво навешанные амулеты на столбиках по периметру, – не безопасного. Повсюду студенты всех факультетов, судя по разноцветным беретам, которые никто особо не носил, но многие зачем-то держали в руках и периодически махали ими как флагами.

В основном для того, чтобы радостно заорать и подзывать друзей и знакомых.

Пахло дымом, жареным мясом и пряностями.

– Вон наши. – Дорна потянула меня за рукав и решительно двинулась вперед, лавируя между людьми с грацией человека, который знает, куда идет, и твердо намерен туда попасть.

«Наши» оказались веселой компанией пятикурсников-боевиков, которые немедленно и без лишних церемоний приняли нас в свое общество. Меня представили – Дорна сделала это кратко и исчерпывающе: «Айлин с нечистеведения. Умная и приятная», – и уже через минуту кто-то сунул мне в руки кружку с горячим вином, а кто-то подвинулся, чтобы освободить место у костра, и разговор потек сам собой.

Боевики оказались хорошими людьми. Шумными, прямолинейными, с характерной уверенностью тех, кто привык решать проблемы физически... Но хорошими! Один из них, рыжий долговязый парень по имени Мирт, рассказывал про экзамен по боевой магии и случайно сожженные брови куратора с таким талантом, что я смеялась уже на второй минуте. Его товарищ – молчаливый крепыш со шрамом через бровь – время от времени вставлял короткие уточнения, которые только делали историю хуже. В хорошем смысле.

Я даже не заметила, как расслабилась.

Просто в какой-то момент поняла, что стою у костра, держу уже вторую кружку, и мне хорошо. Легко.

Постепенно компания вокруг рассосалась: Мирт потащил свою историю про брови куратора к другому костру, где ее явно ждала более свежая аудитория, другие ребята отошли к столам, а третьи подошли поближе к центральной площадке.

И внезапно кто-то радостно заорал:

– Идут! Вернее, волокут!

Кого волокут, стало понятно достаточно быстро, но лично я бы не так сильно радовалась!

Потому что впереди шел очень довольный собой аспирант Ревор, а четверо старшекурсников позади него торжественно тащили большую клетку. Накрытую тканью, из-под которой доносилось характерное недовольное шипение, почему-то смутно мне знакомое.

А ведь я уже говорила, что мне не нравятся знакомые ассоциации, от которых нет внутренней радости, да?

– Что там? – спросил кто-то рядом.

– Боевики каждый год что-нибудь притаскивают для показательных схваток, – с видом знатока сообщил Мирт. – В прошлом году была пара сумрачных гиен, а в этом вообще обещали сенсацию!

– Какую это? – с опаской уточнила я.

– Зуб давали, что достанут ша'аргала!

Ткань сдернули. Но там была вовсе не здоровенная нечисть, которая больше всего напоминала скорпиона, а... то-то мне шипение знакомым показалось!

– О, – сказала я. – Это же Валуша.

Валуша была знакома со своей новой аудиторией примерно так же, как и я, то есть совсем никак, но исправлять данное упущение не планировала. Это стало ясно в тот момент, когда сначала активировали защитные барьеры по периметру, а после открыли клетку!

Валуша изящно, красиво прогнувшись, вышла из низкой дверцы и, припав к земле, хлестанула себя хвостом по чешуйчатым бокам.

Напротив нее сразу же встал крупный парень, потряс в воздухе каким-то посохом и громко заверил всех:

– Ша'аргала опять нет, так что все закончится быстро! Делайте ставки, за сколько я ее завалю!

Дальнейшее я бы назвала «впечатляющим», если бы это слово достаточно точно описывало происходящее.

Не знаю, на что рассчитывали боевики – на демонстрацию, управляемый бой и показательное противостояние? Валуша явно не разделяла их планов. Она оглядела поляну желтыми глазами, оценила ситуацию и приступила к работе.

Толпа кричала от восторга.

Первые двое улетели сразу. Третий продержался чуть дольше: ему хватило ума уйти в сторону, вместо того чтобы ломиться напролом. Четвертый попытался зайти с тыла, но его быстро и доходчиво разубедили в правильности этой тактики.

Именно на этом моменте ликования в толпе стало немножечко меньше.

Все начали вопросительно смотреть на нервно замявшегося Ревора. Подойдя к нему поближе, я невинно спросила:

– Был ли запасной план по убеждению Валуши вернуться в вольер?

Судя по всему, героические пятикурсники закончились, и сквамара приступила к тому, что начала деловито бить лапой по одному и тому же месту в защитном куполе. И уж я-то теперь прекрасно знала, что даже хорошие щиты под ее напором долго не простоят.

– Ну... – начал Ревор и размял пальцы, видимо собираясь присоединиться к схватке.

Но действовать лично ему не пришлось, потому что на утоптанной площадке появились трое.

Дорна подхватила оброненный еще первым парнем посох и налетела на сквamarу сбоку с такой решимостью, что даже Валуша на секунду опешила. Чистая яростная сила! Кристиан зашел с другой стороны – явно думая больше о том, как выглядит в глазах рыжей северянки, чем о тактике, но в итоге тоже хорошо себя показал.

И третьим был стоящий чуть в стороне светловолосый парень, который, дождавшись, пока сквамара отвлечется на боевиков, ловко накинул на нее усмирительный контур. И, левитацией приподняв недовольно зашипевшую чешуйчатую кошку, отправил ее обратно в клетку.

А потом жестом подозвал побледневшего Ревора и, сказав ему несколько слов, махнул рукой в сторону вивариев. После помог

выстроить самоподдерживающееся левитационное заклинание для клетки и передал узлы контроля аспиранту.

Я даже присвистнула про себя. Такой уровень контроля требовал не просто таланта – многолетней практики и железной выдержки. Я бы сказала, что вот ЭТО было впечатляюще, а не показательный махач, который в итоге провалился.

Толпа взорвалась аплодисментами.

Светловолосый парень сказал что-то короткое боевикам и быстро растворился в толпе. Я проводила его взглядом, но найти не смогла: слишком много народу, яркие костры и много теней.

Дальше веселье потекло в своем темпе, разве что народ все чаще делился на маленькие группки.

Я огляделась.

Дорна давно уже стояла рядом с Кристианом – они разговаривали, и, учитывая, как он смотрел на нее, северянка была очень близка к своей цели. Я мысленно пожелала ей удачи и тихо отошла в сторону. Незачем маячить.

Лира обосновалась у дальнего костра в окружении небольшой свиты из явно восхищенных студенток и явно упивалась тем, что ей смотрят в рот. В общем, пребывала в своей стихии. Ну и пусть. Главное, что не рядом!

С ближайшего стола я цапнула большую кружку – с соком, как мне поклялись, – беззастенчиво стащила маленькую миску с пирожками. Каким-то чудом нашла свободную скамейку у небольшого костра в стороне от основной толпы и с видом довольной одиноличницы устроилась на ней.

Да, одна, зато с едой и без социальных обязательств! Это меня вполне устраивало.

Некоторое время я просто сидела, ела, смотрела на огонь и слушала общий гул поляны. Музыка, смех, разговоры – все это сливалось в ровный живой шум, который не давил, а, наоборот, как-то отгораживал. Хорошо!..

Именно поэтому, когда рядом на скамью опустился высокий парень, я не сказать что сильно обрадовалась.

– Одна тут отдыхаешь? – насмешливо сверкнув темными глазами, спросил он.

Подкат был начат самым банальным образом.

Я покосилась на него.

Тот самый, что недавно помогал усмирять сквамару и восхитил меня своими навыками. Высокий, светлые волосы собраны в хвост, в ухе серьга. Возраст непонятен, может, старшекурсник, а может, и аспирант.

– Жду своего прекрасного принца, – широко улыбнулась я.

– Так вот он я.

– Не очень-то похож.

– Путь был долгим, – не смутился он. – Пришлось измордовать по пути дракона, а он, знаешь ли, попался сильный... На мне это сказалось!

Я хмыкнула. У кого-то неплохо подвешен язык?

– И что, все испытания ради того, чтобы подсесть к незнакомой девушке?

– Это венец пути, – серьезно кивнул он. – Ради этого момента я и шел.

Я присмотрелась к нему повнимательнее.

– Ты с факультета нечистеведения? – спросила я, вспомнив, как он показал себя в схватке с Валушей. – Или боевик?

– Нечистеведение, – ответил он. – Ты, судя по всему, тоже.

– Ага, поступила в аспирантуру.

– Значит, недавно приехала, я тебя раньше тут не видел.

– Да, несколько дней назад.

Он кивнул и откинулся на спинку скамейки, глядя на костер. Я тоже смотрела на вспыхивающие искры и, как ни странно, совершенно не ощущала неловкости от повисшей в воздухе паузы.

Это было... неожиданно приятно, поняла я, поднося кружку к губам.

– А ваши родители, случайно, не пекари? – вдруг спросил он, не поворачиваясь.

Я аж поперхнулась соком.

– Что?

Он повернул голову и посмотрел на меня с совершенно невозмутимым видом.

– Ну а откуда еще такая булочка?

И явно ждал реакции.

Я секунду смотрела на него, а потом неожиданно для себя рассмеялась – искренне, от души.

– А ваши мама с папой не парфюмеры? Иначе откуда у вас такой длинный нос, который так и норовит сунуться куда не надо? – в тон откликнулась я.

Он явно ни капли не смутился.

– Неужели барышня настолько любит одиночество, что решительно против компании даже в посвят?

О, это мне так элегантно намекнули, что какого демона я вообще приперлась, если общаться не желаю?

Я хотела ответить что-то колкое – в запасе была пара фраз про навязчивых незнакомцев и про то, что хорошие манеры начинаются с представления себя любимого. Но он смотрел на меня с такой легкой, чуть насмешливой улыбкой, что слова застряли в горле.

– Просто не люблю, когда подкатывают с банальщины, – сказала я, отворачиваясь к костру.

– А если не с банальщины?

– Попробуй.

Он помолчал, а спустя минуту сказал:

– Ты заметила, что костры горят по-разному?

Вот это действительно внезапно!

Я удивленно покосилась на него. В свете огня его лицо казалось чужим – и одновременно до боли знакомым. Но я не могла понять, откуда это чувство.

– В смысле?

Он не ответил сразу – сначала чуть подался вперед, поставив локти на колени и пристально осматривая поляну.

– Вон тот, – он кивнул на большой костер в центре, – горит ровно, потому что сложили правильно и подожгли с умом. А вон тот, – палец указал на маленький костер с краю, который метался и плевался искрами, – горит как попало. Разжигали с волшебным маслом, чтобы дольше горел.

– Так ты нечистевед или артефактор? – удивленно покачала головой я. – Магической химии в нечистеведении очень мало так-то...

– Я просто очень эрудированный молодой человек, – усмехнулся он.

– И как же тебя зовут, мистер Эрудиция?

– А так ли это важно? – Он повернул голову и подарил мне еще одну кривоватую улыбку. – Иногда условности – это очень лишнее.

– То есть предлагаешь обойтись без обращений? – Я недоверчиво изогнула бровь.

– Как минимум это провоцирует фантазию. Тебе ведь стало интереснее, не так ли, красавица?

Я сморщила нос и погрозила ему пальцем.

– Нет уж, давай без таких банальностей.

– Мм, тогда, может, «умница»? – В голосе парня появились низкие насмешливые нотки. – Раз ты аспирантка, да еще и из Торнвуда.

– Стой! – Я даже развернулась к нему всем корпусом и возмутилась. – Так ты меня знаешь! Я не говорила, откуда приехала.

– Признаю, я знаю о тебе немного больше, чем ты обо мне. – Он поднял ладони в жесте капитуляции. – Прошу прощения за небольшую хитрость. Ты очевидно была против компании, и мне пришлось сыграть хотя бы на интересе.

Можно было пококчетничать и спросить «Ну заче-е-ем тебе это?» или тому подобные глупости, но я решила этим не заниматься. Хотя бы потому, что план его удался и на интересе сыграть получилось просто великолепно.

Потому я тоже откинулась на спинку скамьи и продолжила с улыбкой наблюдать за компанией ребят, которые, положив руки друг другу на плечи, отплясывали у одного из центральных костров поляны.

Посвят мне однозначно понравился, и я даже испытала тень сожаления от того, что в Торнвуде целиком пренебрегала этим студенческим праздником.

– У тебя есть друзья? – спросил новый знакомец спустя еще минуту, вбрасывая очередную, надо признать интересную, тему. Он сидел, скрестив руки на груди и расслабленно вытянув длинные ноги.

– Есть, – кивнула я, вновь покосившись на него. – Фамильяра и шуршик.

Парень бросил на меня косой взгляд и сказал:

– Это питомцы.

– Они разумные, так почему не могут быть друзьями? – Я сбросила туфли, подтянула колени к груди и обхватила их руками.

– Они от тебя зависят, а из такого редко рождается полноценная дружба, – весьма мудро заметил мой собеседник.

Может, оно и так. Но в нашем случае, учитывая, что после смерти отца и первого оборота у меня не осталось человеческих друзей, Хильда и Финик поневоле стали очень близкими мне существами.

Несмотря на то что отучить называть меня госпожой я шуршика так и не смогла...

Но не рассказывать же всю эту сложную подоплеку первому встречному? С людьми играют по человеческим правилам. Разговаривают тоже.

— Ладно, я поняла, что тебя люди интересуют. — Я кивнула на Дорну, которая все еще сидела с Кристианом у костра. — Вот она еще. Рыжая.

Немного покривила против истины, так как пока мы скорее приятельницы, но все настолько многообещающе началось, что ничего страшного, если немного поторопить события?

Он посмотрел на Дорну с Кристианом и хмыкнул.

— Судя по всему, она сегодня занята.

— Судя по всему, да.

Он повернулся ко мне, словно в рассеянности тронул сверкнувшую в правом ухе серьгу и, прищулив глаза, протянул:

— Значит, пока я твоя лучшая компания?

— Самонадеянно.

— Зато верно.

Я не нашлась, что возразить. Потому что он был прав, и мы оба это знали.

Дальше мы говорили о нечисти, об академии, о том, какая разница между полевой работой и кабинетной наукой и почему первая всегда интереснее второй. Он слушал по-настоящему: не ждал своей очереди высказаться, а именно слушал. Иногда что-то уточнял, иногда возражал, но коротко и по сути, без горячности и очевидного желания непременно победить в споре. Когда смеялся — чуть откидывался на спинку скамейки, а когда думал — смотрел в огонь и опять-таки теребил серьгу.

Это было непривычно. Сидеть вот так, общаться обо всем на свете.

В какой-то момент я поймала себя на мысли, что он мне... нравится. Без какого-либо глупенького романтического подтекста, а просто как человек, с которым хорошо молчать и интересно говорить.

— А ты? — спросила я тихо. — У тебя есть друзья?

Он помедлил. Взял веточку с земли и покрутил в пальцах — просто чтобы занять руки, видимо.

— Был один. Давно. Теперь он занят.

— Чем?

– Семей. – Он усмехнулся и бросил веточку в огонь. – Говорят, это отнимает много времени.

– А ты не пробовал?

Он покосился на меня – коротко, оценивающе.

– Пробовал. Не сложилось.

Я не стала спрашивать почему. В его голосе и глазах было что-то такое, что лучше не трогать, а потому предпочла сменить тему.

Мы говорили долго – обо всем и ни о чем. Он спрашивал о Торнвуде, о маме, о том, почему я выбрала нечистеведение. Я отвечала уклончиво, с шутками, стараясь не касаться того, о чем не стоило даже упоминать. А он и не настаивал. Просто слушал.

В какой-то момент я взяла с блюда последний пирожок, и парень покосился на мою добычу с таким выражением, что я молча отломала половину и протянула ему. Взял без лишних слов, и следующие несколько минут мы ели у костра, как старые знакомые.

– А ты всегда была такой? – спросил парень, закинув в рот последний кусочек выпечки.

Протянул мне руку, и я без вопросов вложила в нее кружку, чтобы запить.

– Какой? – принимая тару обратно, уточнила я.

– Недоверчивой.

Я усмехнулась, поправила выбившуюся прядь и, заглянув в глубины почти пустой кружки, ответила:

– Скорее осторожной.

– Нет, ты скорее постоянно в напряжении и ждешь, что мир в любой момент выкинет что-то неприятное. – Он повернулся ко мне, и в отблесках огня его глаза казались темнее, чем должны бы.

Какого они вообще цвета?.. Карие?

– Ну...

– Если что, то можно и не отвечать, – пожал плечами нечистевед. – Я понимаю, что далеко не все готовы откровенничать на такие темы.

Я промолчала.

Потому что он был прав.

– Но кстати, – в его голос вернулась былая бодрость и игривость, – если для нужной степени открытости тебе нужно обновить кружечку – только намекни! Я достану лучшего вина на этой поляне!

– А лучшего сока не сможешь достать? – с сомнением глянув на творящуюся вокруг веселуху, спросила я. – Или там морса. Лучшая на

этой поляне вода мне тоже стодится.

– О, у тебя скучные и трезвые планы на конец ночи? – театрально удивился парень, окончательно покидая тонкий лед пространства откровенных разговоров.

– Да, – рассмеялась я в ответ и уже серьезнее добавила: – Но если тебе хочется закончить ее более весело, то можно поискать другую компанию.

– Прогоняешь? – Он изогнул светлую бровь.

– Я просто не знаю, чего именно ты хочешь, – совершенно честно сказала я. – И не исключено, что этого я тебе дать не смогу, и, стало быть, отнимать время в такую прекрасную ночь – просто преступно. Если что – я не обижусь! Мы чудесно поболтали.

– То, что я от тебя сегодня получаю, целиком меня устраивает, – так же откровенно сказал мне парень, не отводя взгляда темных глаз. – Так что если ты не против, то я все же добуду для тебя что-то безалкогольное, а также перекусить, и вернусь.

– Хорошо, – кивнула я, спрятав улыбку и вообще надеясь, что моя радость была не настолько очевидна.

Он пружинисто поднялся и отошел, быстро скрывшись в толпе. Лениво проследив за ним взглядом, я заметила, как от какой-то компании отделилась высокая, гибкая как лоза брюнетка и, обняв моего нового знакомого за талию, запрокинула голову и что-то сказала.

На какой-то момент стало неприятно. Возможно, потому, что сока мне не добудут и придется идти самой? Именно поэтому, я считаю!

Потому как девица была настолько хороша, что, будь я подвыпившим парнем, вот не знаю, смогла бы удержаться от предлагаемого в ближайших кустах приключения?

Но, к моему удивлению, блондин покачал головой и аккуратно высвободился из объятий девушки. Что-то спросил, она махнула рукой в сторону группки студентов, и они вместе отправились в ту сторону.

Спустя минутку он вырвался оттуда с двумя бутылками и свертком.

Вернулся ко мне и, расставляя принесенное на скамейке между нами, весело сказал:

– Сок я добыл, правда, за качество его не ручаюсь, но вроде как без сюрпризов. И вот, предлагаю меня хвалить и чествовать – еще отбил в неравной схватке вяленое мясо!

– Прямо таки чествовать? – лукаво прищурилась я в ответ.

– В этот час студенты как саранча – уже съели всю еду, и потому найти хоть что-то – поистине подвиг! – наливая мне сока, заметил он. – Почти как измордовать дракона, с которым я справился на пути к тебе!

– Ладно, предлагаю за это выпить!

Мы чокнулись, я кружкой, а он бутылкой, и парень тотчас подкинул тему для беседы:

– Что тебе больше всего нравилось на полевых практиках? И нравилось ли вообще или ты из тех, кому дорог комфорт?

– Комфорт, конечно дорог, – не стала спорить я. – Но я очень четко разделяю любовь к нему и интересное времяпровождение в походных условиях, где у тебя просто физически не может быть всех благ цивилизации, но ты и не за ними ведь едешь?

– Резонно. Так что?

– Нечисть в естественной среде обитания. Я как-то встретила в лесу вислоуха, и он оказался говорящим! Мы очень интересно пообщались – и ему практика, и я встретила личность, которая вполне сознательно выбрала некоторое подобие отшельничества. Так как с живущими на земле людьми поговорить ему сложно – боятся, а с животными невозможно.

– Да, есть такие аскеты.

– Но вообще у меня не очень большая полевая практика. Наша преподавательница как раз любила те самые блага цивилизации, – с сожалением вздохнула я и уже с гораздо большим воодушевлением добавила: – Но я надеюсь, что в Хармаре я смогу ездить вместе со старшекурсниками!

– Сможешь, – как-то очень уверенно ответил мой собеседник и, поймав вопросительный взгляд, пояснил: – Тут как раз стараются вывозить студентов «в поля», у декана такая принципиальная позиция. Потому что какой же ты иначе специалист?

– Паркетный, – усмехнувшись, повторила я свою же характеристику, которую буквально недавно озвучивала профессору Эйдану.

– Главное – желание, а возможности найдутся, – беспечно отмахнулся парень. – Тем более в Хармарской академии. Вдобавок ходят слухи, что у Хармара вообще и у нашего факультета в частности появятся новые меценаты и получится организовывать для студентов более интересные и, стало быть, дорогие экспедиции в необычные места.

Я с огромным интересом послушала о них.

Мой безымянный пока знакомец рассказывал очень увлекательно. Низкий, мягкий голос вел за собой в мир, который из настоящего мгновения казался нереальной сказкой.

Он говорил о западных пустошах, где до сих пор находят артефакты древней цивилизации, о гиблых топях Иммерзиля, где даже воздух дышит магией, и о северных кряжах и фьордах, где, по слухам, обитают последние ламии. А еще рассказывал о подземных озерах с невиданными светящимися тварями, о лесах, где деревья помнят древних богов, и о пещерах, где время течет иначе.

Я как зачарованная слушала его и даже себе боялась признаться, что мне не хочется, чтобы эта ночь заканчивалась.

* * *

Рассвет подкрался незаметно, небо над деревьями стало светлее, затем порозовело и зазолотилось. Воздух сделался прозрачным и звенящим, каким бывает только ранним утром, когда ночная прохлада еще не отпустила землю, а первые лучи уже трогают верхушки деревьев. Поляна редела, люди расходились парами и группами, у крайнего костра кто-то уже спал прямо на траве, укрывшись курткой.

– Поздно, – сказала я с некоторым удивлением, осознав, что мы проговорили всю ночь. Я даже не заметила, как пролетело время.

– Или рано. – Мой собеседник пожал плечами и запрокинул голову к светлеющему небу. – Зависит от точки зрения.

Он поднялся, с низким стоном потянулся, разминая затекшие мышцы, и протянул мне руку, помогая встать на ноги. Я отпустила теплую ладонь, вдохнула полной грудью и почувствовала, как где-то внутри шевелится сожаление. Ночь кончилась. И вместе с ней кончилось что-то еще... не названное, но такое трепетное, нежное... я решила, что думать об этом стану завтра.

– Мне туда. – Я кивнула в сторону аспирантского корпуса.

– Я провожу.

Он не спрашивал, скорее поставил в известность, но я не стала возражать. Мы двинулись по тропинке, и я поймала себя на том, что иду медленнее, чем нужно. Да и мой новый знакомец никуда не торопился.

Над головой шумели деревья, ветер слегка шевелил волосы, тропинка была пуста, и мир в этом утреннем свете казался тихим и немного нереальным, словно мы оказались в картинке, которую кто-то нарисовал акварелью, – мягкой, размытой, почти сказочной.

Я чувствовала парня рядом. Тепло, которое исходило от него, легкий запах дыма, въевшийся в одежду, и что-то еще – неуловимое, но словно бы... свое.

– Интересный вечер, – сказала я у крыльца, останавливаясь и поворачиваясь к нему лицом.

– Да.

– Валуша была его лучшей частью.

– Обидно, – серьезно сказал он. – Я старался.

Я рассмеялась, и смех этот вырвался легко, без привычной колкости. Он улыбнулся в ответ – и в его глазах, таких ярких в утреннем свете, мелькнуло что-то теплое.

Мы остановились. Парень стоял на ступеньку ниже, так что наши глаза оказались почти на одном уровне. Я видела отражение неба в его зрачках, видела, как ветер играет с прядью волос, упавшей на лоб. Он смотрел на меня внимательно, не торопясь, и в этом взгляде не было ни тревог, ни сомнений.

Надо было сказать что-нибудь нейтральное и уйти. Я точно это знала. Но вместо этого спросила:

– Как тебя все-таки зовут?

– Кай.

– Просто Кай?

– Пока да, – сказал он, и уголки его губ дрогнули в легкой, чуть загадочной улыбке. – А дальше посмотрим.

Дурочкой я не была и складывать два и два прекрасно умела. Но сейчас я не то что арифметикой заниматься не хотела, а даже думать об этом.

Его пальцы коснулись моих, скользнули выше, легко погладив ладонь, и сомкнулись на запястье. Кожа загорелась в месте прикосновения, и я замерла, не решаясь дышать.

– Можно?

Я не отняла руку. Я смотрела на него, на его лицо, такое близкое сейчас, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Он ждал. Не торопил.

И, по идее, я должна была сейчас все осмыслить и обдумать. Принять решение! Умное, взвешенное, взрослое... но мне так хотелось дать этой волшебной ночи закончиться тоже по-особенному.

А потому я кивнула.

И он поцеловал меня.

Его губы были теплыми, упругими, и в этом поцелуе не было ни спешки, ни требовательности – только нежность, от которой у меня подкосились колени. Большая ладонь по-прежнему сжимала запястье, а другой рукой он коснулся моего подбородка, чуть приподнимая лицо.

Это длилось секунду. Или вечность? Я потеряла счет времени, провалившись в мир ощущений. Сердце бешено стучало, в голове туман смешивался со сладкой дурманной дымкой.

Теплые губы прижались к линии подбородка, провели по нему до мочки уха, и прерывистый вздох шевельнул мои волосы. Большой палец едва касался скулы, я чувствовала его дыхание – ровное, неспешное, как у человека, у которого есть время и который никуда не торопится. А у меня появилось ясное ощущение, что сейчас что-то изменилось и уже никогда не будет прежним.

Воздух казался гуще, сердце стучало где-то в висках, а на губах осталось тепло, которое не хотелось терять.

Еще один невинный поцелуй, скорее касание губ, чем проявление страсти, и он отстранился.

А я... я качнулась за ним.

Сама не поняла, как это вышло. Будто мое тело не желало терять его тепло, будто его губы были единственным, что удерживало меня на земле. Я охнула – тихо, испуганно, и почувствовала, как к щекам приливает жар. Стыд обжег лицо, и я уже открыла рот, чтобы сказать что-то неловкое, оправдаться, сделать вид, что ничего не было...

Но он не дал мне сказать.

Он подался вперед раньше, чем я успела вымолвить хоть слово.

Его рука легла на талию, притягивая ближе. Другая – скользнула в мои волосы, запуталась в прядях, и он поцеловал меня снова.

Совсем иначе.

Не нежно – требовательно. Жадно. Словно не мог насытиться, словно боялся, что я исчезну, если он не будет держать меня так – крепко, почти до боли.

Мои пальцы вцепились в его куртку, и я ответила – сначала робко, неумело, а потом все смелее, потому что он не торопил, не требовал, а

показывал. Изучал. Отступал, позволяя мне попробовать самой.

И меня затапливало восторгом и эйфорией, туманившими голову и заставлявшими терять реальность, потому что точкой опоры оставалось лишь нарастающее с каждой секундой вожделение.

Он отстранился первым. Прижался лбом к моему лбу, тяжело дыша, и я чувствовала, как его сердце колотится так же бешено, как мое.

Я стояла с закрытыми глазами, чувствуя, как дрожат ресницы. Губы горели, внизу живота разрасталось тепло, которого я раньше не знала.

– Айлин, – сказал он тихо. – Открой глаза.

Я послушалась.

Он спокойно, изучающе смотрел на меня и, проведя большим пальцем по губам, сказал:

– Доброе утро, Айлин.

И улыбнулся – той самой улыбкой, от которой у меня внутри все перевернулось.

– Доброе утро, – эхом откликнулась я, сделала шаг назад и добавила: – Мне пора.

И я развернулась и пошла к крыльцу, чувствуя, как он смотрит мне в спину. Сердце все еще колотилось, в голове шумело...

У двери я обернулась.

Он стоял на том же месте, засунув руки в карманы кожаной куртки, и смотрел на меня. Светлые волосы, серьга в ухе, легкая усмешка на губах.

– До встречи, – сказал он.

– До встречи, Кай, – ответила я и шагнула в темный проем.

И с каждым шагом я понимала, что теряю что-то... воспоминания тускнели и подергивались пеленой, словно ничего и не было.

Глава 14

КАЙШЕР ЭЙДАН

Кайшер вытащил руки из карманов и, повернувшись, медленно пошел прочь от аспирантского общежития.

Он запрокинул голову, с прищуром глядя на розово-золотое небо, в котором с каждой минутой все сильнее полыхал красками рассвет, и по губам скользнула легкая усмешка.

Давно не было так хорошо.

И волшебство этой ночи не смог прогнать даже утренний свет, хотя он обычно отлично справляется с тем, чтобы обнажить всю глупость твоих решений, принятых под влиянием темноты и эмоций.

Но сегодня... сегодня он не жалел ни о чем.

Ни о прекрасном разговоре на самые разные темы, ни о долгих минутах молчания, когда можно было беззастенчиво пялиться на смотревшую в костер девушку, изучая каждую черточку тонкого лица. Ни тем более о том, что на прощание он позволил себе гораздо больше, чем планировал изначально.

Первый поцелуй был спланирован и даже тщательно выверен. Ему было нужно добровольное согласие, чем бы оно ни было продиктовано, пусть и любопытством.

Первый поцелуй был правильным. Осторожным ровно настолько, насколько нужно, – минимальный контакт, достаточный, чтобы оценить реакцию, не более того. Она не отстранилась, не испугалась, ее аура... опять совершенно не изменилась. Стало быть, надо поднимать свои связи в СБ и запрашивать все данные по роду Тарри, которые реально найти в короткие сроки.

Собственно, этим можно (и нужно!) было удовлетвориться и уйти. Но она качнулась вслед за ним, и Кайшер шагнул навстречу раньше, чем успел об этом подумать. Провалился в чувственный накал, забыв про свою стратегию. Все не должно было случиться так скоро – у него был план, медленный и продуманный, с постепенным сближением, со всем необходимым терпением, которого ему было не занимать.

А в итоге она забудет вообще все.

Потому что поцелуй ламира стирает последние пять минут жизни из памяти. И если при первом касании контакт слизистых был минимален и последствий практически не должно было быть, то вот второй... влажный, жаркий, откровенный... не оставлял ровно никаких шансов на то, что такой страстный момент задержится в воспоминаниях девушки.

А жаль. Хотелось, чтобы она помнила о том, что у них было.

Это иронично и даже вредно. Никогда и ничем хорошим не кончались такие его желания...

За размышлениями декан дошел до практически пустой поляны, где какие-то пятикурсники тушили костры, и мысленно похвалил ребят за ответственность. Собственно, именно поэтому посвяты и продолжались, так как всегда были те, кто за этим следил и контролировал.

Кайшер свернул на протоптанную меж травы дорожку – короткий путь к той части академического городка, где располагались домики преподавательского и административного состава.

Дом встретил его тишиной и теплым светом в гостиной – значит, Пуся вернулась раньше его.

Ухмара сидела в кресле в своем любимом женском облике, закинув ногу на ногу и покачивая ступней, с которой демонстративно сползала туманная туфелька. На столике рядом с ней лежал конверт – объемный, запечатанный тремя печатями, а рядом стояла небольшая деревянная шкатулка.

– Ты рано, – сказал Кайшер, снимая куртку, ботинки и проходя в гостиную. Остановился у зеркала и снял сначала сам артефакт изменения внешности, а после и серьгу-закрепитель.

И вновь сквозь обычные, ничем не примечательные черты паренька-аспиранта проступили точеные, удивительно красивые... Скорее проклятие, чем благо.

Один период своей жизни он даже носил такой артефакт на постоянной основе, но в итоге постоянная полная маскировка утомляла.

А жить под настоящим именем он не хотел по банальной причине того, что среди тех же драконов, что были природными врагами ламиров, имелось очень много горячих голов. И остановить их не сможет даже личный указ его величества (прадеда нынешнего короля), которому он оказал такую услугу, что в итоге оказался под защитой короны.

Просто молодых идиотов обычно не впечатляет грамотка, где написано «Не трогать – национальное достояние». А возможные почести в среде сородичей за убийство последнего принца Ксилота – очень даже привлекают!

– А ты поздно, – с намеком отозвалась Пуся, наблюдая за хозяином желтым взглядом, в котором светилось любопытство.

– Ни о чем не жалею, – усмехнулся Кайшер и, опускаясь в соседнее с Пусиндой кресло, спросил: – Как результаты?

Не то чтобы декану сейчас хотелось думать о делах, но пришлось.

– Фейн написал тебе сочинение на три страницы. – Она кивнула на конверт с едва скрываемым восхищением. – Очень увесистое! Три страницы, Кайшер!

– То и трех строчек не дожدهшься, то вот так, – поморщился Кай, понимая, что эпатажность сородича ему уже начинает надоедать. – Ладно, что там?..

Пусинда передала конверт хозяину, тот сломал печати и развернул письмо.

Почерк у Фейна был каллиграфический – издевательски красивый, с завитушками, как будто у человека было абсолютно все время мира и он решил потратить его именно так.

Так... это ерунда, это тоже... а вот на последней хоть что-то по делу!

«Возлюбленному принцу, свету очей моих и последней надежде угасающей расы!»

Прими скромный дар от недостойного слуги, который долгие годы скитался по землям северным в поисках подношения, достойного твоей царственной особы. Нелегко был путь, многие испытания пришлось преодолеть.

Сапфиры и алмазы, украсившие сей предмет, откапывались в шахтах трижды по десять лун лучшими горняками. После чего тридцать три луны шлифовались лучшими девственницами королевства, дабы стать достойными пусть и беглого взгляда вашего высочества. Некоторые из девственниц, говорят, плакали от счастья. Или от чего-то еще, я не уточнял.

Носи с честью. Или не носи – твое право, ты же принц. Касательно собрания Круга – я буду присутствовать.

Также прибуду с визитом по более официальным вопросам, потому увидимся в академии Хармар.

С уважением и восхищением, покорнейший слуга богоподобного Ксилота, последнего из династии Аршавейнов,

Фейншар Таирос».

Пусинда, оказывается, уже успела размыться туманным облаком и висела над его головой, вчитываясь в послание. Но сейчас даже ругаться не хотелось с нечистью, которая имела слишком длинный нос и большое-пребольшое любопытство.

Кайшер дочитал. Помолчал. Положил письмо на стол и провел пальцами по переносице, разминая внезапно занывший нерв.

– Фейн, – сказал он тихо, и в этом имени прозвучало все: и усталость, и раздражение, и что-то похожее на сожаление, что они вообще знакомы.

Он открыл шкатулку.

Внутри, на бархатной черной подкладке, лежали носки.

Высокие, темно-синие, такого густого отлива, что в полумраке казались почти черными. По голенищам серебряными нитями была вышита вязь – узкая, плотная, с мелким шагом, и ее затейливые изгибы украшали драгоценные камни удивительной чистоты.

Кайшер взял один носок двумя пальцами, поднес ближе к лицу. Ткань оказалась плотной, приятной на ощупь, с легким шелковым блеском. Драгоценная вышивка мягко холодила пальцы.

– М-да, – выдохнул он.

Защитные руны. Сильные, мощные... такие ставят на доспехи или на полевые щиты. А не на... носки.

– Это же защитные руны. – Ухмара подалась вперед, разглядывая вышивку с нескрываемым восторгом. – Он подарил тебе носки с защитными рунами!

– Вижу.

Пуся уже всю разглядывала вышивку, водя кончиком пальца по серебряным нитям.

– Причем хорошие руны. Серьезные. – Она подняла голову, и в ее желтых глазах горел неприкрытый восторг.

– Вижу, – повторил он. Голос был ровным, но внутри уже закипало.

– Кай, ну ты понимаешь, да? – все не могла успокоиться нечисть. – Фейн заказал у мастера артефактные носки, расшитые сапфирами и алмазами, которые тридцать три луны шлифовали девственницы, – медленно, со вкусом произнесла она, как будто пробуя каждое слово на вкус. – Восхитительно, я считаю!

– Превзошел себя, – согласился Кайшер, кладя носок обратно в шкатулку. Серебро и камни блеснули в последний раз и скрылись под крышкой.

– Это лучшее, что он когда-либо делал! – Пуся уже откровенно хохотала. – Слушай, а может, надо проверить, что они умеют? Выйдешь в них на бой?

– Только в них, – мрачно сказал Кайшер, но в уголках губ уже дрожала усмешка. – Чтобы уж точно понять, на что способны.

Пуся захлебнулась смехом, схватилась за подлокотник кресла и едва не сползла на пол.

– Пожалей противников и возможных свидетелей! Хотя... если я буду точно знать место и время, то смогу продавать билеты и мы озолотимся!

– У нас нет проблем с деньгами.

– Это у тебя нет. А я, возможно, хочу себе... – Призрачная нечисть задумалась, рассеянно глядя в потолок. – Ну, например... платье. Красивое. Вот такое длинное, с вышивкой.

– Ты его не сможешь надеть.

– Это детали. – Она отмахнулась туманной рукой. – Или украшения! Вот у той аспиранточки твоей была красивая цепочка на шее, я заметила.

– И это ты тоже не сможешь надеть, – вздохнул профессор Эйдан.

– Кайшер, ты разрушаешь мечты.

– Я реалист.

– Одно другому не мешает. – Ухмара поджала губы и вернулась к размышлениям. – Хорошо. Тогда духи. Дорогие, с запахом моря. Я помню, как пахнет море: в том теле я жила на побережье и летом ходила к воде. Хотя нюхать я тоже толком не умею, – добавила она чуть тише. – В этом облике. Чувствую, но не так... не как тогда.

Она замолчала.

Кайшер не торопил. В гостиной стало очень тихо. Часы отсчитывали секунды. За окном птицы уже всю орали в кустах – рассвет взял свое окончательно.

– Море было теплым? – спросил он.

Она помолчала секунду, а после медленно заговорила:

– Очень, особенно летом. Но, знаешь, оно не сразу грело... вот ты приходишь на берег, снимаешь туфли и заходишь в волны по щиколотки. Сначала тебе прохладно, а после вода обнимает тебя, холодит и наконец равняется температурой с кожей. И тогда кажется, что ты и есть часть волны, которая почему-то все никак не может унести вместе с остальной водой в открытое море.

Немного помолчав, Пусинда хрипло закончила:

– Я очень любила море. Мы с другой приютской девочкой собирали ракушки...

Голос окончательно оборвался, и ламир с сочувствием посмотрел на ухмару.

Ее воспоминания об утраченном были еще настолько свежи, что любой даже самый незначительный намёк на них отзывался болью.

Это проходит. Не сразу, через десятки лет, но вполне проходит вместе с тем, как эти самые прекрасные воспоминания тускнеют и замещаются новыми.

И вот ты уже смутно помнишь дворцы и сады Ламирии во времена ее расцвета и даже весь ужас послевоенного времени, когда эльфы и драконы прошли по царству огнем и мечом. И после добавили еще и яда, чтобы окончательно поставить на колени некогда гордый народ, от которого отвернулось его божество.

Многоликий жесток.

– Ладно! Раз телесные удовольствия недоступны за неимением тела, то-о-о-о... – сказала Пуся, и голос ее снова стал легким, почти беспечным, – хочу билеты на бой в артефактных носках! Первый ряд. Это я заслужила!

– Однозначно. Если стану биться – ты будешь приглашена.

Пуся качнулась и поднялась с кресла, превращаясь в туман.

– Беседы с тобой как всегда бесценны, но я спать. Ты тоже иди, у тебя первая пара по орнитофауне в восемь утра. Осталось буквально... да всего ничего и осталось!

– Мне не привыкать. А ты отдохни, конечно, и вечером зайди – я поговорю с коллегами и попрошу тебе допуск к источнику.

– О, вот за это спасибо! – бодрым тоном проговорила нечисть и, развеявшись, унеслась в какие-то одной ей ведомые дали. Спать, как сказала...

На самом деле спала Пусинда весьма условно. Скорее проваливалась в подобие сберегающего режима, так как на активное функционирование все же тратилось много энергии.

Может, снова подкормить ее кровью?

Кайшер еще немного посидел, раздраженно покосившись на презент с далекого севера, а после перешел в кабинет и, достав бумагу, занялся тем, что написал несколько посланий.

Два из трех вполне можно было доверить почтовой шкатулке, а вот третье... подождет верную ухмару, которая в последнее время действительно превратилась в почтальона и, пожалуй, действительно заслужила немного особенного вина.

Фейн был не единственным проблемным членом Круга Десяти.

Но обязанности есть обязанности.

Впрочем, если быть совсем уж честным, то больше всего Кайшер будет ждать ответа от Эола Девиала. Кто, как не Второй лорд Триумvirата безопасности королевства, сможет ему предоставить все данные на интересующую девушку?

АЙЛИН ТАРРИ

Я с трудом проснулась в районе полудня.

Притом не самостоятельно проснулась, конечно, а потому что кто-то с энтузиазмом стучал в дверь!

– Кто там? – простонала я, мечтая убить назойливого дятла.

– Твоя спасительница, от головной боли избавительница! – довольно пропела возмутительно бодрая Дорна.

Голова раскалывалась на две части, каждая из которых требовала отдельного внимания. Внутри черепа кто-то устроил кузницу, а язык во рту напоминал наждачную бумагу, которой неделю терли полы. А ведь выпила всего ничего, да и то в самом начале праздника!

Я с трудом соскребла себя с кровати, поморщившись от всех спецэффектов похмелья – от мерзкого привкуса во рту до ощущения, что меня переехал магтрамвай. А потом проехался еще раз для верности!

И, чуть пошатываясь, пошла открывать.

Рыжая северянка выглядела еще отвратительнее, чем звучала. Возмутительно свежа, красива и с румянцем во всю щеку!

– Держи! – Она сунула мне в руки кружку с какой-то мутной жижей, которая пахла так, будто в ней отмокала болотная кикимора. – Выпить половину сейчас и половину еще через пятнадцать минут. Советую провести их в душе.

– Спасибо... – Я с опаской покосилась на содержимое кружки.

– Всегда пожалуйста. Обед скоро, кстати, ты пойдешь?

При мысли о еде к горлу подкатил ком, и я помотала головой.

– Ну как хочешь! Все, тогда до вечера! Или нет... а то меня Крис будет ждать.

И, выразительно подмигнув на прощание, эта жизнерадостная северная коза ускакала навстречу приключениям.

Я закрыла дверь и наткнулась на очень осуждающие взгляды доселе молчавших Хильды и Финика. Сова сидела на спинке кровати, нахохлившись, а шуршик замер у ее лап, скрестив передние лапки на груди. И, судя по выражению их морд, они в кои-то веки были совершенно солидарны.

– Поговорим потом, – трусливо сказала я и, зажмурившись, попыталась отхлебнуть притащенной соседкой бурды.

«Попыталась» – очень правильное слово.

Жидкость обожгла горло, вызвала мгновенное желание выплюнуть все обратно и зарыдать в голос. Но я зажала рот ладонью, с усилием проглотила гадость и, чувствуя, как к горлу подступает новая волна тошноты, шмыгнула в ванную – подальше от уже очевидно собиравшейся начать ценную нотацию совы.

– Я с тобой еще поговорю! – донеслось мне в спину.

– Я знаю! – крикнула в ответ и захлопнула дверь.

Мера временная, конечно. Но как же мне сейчас это времечко нужно и важно!

В ванной я наконец смогла вздохнуть свободно. Зеркало, как и следовало ожидать, встретило меня своим беспощадным правосудием. Оттуда смотрело чудовище – бледное, с синяками под глазами, с волосами, которые торчали в разные стороны, будто на голове поселилась стая перепуганных шуршиков. Я невольно поморщилась – и чудовище в зеркале поморщилось тоже.

– Ужас, – прошептала я.

Вода из крана текла с ленивым журчанием, и я, не дожидаясь, пока она нагреется, просто плеснула в лицо ледяной. По коже пробежали мурашки, сознание немного прояснилось. Я повторила процедуру

дважды, потом еще раз, пока щеки не начало покалывать, а в голове не зажглась маленькая, но уже более-менее устойчивая искра разума.

И, глядя на потрепанную посвятом мымрочку в зеркале, я вспомнила, что ночь-то не в одиночестве проводила. А с каким-то парнем...

Но последнее, что я отчетливо помню, как мы сворачиваем к общаге! А что было потом... лишь смутные образы и почему-то сплошь не особо приличные. Нет, не разврат-разврат, но... весьма чувственно.

Я что, допилась и целовалась с неизвестным? Или мне просто это в пьяненьких пошлых сновидениях привиделось?

Ладно... что толку гадать?

Если я с ним встречусь, то, наверное, он поведет себя так, что я сама пойму, было или нет, верно?

Так что я разделась и залезла в прохладный душ, после которого еще на несколько пунктов приблизилась к гордому званию нормального человека.

Ну, оборотня, но не суть.

Вздохнув, я выбралась из ванны и побрела в комнату, чувствуя себя вареным овощем.

И тут меня настигла расплата.

Хильда уже сидела на спинке кровати, нахохлившись, и смотрела на меня желтым взглядом, полным праведного гнева.

– Ты хоть понимаешь, – начала она с той интонацией, от которой у малолетней меня в свое время подрагивали коленки, – что ты не предупредила о своем возвращении? Я сбилась с ног, облетела всю академию, думала, тебя уже в виварии скормили какой-нибудь голодной нечисти!

– Меня не скормили, – робко заметила я.

– Это не аргумент!

И понеслось.

Пятиминутная лекция о моей легкомысленности, о том, что взрослые люди (и совы) должны предупреждать о своих планах, о том, что в этом мире полно опасностей и что однажды я так и пропаду, а они даже не узнают, где искать. Хильда распалялась все больше, размахивая крыльями, и под конец я уже просто кивала, не вслушиваясь в слова, потому что голова все еще раскалывалась.

Да и что я ей скажу? Что не пряталась я и странно, что она меня не обнаружила?

– ...а потому, Айлин, нельзя быть такой безответственной! – заключила сова, сверкнув глазами.

– Я поняла, – покорно сказала я.

Но на этом не закончилось.

– Госпожа, – траурным голосом сказал Финик, забираясь ко мне на колени. – Нужно быть более собранной! Потому что если с вами что-то случится, то вы не сможете нас кормить. Логично?

– Логично, – вздохнула я.

– И мы умрем с голоду! – Его голос дрогнул. – Но сначала Хильда меня съест!

Сова, которая уже успокоилась и чистила перья, саркастично заметила:

– Ну наконец-то хоть какой-то позитивный прогноз. Мне будет сначала очень вкусно, а потом немного грустно.

– Хильда!

– Что? Я честна.

Прерывая нашу беседу, раздался тихий, мелодичный звук из ящика стола. Я удивленно изогнула бровь и полезла доставать почтовую шкатулку, потому что звенела именно она.

Интересно, от кого?

Глава 15

Письмо оказалось от мамы. Плотный белый конверт с печатью виконтства Тарри и аккуратно выведенным «Моему совенку».

Я улыбнулась невольно – просто от обращения.

Развернула. Хильда перелетела на спинку кресла и сунула свой любопытный клюв мне через плечо, тоже вчитываясь в ровные строки, написанные мелким, почти бисерным почерком.

«Милая доченька!

Как ты там? Освоилась ли? Надеюсь, что да, но все равно спрошу. Хильда присматривает? Финик ничего не стащил у соседей?

Я недавно узнала – совершенно случайно, от знакомой, – что Морвенна получила должность в Хармарской академии. Высокий пост, большая ответственность... Я, конечно, очень за нее рада, но вынуждена признать, что мне несколько тревожно, так как Морвенна всегда специфически относилась сначала ко мне, а после и к нам обеим.

Не будет ли у тебя дополнительных проблем из-за этого назначения? Пять лет в Торнвудском университете прошли не сказать чтобы просто. Я все знаю, хотя ты особо и не делилась неприятностями.

Айлин, аспирантура – это прекрасно, ты умница, я тобой горжусь! Но жизнь длинная. Никто не осудит, если ты решишь сделать небольшой перерыв. Передохнуть, вернуться домой на какое-то время. Подумать.

Целую тебя крепко. Жду письма.

Твоя мама, Элиза».

Я дочитала и некоторое время смотрела в конец письма.

– Небольшой перерыв... Дальше меня вообще никуда не выпустят, потому что если с женским образованием матушка вроде как смирилась, то с работой пока не очень.

– Она за тебя боится, и это нормально. – Сова встопорщила перья, задевая жесткими маховыми мою щеку. – Если бы я с тобой не ездила, то тоже бы переживала. И так-то!

Я лишь укоризненно посмотрела на фамильяру, намекая, что с нотациями хорошо бы закруглиться. А сама потянулась к бумаге и

артефактной ручке, чтобы сочинить ответ. Как бы я ни относилась к маминой тревожности, я ее понимала и хотела бы минимизировать все страхи.

Надо писать почаще, что ли?

Мама никогда не говорила прямо о том, о чем беспокоилась по-настоящему, уж таков склад характера. Это была ее особенность – говорить о проблеме со светской любезностью, будто рассказывает о погоде, и при этом умудряться вложить в три предложения все, что хотела сказать.

Я потянулась за бумагой и начала сочинять ответ.

«Дорогая мама!

Все хорошо, честное слово! Хильда присматривает, Финик пока ничего не стащил у соседей (у меня стащил, но это не считается). Обустроилась, завела знакомства, и мне тут очень нравится, а потому убежать при первых неприятностях я не планирую! Тем более, возможно, проблем никаких и не будет – у тети тут очень много дел.

Ее назначение было неожиданным сюрпризом, но я справлюсь – я же твоя дочь.

Перерыв не нужен. Но за предложение спасибо.

Напишу на следующей неделе. Целую.

Твоя Айлин».

Перечитала, удовлетворенно кивнула и, запечатав письмо, опустила его в шкатулку. Крышка щелкнула, и по узорам на крышке пробежало едва заметное сияние, сигнализируя, что пространственная магия сработала.

Готово.

Дальше я быстренько собралась и сбегала на завтрак, после чего обошла академию ножками, так как к чаю подавали какой-то запредельно вкусный клубничный торт и я не смогла удержаться и сожрала аж два куска. Из столовой, естественно, не вышла, а выкатилась, и мозги впали в анабиоз и работать пока упорно не хотели. А потому надо растрясти вкусняшки и после уже сфокусироваться на учебе.

А ее у меня был воз и маленькая тележка, потому что вечером ожидалась последняя, я надеюсь, тренировка с деканом.

Почему «надеюсь»?.. Слишком уж будоражащий кровь мужик, который совершенно мне не подходит, так что зачем вообще

оказываться в провокационных ситуациях. Лучше сосредоточиться на научной работе и жить спокойно.

Я как раз вернулась в комнату и едва успела взяться за конспекты, когда на подоконнике материализовалось нечто темное и туманное. Запахло чем-то холодным и немного свежим и озерным – как бывает ранним утром у воды.

Финик, который до этого с энтузиазмом что-то грыз под кроватью, мгновенно замолчал. Потом осторожно высунул нос – ровно настолько, чтобы разглядеть происходящее, – и так же осторожно убрал его обратно.

Чуйка у моей мелкой нечисти была просто феноменальной.

Спустя несколько мгновений дымка уплотнилась, вытянулась и преобразовалась в небольшую женскую фигурку с янтарными глазами – слегка прозрачную, со слегка расплывающимися контурами.

– О, – сказала я. – Госпожа ухмара.

– О, – согласилась ухмара, покачивая ногой. – Госпожа Айлин. Мне велели передать.

Она протянула небольшой сложенный листок.

Хрусткая бумага, аккуратный почерк с легким наклоном вправо. И всего два лаконичных предложения.

«Мисс Тарри, к сожалению, занят до восьми. Если неудобно – перенесем тренировку на завтра. К. Э.»

– Ответ писать будешь? – осведомилась ухмара, подаваясь вперед и сверкая янтарными глазами.

Я кивнула и, сев на стул, подцепила и так валявшуюся тут артефактную ручку. Настроила на обычное письмо – без сверки-конспектирования, чем я занималась до этого, – и уже занесла над листом... когда заметила, что туманная дамочка повисла в воздухе прямо над столом и явно собиралась наблюдать за тем, что именно я пишу ее хозяину.

Откинувшись на спинку стула, я насмешливо сказала:

– Какая вы любопытная!

– Так просто жду ответа, – невинно сказала она. – Профессиональные обязанности. Кстати, можешь называть меня Пусинда.

Я взяла листок бумаги и написала: «В восемь. А. Т.» Сложила и протянула ухмаре.

У той желтые глазища возмущенно округлились, а после она проворчала:

– Что этот – два предложения и инициалы, что ты – вообще два слова! И это все?

– Это все, – с самым благожелательным выражением лица кивнула я.

– Никакой экспрессии, никакого подтекста. – Она покрутила записку в полупрозрачных пальцах. – Скучно! Хотя бы восклицательный знак поставила бы. Или многоточие. Многоточие – это интрига!

Я даже растерялась. Очень сложно общаться с существом, которое говорит с тобой так, словно вы сто лет знакомы, но при этом мало того, что не друг, так вообще не человек, а какая-то древняя условно-разумная нечисть!

Условно-разумная тем временем высказала еще что-то на тему совершенно неинтересных зануд и тонкой струйкой тумана вылетела в окно.

Финик высунулся из-под кровати – сначала нос, потом уши, потом вся мордочка с огромными от страха глазами. Он поводил усами, принюхиваясь, и только потом решился выползти полностью.

– Она ушла? – шепотом спросил он.

– Ушла, – подтвердила.

– Хорошо. – Шуршик вылез полностью, отряхнулся и с деловым видом запрыгнул на кровать. – Она меня нервирует. Не так, как Хильда, но все равно.

– Хильда тебя не нервирует, ты к ней сам постоянно лезешь, – резонно возразила я, вспомнив, как несколько дней назад шуршик носился по всей комнате за совой с пилочкой в лапах и уверял, что той точно пора подтачивать когти. И не отстал, пока не подточил, главное!

– Одно другому не мешает, – философски заметил Финик и, свернувшись клубком, уткнулся носом в хвост.

Я вздохнула и посмотрела на часы.

Итого до восьми у меня есть несколько вполне себе продуктивных часов. Которые, конечно, нужно потратить на конспекты, материалы по орнитофауне и еще штук пять важных дел из списка. Хотя теплое солнышко так и манит!

Победила совесть. Я села за стол, открыла первую книгу из стопки и углубилась в чтение.

Орнитофауна оказалась темой на удивление увлекательной, что меня порадовало – когда тема диссертации вызывает интерес, это большое везение. Я читала про особенности развития речевого аппарата у птичьих видов разумной нечисти, делала пометки на полях, выписывала термины и периодически отвлекалась. На шуршика сегодня напало просто невероятно болтливое настроение, а потому я временами спрашивала, не хочет ли он есть. Финик неизменно отвечал, что хочет. Получал орешек, ненадолго замолкал, но минут через двадцать его снова приходилось кормить, чтобы хоть как-то заткнуть этот словесный фонтан.

Так прошел первый час.

На втором я добралась до раздела сравнительной анатомии и загрустила со всей силы, потому что работать с таблицами никогда не любила.

Где-то в середине третьего часа мозги тихо и деликатно сообщили, что они устали и хотели бы небольшой перерыв. Я проигнорировала. Мозги повторили просьбу более настойчиво. Я снова проигнорировала. Мозги обиделись и начали читать один и тот же абзац по третьему разу, категорически отказываясь пропускать через себя новую информацию.

– Если ты сейчас не остановишься, – раздался голос Хильды, – то к восьми будешь выглядеть как вареная картошка. И ни один декан не захочет с тобой тренироваться.

– Он и так не хочет, – отмахнулась я. – Это работа.

Возразить что-либо сова не успела, но, может, и хорошо, потому что для «гениальных поддерживающих аргументов» у нас в наличии имелся Финик.

– Все хотят! Потому что госпожа самая лучшая госпожа на свете! Всем надо госпожу!

Вообразить себе Кайшера Эйдана, который робко и несмело мечтает о наличии госпожи в его жизни, было сложно. Но я зачем-то справилась!

После этого мысли-то я из головы прогнала, но вот вернуться к обучению не осталось никакой возможности. Поэтому я встала, потянула затекшие мышцы и решила, что меня ждут великие дела.

Сначала отнести в прачечную вещи, потом поужинать, благо под конец там почти нет народа и столкнуться с той же тетей – маловероятно. Может, это и трусливо, но я не хотела на ровном месте портить себе аппетит.

На полигоне уже ждали.

Кайшер стоял в центре, засунув руки в карманы, и смотрел на закат. В паре метров от него в воздухе висело небольшое туманное облачко, которое периодически меняло форму – то вытягивалось в змею, то сжималось в шар.

– Добрый вечер, мисс Тарри. Не опоздали.

– Восемь ровно, – подтвердила я.

– Именно. – Он кивнул на площадку. – Сегодня будем работать со щитами в условиях движения и множественных атак. Задача простая: не останавливаться и не давать щиту упасть.

Я посмотрела на Пусю.

Пуся посмотрела на меня.

В янтарных глазах горело такое предвкушение, что мне это совсем не понравилось!

– Я буду атаковать, – сообщила она таким тоном, словно это был лучший подарок, который ей сделали за последние годы. – Иногда я буду одна. Иногда нас будет несколько. Это сюрприз!

– Замечательно, – сказала я, которая вдруг поняла, что не очень любит сюрпризы.

– Не переживай, – участливо добавила ухмара. – Я не кусаюсь. Если не попросят!

И мне выразительно подмигнули.

– Мисс Тарри, – подал голос Кайшер, прерывая наш прекрасный диалог, – начинайте движение по периметру. Щит держим постоянно.

Прям сразу я никуда не побежала. Хотя бы потому, что в прошлый раз я с трудом справлялась, просто стоя на одном месте, а тут от меня дефилирование по полигону ожидают.

– Я могу использовать артефакт как опору?

– Можете, но смысла в этом особо нет. Скорее уместно полагаться на чутье и перемещать основную «ударную точку» по периметру щита.

– Вы предупредили о том, что атаки будут с разных сторон, стало быть, мне нужны минимум две ударные точки, – парировала я. – И нужно их к чему-то привязать, чтобы не распались, пока я концентрируюсь на чем-то другом.

– Если так проще – пожалуйста, – развел руками декан.

Подумав еще несколько секунд, я решила действовать по принципу луковицы – слоями.

Первый щит, самый внутренний, я сделала тонким, почти невесомым. Он мог выдержать от силы один удар, но это был мой последний рубеж – защита от того, что я могу проглядеть в горячке.

Следом я навертела четыре листовых щита, которые планировала двигать по внешнему контуру, подставляя под удары противника. Не один сплошной купол, конечно, но зато более подвижно. И, если честно, надежнее – когда один щит ослабевает, другие продолжают работать.

Но тут возникла еще одна проблема.

Чтобы удерживать такую конструкцию, нужно постоянно подпитывать ее энергией. А это значит, что часть внимания неизбежно уйдет на поддержание, а не на отражение атак. Идеально было бы запитать щиты на артефакт, оставив себе только управление – двигать, поворачивать, подставлять.

На мне сейчас был только один артефакт – тот, что скрывал ауру. Но, во-первых, мне нужен скорее источник энергии, а во-вторых, даже если мы исчерпаем его ресурс, у меня в комнате лежат еще три запасных. Так что без маскировки я не останусь.

Я мысленно поблагодарила себя за предусмотрительность и взялась за дело.

А на будущее урок – брать на тренировки накопитель!

И сегодня стоило бы взять, так-то... прошлый урок и Валуша должны были мне дать понять, что Кайшер Эйдан самый практик из всех практиков!

Закончив с защитой, я прикрыла глаза и попыталась отследить Пусинду. У нечистеведов тренировали чутье, как раз для того, чтобы в условном виварии тебе не откусили голову, если ты опрометчиво отвернулся.

Но ухмара вот совсем не чувствовалась!

– Господин декан?

– Слушаю, мисс Тарри.

– Почему я не чувствую вашу ухмару как нечисть?

Они переглянулись, блондин едва заметно усмехнулся и выгнул пальцы в специальном жесте, дополнив это вербальной магической формулой, после чего спросил:

– А сейчас?

А сейчас да... Прямо во всей красе: стоит прикрыть глаза, как ощущаешь темную, древнюю силу, густую, как патока, и тягучую, как смола, – такую, от которой хочется одновременно и восхититься, и спрятаться.

Ухмара по имени Пуся кроме паршивого характера очевидно была очень древней и мощной сущностью. Вот интересно, на один зуб ей мои щиты или на два?..

– Спасибо, – с достоинством поблагодарила я и медленно двинулась вдоль полигонной ограды.

Первые секунд тридцать было тихо. Под ногами глухо стучала утоптанная земля, где-то в кустах за забором кричала птица, а Кайшер, на которого я не могла не коситься, молча наблюдал.

– Скучно, – протянула Пуся, выныривая из воздуха прямо передо мной. – Ты всегда такая серьезная или только при декане?

Я промолчала, сосредоточенно переставляя ноги и удерживая щит.

– А давай я спою? – не унималась ухмара, облетая меня слева. – Это поднимает настроение. У меня есть очень бодрая песенка про грызозубов! «Какая вкусная нога, о да, о да, о да-а-а...» По реальным событиям стихи сложены, кстати!

– Не надо, – сказала я сквозь зубы.

– А про ламиров? – Она ушла под землю и высунулась из нее уже справа. – Про них у меня вообще целая баллада. Трагическая, правда. Но красивая!

– Я не очень баллады...

– Тогда, может, частушки? Смотри, есть социальная-народная!

Быть драконом, быть драконом – это очень хорошо!

Да и эльфом, да и эльфом тоже очень хорошо!

Человеком, человеком – хоть не очень зашибись,

Но зато всем прочим расам, право слово, что в рот е...

– Пусинда, я тебя не развлекаться сюда взял. – В голосе ее хозяина прозвучало явное предупреждение.

– Ла-а-а-дно!

И она внезапно ударила справа. Потом сверху! Потом сразу с двух сторон одновременно, разделившись на два облака, что само по себе было как-то несправедливо!

Множественные же – это не одновременные вроде!

– Это законно вообще? – выдохнула я на ходу.

– Вполне, – отозвался Кайшер. – Щит просел слева, подтяните.

Я подтянула, но Пуся немедленно ударила сверху, а после еще и сзади.

Первые минут десять были, честно говоря, унижительными. Щиты падали, мигали, перекашивались, и ухмара неизменно находила слабое место раньше, чем я успевала его закрыть.

Кайшер, как образцовый педагог, говорил коротко, по делу и ни разу не повысил голос, ни разу не сказал ничего лишнего! Но у него была Пуся, которая с удовольствием комментировала ВСЕ. Как вообще ее терпят, а?

Прошло еще минут десять. Или даже полчаса? Я потеряла счет времени.

Постоянное напряжение выматывало. Я следила за туманной нечистью, за щитом, за тем, куда ставлю ноги, и за Кайшером, который периодически подавал голос. Это было похоже на попытку одновременно жонглировать, танцевать и решать уравнения. Мозг плавился, глаза слезились от напряжения, а руки начали дрожать.

– Это уже издевательство, – сообщила я.

– Это тренировка, – поправил Кайшер. – Разница принципиальная.

– Мне сейчас не очевидная! – фыркнула я, сдувая со лба выбившуюся из косы прядь.

– Станет, – пообещал он с той спокойной уверенностью, которая одновременно успокаивала и раздражала.

– Кстати, Айлин, – встряла Пуся, не прекращая при этом кружить надо мной, – у тебя очень интересное лицо, когда ты злишься, очень живая мимика. Кайшер, ты видишь? Вот это вот выражение!

– Пусинда...

– Я просто наблюдаю! Это же полезная информация! Педагогическая!

Пуся тем временем разделилась уже на три части и летала вокруг меня с видом абсолютного счастья: три пары янтарных глаз смотрели с нескрываемым удовольствием.

– Интересно! Лично я – шикарно провожу время! – сообщила одна из частей.

– Я тоже! – подтвердила вторая.

– Мы все отлично проводим время! – резюмировала третья. – А ты, Айлин?

– Безмерно, – прошипела я сквозь зубы, перестраивая щит под новый угол атаки.

Изматывающая тренировка продолжилась. Спустя еще минут десять, возможно поняв, что креатива от меня не дождешься, декан все же подсказал:

– Айлин, попробуйте привязать активацию «ударных точек» на приближение ухмары. У вас уже скопилось достаточно данных, так что должно сработать.

Сказать легко!

У него, может, и скопилось бы, а я могла только следить за тем, как не споткнуться и не получить по голове от чрезмерно увлекшейся туманной нечисти.

Но в итоге... а ничего у меня, разумеется, не получилось! Старалась, правда старалась, но стоило мне отпустить ручной контроль над щитами, как после первой же атаки они рассыпались.

– Я победила! – торжественно выдала Пусинда, но тотчас, видимо сжалившись, добавила: – Но ты была молодцом. Правда молодцом!

– Спасибо, – кисло поблагодарила я, не в силах ощутить всю радость от своей молодцеватости.

– На самом деле вы действительно отлично справились, мисс Тарри. – Декан подошел ближе и подвел итог: – Прогресс есть, а потому в следующий раз будем работать с удержанием под физической нагрузкой.

– Это значит бегать? – уточнила я.

– Это значит бегать, – подтвердил он без малейшего сочувствия. – И хочу добавить, что аспиранты – это не студенты. Обычно защищают они, а не их. А вы же, если я правильно понял, хотите стать практиком, а не кабинетным ученым. А потому мы с вами тут. И прекрасная Пусинда согласна нам помогать. Спасибо ей за это.

Пуся, услышав похвалу, немедленно приняла женский облик и изящно поклонилась, прижав ладонь к груди.

– Всегда пожалуйста, – пропела она. – Я вообще очень полезная. И скромная.

Мы дружно и очень мужественно ее проигнорировали, а после распрощались. Я первая покинула полигон, оставляя за спиной декана и его личную нечисть.

Но решила не возвращаться сразу в общежитие, а пройти чуть дальше, туда, где за аккуратными дорожками начинался небольшой фруктовый сад. Собственно, именно он разделял трехэтажное здание, где селили аспирантов, и академический городок, где жили преподаватели и высший администраторский состав.

Яблони здесь росли старые, раскидистые, увешанные спелыми плодами. Видимо, для студентов – срывай, ешь сколько влезет. Или для преподавателей. Или для всех сразу, просто никто не успевает, и потому вот они, яблочки, висят на веточках и, наверное, меня ждут!

Во рту тут же собралась вязкая слюна, намекая, что я час бегала по полигону и очень хочу пить. Воды нет, но сок плодов... я почти воочию ощутила его вкус на языке. И принялась срывать яблоки.

А потом оглянулась. Вокруг ни души, и раз так...

Подпрыгнув, ухватила за нижнюю ветку, подтянулась и через пару секунд уже сидела на толстом суку, довольно оглядывая окрестности. Отсюда, сверху, академия казалась еще красивее – башни, шпили, зелень, а вдалеке даже озеро блестело.

Я сорвала самое румяное яблоко, вытерла о штаны и с хрустом откусила. Сладкое, сочное – сок так и брызжет.

– Хорошо-то как, – пробормотала я, болтая ногами.

Внизу, в траве, уже лежало штук пять отборных экземпляров – я складывала их прямо туда, чтобы потом забрать. Надо будет корзинку с собой носить, если это место и правда общедоступное.

Я потянулась за следующим яблоком, как вдруг...

– Мисс Тарри, какое у вас интересное увлечение. Редко можно встретить благородную леди, которая лазит по деревьям.

Я дернулась, ветка качнулась, а яблоко выскользнуло из пальцев и шлепнулось в траву.

Как раз рядом с лакированным ботинком Кайшера Эйдана. Он смотрел на меня с выражением, в котором смешались удивление, восхищение и плохо скрываемый смех.

– Я... – начала я, и это было последнее, что я успела сказать.

Потому что ветка подо мной предательски хрустнула, и я полетела вниз!

Земля приближалась стремительно и не обещала мягких объятий. Я зажмурилась, готовясь к жесткому приземлению, но вместо этого... меня поймали.

Сильные руки перехватили за талию, развернули, прижали – и я обнаружила себя нос к носу с профессором Эйданом.

Он стоял, чуть покачиваясь, и смотрел на меня сверху вниз. Я чувствовала его дыхание на своей щеке. Чувствовала жар его тела сквозь ткань. Чувствовала, как под моими ладонями – которые каким-то чудом оказались у него на груди – тяжело и часто бьется сердце.

– Осторожнее, – выдохнул он, и голос звучал глухо, с какой-то очень будоражившей хрипотцой.

Я попыталась что-то сказать, но язык присох к нёбу.

Он держал меня крепко, очень крепко, и, кажется, не собирался отпускать.

Я нервно сглотнула.

Кайшер медленно, будто нехотя, разжал руки, позволяя мне соскользнуть вдоль его тела. Это длилось всего секунду, но я почувствовала... все. Каждый мускул, каждый рельеф...

И отскочила на шаг, красная, как то самое яблоко, которое только что уронила.

– Я... спасибо, – выдавила, глядя на очень выразительную пуговицу на деканской груди. – Вы меня поймали.

Да, ни на что большее, чем констатирование факта, меня сейчас не хватало. И осознать случившееся как-то иначе, чем по фактам, я не планировала!

Хотя бы потому, что где-то в мозгу носилась маленькая копия Финика с совершенно идентичными паническими настроениями.

– Не мог же я дать вам разбиться. – Он говорил ровно, но дыхание сбилось, и глаза... глаза смотрели совсем не по-профессорски. – Было бы обидно потерять такую талантливую аспирантку в первый же месяц. Я же не Корвис, в конце концов.

Я судорожно кивнула, пытаюсь придумать, как отсюда сбежать.

Он наклонился, поднял из травы мое яблоко и протянул мне.

– Ваше, кажется.

– Спасибо. – Я взяла, с досадой отметив, что пальцы чуть заметно подрагивают.

– Не за что, Айлин.

Он улыбнулся той самой легкой, чуть насмешливой улыбкой, кивнул и пошел дальше по дорожке, засунув руки в карманы.

А я осталась стоять посреди сада, прижимая к груди лопнувшее яблоко, и пыталась вспомнить, как дышать.

В кустах за моей спиной кто-то тихо, но совершенно по-хамски хихикнул. Я резко обернулась. Никого не было видно, лишь только легкое облачко тумана таяло в ветвях.

– Пусинда, – прошипела я в пустоту. – Я тебя вижу... И всякому любопытству должны быть границы!

Туман дернулся и принял очертания женской фигуры. Не полностью, так, силуэт.

– Какая грозная девочка!

– Какая длинноносая ухмара!

И нос этот вечно где-то в чужих делах, если я правильно поняла характер призрачной заразы.

– И что? – донеслось оттуда. – Ты сейчас вообще не в том положении, чтобы меня пугать. У тебя лицо как у вареной свеклы, Айлин, и яблоко в руке... почти как по религиозным книгам. Очень сексуально, кстати.

– Замолчи!

– А то что? – Туман вспорхнул и, издевательски хохоча, унесся прочь.

Я закрыла лицо рукой.

– Ненавижу, – простонала я в пространство. – Всех ненавижу.

Ненавидела я, разумеется, несерьезно и на эмоциях.

Которые спровоцировал демонов профессор, а потом как ни в чем не бывало ушел, оставив со своей нечистью. Которая, к счастью, тоже ушла, иначе я бы за себя не отвечала – честное слово!

Глава 16

Прошла неделя.

Странная неделя – не сказать чтобы плохая, но и безоблачной ее было не назвать.

Лучше всего дела, наверное, обстояли в области учебы. Я почти закончила работать с теми книгами, что взяла в первый раз, – сделала выписки, набросала план первой главы диссертации и даже нашла пару интересных цитат, которые можно будет использовать в будущей статье. Орнитофауна оказалась темой на удивление увлекательной, и чем глубже я погружалась в материал, тем больше понимала, что выбрала правильное направление.

Помогало и то, что материал я отрабатывала не только по книгам. Ревор – аспирант выпускного курса – несколько раз звал меня помочь ему в виварии. Так что я уже успела поработать с парой птичьих видов, которых в Торнвудском университете отродясь не держали, и каждый раз убеждалась, что практика – это совсем другое дело по сравнению с описаниями в учебниках. Живая нечисть всегда сложнее, интереснее и непредсказуемее, чем любая схема!

Карл, пересмешник шаударский, например, после нескольких визитов уже меня узнавал. Идеино не общался по-прежнему, но хотя бы не разворачивался спиной при приближении!

В остальном все было ровно, разве что тренировок в ближайшее время не ожидалось. Но оно и понятно, так как начало триместра – это горячее время: надо распределять кураторов, согласовывать расписание, решать кучу мелких, но важных вопросов. Это сложно, даже если ты не декан.

* * *

В выходные мы с Дорной выбрались в город.

Я уже успела соскучиться по нормальной еде – столовая, конечно, кормила неплохо, но иногда хотелось чего-то... другого. Дорна, как истинная северянка, знала в Хармаре все мясные лавки. Мы зашли в одну – маленькую, с низкими потолками, к которым были подвешены

венички северных трав, пахнувшие мятой и чабрецом. В углу тихо потрескивал камин, а на полках вдоль стен громоздились банки с соленьями и копченостями. Хозяин, здоровенный мужик с рыжими усами, узнал Дорну и сразу заулыбался.

– Высоких гор, дочь ярла! – Он приветственно поднял руку. – Да не оскудеет твой стол, а меч – не затупится!

– Торgrim, сын Хрольва, да не оскудеет твой погреб, а сердце – не очерствеет, – ответила Дорна, коснувшись кулаком груди, а после кивнула на меня: – Это моя соседка, Айлин. Она хорошая!

Настолько простодушной и одновременно приятной характеристики я не слышала уже давненько.

– Для хорошей девушки у меня всегда найдется лучший кусок. – Хозяин подмигнул и, не спрашивая, отправился в подсобку.

– Тут можно купить мясо, и тебе тотчас его приготовят! – громким шепотом сказала северянка, с интересом осматривая витрину, где на «холодных камнях» лежал разнообразный ассортимент мясной продукции. Камни мягко светились голубоватым светом, сохраняя свежесть, а от самого прилавка, к удивлению, ничем не пахло – видимо, работали закрепленные по краям артефакты.

Хозяин вернулся с огромным куском мяса с мраморными прожилками и такого аппетитного вида, что у меня потекли слюнки.

– Вот это да... – выдохнула я.

– Торgrim знает толк в мясе, – усмехнулась Дорна.

Пока хозяин жарил стейки прямо на открытом огне, мы сидели за шатким деревянным столом. Масло шипело на раскаленной плите, и этот звук вместе с запахом дыма и пряностей казался самой уютной музыкой на свете. Где-то за спиной звякнула посуда, хозяин рывкнул на подмастерье, но все это было фоном – я смотрела на огонь и слушала Дорну.

Она рассказывала о северных обычаях. О том, как ее клан празднует солнцеворот, о том, как в их домах даже летом топят печи, о том, что самый страшный враг для северянина – не дракон и не чужой воин, а вьюга.

– Вьюгу нельзя победить мечом, – говорила она. – Ее можно только переждать. И если ты не готов сидеть взаперти неделями, север не для тебя.

Мясо оказалось невероятно вкусным – сочным, с хрустящей корочкой и запахом дыма. Я ела и чувствовала, что впервые за долгое

время просто отдыхаю. Без мыслей об учебе, о тренировках, о Кайшере.

Особенно о последнем. Если честно, я была очень рада, что он занят и мы не можем видеться. Потому что поведение красавчика-декана наводило на мысли, и они мне не нравились.

Нет, с одной стороны, очень нравились! Любой девушке приятно внимание такого мужчины, но с другой – это самое внимание мне совсем не нужно и даже вредит.

А откровенный, истинно мужской взгляд Кайшера Эйдана мне тогда явно не померещился. Как и его руки, сжавшиеся на моей талии, когда он меня поймал. Помнится, он говорил, что планирует брак... Может, передумал и все же решил жениться на мне? Иначе я не понимаю, к чему все это!

– Ты чего задумалась? – спросила Дорна, заметив, что я уставилась в одну точку.

– Так. – Я отмахнулась. – Вспомнила кое-что.

Она не стала расспрашивать. Дорна вообще обладала одной совершенно прекрасной, на мой взгляд, чертой: умела вовремя замолчать.

Мы еще поболтали о пустяках – о погоде, о том, где в Хармаре можно купить настоящую северную соль и почему южане никогда не научатся правильно солить мясо. Потом расплатились, поблагодарили Торгрима и вышли на улицу.

Город уже зажигал фонари, и вечернее небо было усыпано звездами. Мы шли не спеша, наслаждаясь прохладой и тишиной. Где-то вдалеке слышались голоса, но здесь, в этой части Хармара, было спокойно.

У самого общежития нас ждал сюрприз.

У крыльца, засунув руки в карманы, стоял Кристиан. Увидев нас, он расплылся в улыбке и сделал шаг навстречу.

– Дорна! А я тебя ищу!

– Нашел. – Она так покраснела, что я заметила это даже в сумерках, и, повернувшись ко мне, добавила: – Айлин, я немного погуляю. Не жди.

– Не буду, – ответила я, пряча улыбку.

Кристиан кивнул мне, бросив короткое: «Привет, Айлин», и они с Дорной ушли в сторону парка. Я смотрела им вслед и мысленно посмеивалась над первой характеристикой, которую Дорна – не так

давно, между прочим, – дала Кристиану: «очень красивый и очень тупой». Неужели все же нашлись другие достоинства?

Я вошла в блок, скинула туфли у порога и прошла в гостиную. И замерла.

В дверях своей комнаты, скрестив руки на груди, стояла Лира. Она пристально смотрела на меня, и от этого взгляда по спине пробежали мурашки.

В последние дни Лира держалась странно. Она не подходила, не язвила, не пыталась завести разговор. Просто смотрела – иногда из-за угла, иногда в столовой, иногда в коридоре. Взгляд у нее был тяжелый, изучающий, и каждый раз, когда я его ловила, внутри появлялось неприятное предчувствие.

– Ты поздно, – сказала она.

– Гуляла, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– С Дорной?

– С Дорной.

– Понятно.

Она помолчала, потом развернулась и ушла в свою комнату, не закрыв дверь. Я мельком заглянула внутрь – там было чисто, вылизано, кружевные занавесочки, фарфоровые статуэтки и идеально заправленная кровать. Все аккуратненько и по своим местам.

Вообще весь этот образ кружевной, воздушной комнаты напоминал мне про ту жизнь, что была до гибели отца. Когда я была любимой и единственной дочкой, которую баловали, покупали кукол и любые игрушки, и в подругах у меня были такие же zalюбленные девчонки.

На их полочках и подоконниках тоже часто стояли фарфоровые безделушки, какие я видела в комнате Лир.

Я вошла в свою комнату и закрыла дверь.

На контрасте с Лиркиной стерильностью мое жилье выглядело обжитым, полным, как я это называю, небрежной уютиости. Хильда не соглашается и говорит, что бардак есть бардак!

На столе громоздились книги, блокноты, исписанные листы, а один из стульев уже превратился в мини-филиал шкафа. Надо развесить все же все по местам... На подоконнике Хильда устроила себе подобие гнезда, где сейчас, распушившись, спала, а под кроватью, в коробке, Финик оборудовал тайник. И я подозревала, что туда стекаются все мелкие блестящие вещицы, которые он умудрялся стащить. Как

минимум пары подвесок и браслетика я недосчиталась в последнее время!

Я плюхнулась на кровать, обняла пискнувшего шуршика и, довольно вздохнув, еще раз осмотрела комнату.

Все же именно место жительства обычно несет на себе самый яркий отпечаток владельца. А так как у меня особо не было близких друзей, то и в гостях я бывала буквально несколько раз.

Вообще, к моменту моего взросления случился грустный каламбур. Я носила благородное имя, и мы всеми силами пытались сохранить остатки состояния Тарри, но жить в соответствии с виконтским титулом уже не могли.

Дети – в целом злой народ, а подростки еще и повторяют за взрослыми, несмотря на весь показной бунт. Потому прежние подруги последовали примеру своих матушек и перестали с нами общаться. Да и о чем с тобой говорить, если ты не была на последнем пикнике, не ездила с папенькой на оздоравливающие воды и тем более не собираешься дебютировать в высшем свете? Ни в шестнадцать лет, когда в первый раз показывают будущих невест обществу, ни в восемнадцать, когда им уже начинают искать женихов.

Нет, дядя хотел оплатить мой дебют! Но мы с мамой были против. Хотя бы потому, что это посадило бы нас обеих на иглу обеспечения Теодора Рейнвуда – ты не можешь один раз заказать три платья и в них ходить. А одними платьями дело не ограничивается! Туфли, шляпки, драгоценности, экипаж для выездов... все те бесполезные траты, без которых мы отлично бы обошлись.

И «дебют» – это не один бал, а целый сезон мероприятий, которому ты должна отдаваться полностью. И обычно ты либо образованная, либо светская. В данный момент третьего было не дано, особенно если учесть, что летом мне приходилось заниматься, чтобы в течение года как-то тянуть университетскую программу.

К моему большому сожалению, я не хватала звезд с небес и в плане вгрызания в гранит науки была скорее упорным работягой, чем очень умной девицей.

Ну и зачем в принципе выезжать, если замуж выходить тебе противопоказано по тривиальной причине, которую ты еще и объяснить никому не можешь?

В общем, от желания дядюшки помочь мы с трудом, но отбились, сообщив, что его любимая племянница влюблена в знания. Но он все

равно посылал меня на свидания, надеясь, что однажды что-то щелкнет не в мозгах, а в сердечке.

Я вздохнула, отпустила чуть придушенную моей любовью животину и, напоследок почесав Финика за ухом, пересела за стол.

Завтра нужно было идти в библиотеку – сдавать книги и брать новые, а стало быть, надо все заранее подготовить. Откопать листок, на котором записаны названия того, что я должна взять в следующую очередь, например.

Финик, как следует отряхнувшись, перепрыгнул с кровати на столешницу, а точнее, на одну из бумаг на ней, и проскользил на листе почти до стены. С трудом остановился, отдышался и с укоризной спросил:

– Госпожа, вы опять будете работать? Уже поздно! Вам нужно спать!

– Мне нужно найти список, – отрезала я, перебирая стопки.

– Список подождет, – вмешалась проснувшаяся Хильда с подоконника. – А здоровье – нет.

– Я всего пять минут.

– Твои пять минут всегда превращаются в час, – парировала сова. – Ложись. Завтра разберешься.

Я хотела возразить, но поняла, что они правы. Глаза слипались, в голове шумело, и строчки из книг вряд ли сложатся в осмысленные предложения.

– Ладно, – сдалась я, отодвигая стул. – Уговорили.

Финик довольно запищал и первым умчался к кровати, свернувшись клубком на подушке. Я переоделась, погасила свет, и комната погрузилась в тишину.

Лежа в темноте, я слушала, как за окном шумит ветер, и думала о завтрашнем дне. Пожалуй, кроме прочего, стоит воспользоваться опрометчивым приглашением Ревора и прийти в виварий, как минимум помочь, а как максимум... хотелось бы, чтобы у меня появилась зона ответственности!

Как понимаю, декан не нагружает сразу, но мне очень уж хочется начать вливаться в местную жизнь.

До библиотеки я в итоге добралась уже после обеда. Поднялась по ступенькам и толкнула тяжелую, массивную створку входной двери.

В просторном помещении с уходящими под потолок стеллажами было тихо и пахло пылью. А еще тем особым запахом, который бывает только в старых книгохранилищах, а Хармарской академии уже не одно столетие. Где-то в глубине зала мерно тикали часы, и этот звук, ровный и спокойный, настраивал на работу лучше любых слов.

Я подошла к стойке, сдала стопку и протянула список новых изданий.

– К сожалению, – библиотечарша виновато развела руками, – многих из этих книг сейчас нет в наличии. Кто-то взял их на прошлой неделе и до сих пор не вернул.

– Все? – поразилась я. – Даже подшивки журналов?!

– Поразительно, но да!

– А когда вернут?

– Не могу сказать. – Она покачала головой. – Книги вы можете заказать, но, к сожалению, придется ждать.

Очень, ну просто очень странно, что большая часть списка вдруг испарилась из доступа! Притом тома-то не в единственном экземпляре! Как вообще такая ситуация могла сложиться?!

– Подборка находится у одного человека? – подозрительно уточнила я.

Девушка за стойкой поправила очки и ответила:

– Сами понимаете, я не могу разглашать личные данные. Но касаясь вашего вопроса – книги брали несколько студентов.

Очень интересно. Зачем кому-то настолько специфическая литература, да еще и студентам? Аспирантов же на кафедре не так много, да и библиотечарша не о них говорила...

И что делать? Идти к декану и говорить, что этого нет и дайте мне другой список?.. Я вздохнула, нервно постучала пальцами по столу и спросила:

– А есть ли что-то похожее по тематике?

– Минуточку... – Библиотечарша повернулась к магической картотеке – высокому шкафу с мерцающими ячейками, где хранились сведения обо всех книгах. Она провела рукой по одной из панелей, что-то прошептала, и в воздухе загорелись едва заметные руны. – Вместо вот этого, «Сравнительной анатомии высших птичьих видов» магистра Торвальда, я могу порекомендовать вам труд «Орнитоморфные формы в

эволюции разумной нечисти» леди Сильваны Эрре. Но, к сожалению, он находится в золотой секции читального зала и выносить его нельзя. Но есть еще несколько книг на вынос.

– Меня устроит, спасибо!

Библиотекарша кивнула и проводила меня в дальний угол, где за высокими стеллажами прятались столы и лампы с зелеными абажурами.

Через несколько минут она вернулась со стопкой книг. Среди них были два толстых тома в темно-зеленых переплетах. На корешках золотом вытиснено название и имя автора. Я провела пальцами по корешку, чувствуя под подушечками тисненый узор.

– Если понадобится помощь – обращайтесь, – сказала библиотекарша и откланялась.

Я раскрыла первый том, достала блокнот и тетради, настроила артефактную ручку и погрузилась в работу.

Слышала, как где-то вдалеке пробили часы – три удара. Потом четыре и затем пять. Потом я перестала считать. Делала выписки, конспектировала главы и перерисовывала схемы – в общем, работа горела!

Солнце за окном опускалось все ниже, и на определенном этапе мне стало не хватать верхнего света. Зажгла «светлячок» под зеленым абажуром. Теплый свет упал на страницы, делая их золотистыми, почти живыми, и я ласково провела ладонью по старой бумаге.

Я уже исписала немало листов, когда услышала шаги.

– Айлин? – раздался знакомый голос. – Ты тоже здесь работаешь?

Лира стояла в проходе и приветливо мне улыбалась, словно и не она вчера вечером зыркала на меня так, будто я лично разорила все ее семейство.

– Как видишь, – ответила я, вновь опуская голову.

Интересно, ты же догадливая девочка и уйдешь сама?

– Можно я присяду? В основном зале шумно, а мне нужно кое-что дописать.

К сожалению, девочка была не сообразительная, а потому, не дожидаясь моего согласия, села напротив и поставила на стол принесенную с собой кружку с чаем. Кружка была красивая – фарфоровая, с ручной росписью. Пар поднимался над ней тонкой струйкой, пахло мятой и липой.

– Здесь можно пить и есть? – Я указала на напиток.

– Вообще нет, – лукаво улыбнулась аспирантка с теоретического, доставая свои бумаги и книги. – Но леди Сая разрешает мне немного шалить. Как уже говорила – я на хорошем счету. А как твои успехи? Тяжело учиться?

– Нормально, – ответила я, стараясь не отвлекаться.

– Это просто чудесно, а то говорят, что тебе уже несколько тренировок понадобилось. – Она улыбнулась – той самой улыбкой, от которой у меня всегда сводило зубы. – Только поступила в аспирантуру, а уже столько контактов с научным руководителем. Феноменально! Я со своим за первый триместр раза два виделась.

Я промолчала, прекрасно поняв, куда эта зараза клонит, и решив, что самая лучшая стратегия – ее попросту игнорировать. Лучше сосредоточусь на учебе, как раз страница недоконспектирована.

– Ты только не переутомляйся, – продолжала Лира. – А то знаешь, как бывает: стараешься, стараешься, а потом – бац! – и все зря.

Моего благого настроения быть тихой пайнкой хватило ровно на полминуты. Я отложила ручку и, подавшись вперед, прямо спросила:

– Лира, ты к чему ведешь?

– Ни к чему. – Она пожала плечами и потянулась за кружкой. – Просто беседую.

Я снова уткнулась в конспекты, стараясь не обращать на нее внимания. Но шансов проигнорировать дальнейшие события у меня было ноль целых ноль десятых.

Лира потянулась за чаем, пальцы скользнули по гладкой поверхности, и кружка опрокинулась прямо на мои листы! Темная жидкость растеклась по бумаге мгновенно, впитываясь, размывая чернила, превращая часы работы в бесформенные кляксы.

Я успела отодвинуть книги – они не пострадали. Но конспекты... мои бедные конспекты!

– Ой! – воскликнула Лира, хватаясь за носовой платок и пытаясь промокнуть лужу. – Айлин, прости, я такая неуклюжая!

Она суетилась, промокала лужу, но я заметила, что ее глаза блестят. Не от огорчения – от удовольствия.

– День работы, – тихо сказала я, ощущая вымораживающую пустоту внутри.

– Ой, прости, пожалуйста! – Лира не переставала причитать. – Я нечаянно. Ты же веришь, что я нечаянно?

Я посмотрела на нее. На испуганное лицо, на дрожащие руки, на кружку, которая стояла слишком далеко от ее бумаг и слишком близко к моим.

– Верю, – сказала я ровно. – Конечно, верю.

Лира облегченно вздохнула, собрала свои вещи и ушла, бормоча что-то про «ужасный день» и «надо же быть осторожнее».

Я осталась сидеть, глядя на испорченные листы, и слушать, как голос виновницы происшествия стихал за стеллажами.

Злость пришла не сразу. Сначала было просто пусто – как бывает, когда понимаешь, что тебя только что обыграли, и даже возразить нечего, потому что формально все случайность. Подумаешь, кружка упала. Бывает! А то, что упала именно так, именно туда, именно сейчас, так это совпадение, и поди докажи обратное.

Я аккуратно сложила мокрые листы, закрыла книги, поблагодарила леди Таринис и вышла, спустилась по ступенькам и остановилась, зажмурившись. Просто постояла секунду, чувствуя, как ветер трогает волосы.

Ничего страшного, Айлин. Перепишешь. Ты все помнишь, это займет часа два, от силы три.

Но уговаривания не помогли и злость не ушла. Лишь стала сдержаннее, осела где-то под ребрами и лежала там, не требуя немедленных действий. То, что Лира пакостница, известно давно. Даже не знаю, почему я решила, что в Хармаре что-либо изменится?..

Но в этот раз я точно не собиралась позволить ей портить мою жизнь! Правда, пока не знаю, просто ума не приложу, что можно сделать взамен. Гадости, которые она мне устраивала раньше, казались слишком или мелкими, или подлыми, чтобы возвращать их в ответ.

Не хотелось опускаться до подобного.

Ладно! Я заправила за ухо выбившуюся из прически прядь и, поправив сумку на плече, прерывисто выдохнула, глядя вдаль.

Над академией плыли низкие облака, и фонари уже зажглись, хотя до темноты было еще далеко. Я спустилась по ступеням, прижимая к груди стопку книг, и уже почти свернула к общежитию, когда едва не врезалась в человека, идущего к лестнице.

– Осторожно.

– Профессор. – Я кивнула, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Говоря откровенно, профессор Эйдан – последний, кого я хотела бы видеть в таком злом, уязвимом состоянии!

Потому что его присутствие не успокаивало, а волновало, будоражило... Он мужчина-проблема, а не мужчина-отдушина.

– Мисс Тарри. – Декан чуть наклонил голову. – Выглядите расстроенной.

– Просто день неудачный, – ответила я, делая шаг в сторону, чтобы обойти его и просочиться между высокой фигурой и каменными элементами перил крыльца.

К сожалению, он и не подумал поиграть в джентльмена и сдвинуться с пути, наоборот, развернулся так, что сбежать стало трудновато. Разве что прямо протискиваться между ним и каменным столбом!

– У всех бывают неудачные дни, – сказал декан спокойно. – Не хотите рассказать?

Я с некоторым удивлением подняла на него глаза, пытаюсь понять, откуда вообще взялась такая настойчивость. Он слепой и не видит выражение моего лица?

Да нет, явно все понимает... вон какой внимательный взгляд.

– Не хочу, – честно ответила я. Не желалось даже представлять, как я делюсь типично бабскими подлянками и неприятностями.

– Хорошо. – Он пожал плечами, но, к моему удивлению, пропускать дальше и не подумал. – Айлин, у вас волосы выбились.

Протянул руку и, прежде чем я успела отшатнуться, поправил прядь, упавшую на лицо. Кончики пальцев скользнули по щеке легко, почти невесомо, будто случайно.

– Так лучше.

Я смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Сердце колотилось где-то в горле, в голове шумело, а единственное, что я могла, – это стоять и не дышать.

Декан же пристально смотрел на меня – спокойно, без улыбки, но с выражением, которое я не умела правильно назвать. Да и не хотела, если быть совсем уж откровенной.

– Ты голодна?

Вопрос был настолько неожиданным, что я лишь недоуменно хлопнула ресницами.

– Что?

Даже не знаю, что меня больше озадачило, – очередной переход на фамильярное обращение или суть его вопроса.

– Ты работала несколько часов, – сказал он. – В столовой сейчас уже пусто. Здесь рядом есть приличное место, всего минут пятнадцать идти.

– Вы приглашаете меня поужинать? – уточнила я, потому что предпочитала называть вещи своими именами.

– Да, – сказал он без малейшего смущения.

И, главное, смотрит так прямо, бесстрастно... и ждет. Красавчик-декан явно не имеет привычки повторять дважды? И отказы, подозреваю, получает нечасто.

А еще этот взгляд я уже видела. Тогда, когда он поймал меня в саду и его руки сжались на моей талии чуть дольше, чем требовалось. Опасный взгляд.

– Я ценю предложение, – медленно начала я, – но у меня семь страниц конспектов, которые нужно переписать до завтра.

– Конспекты подождут час, – безмятежно ответил мне мой научный руководитель, который, вообще-то, должен радеть за мою диссертацию!

– Боюсь, что если подождут, то я забуду половину. Книги не разрешают выносить.

– Значит, после того, как перепишешь. Я подожду.

– Я поздно закончу!

– Меня это не смущает.

Ужас какой!

Я посмотрела на его совершенно невозмутимое лицо, на спокойную уверенность человека, которому не приходит в голову, что может быть иначе, – и поняла, что просто жизненно необходимо показать самоуверенному господину, что иначе быть может.

– Ой, но я совсем не могу, меня ждет Дорна, это моя новая подруга с боевого, – с улыбкой начала я. – У нас уже планы, и было бы нехорошо заставлять ее ждать, не так ли? Но вы такой вежливый, мне очень приятно!

– Мм... как скажете. – Эйдан задумчиво-оценивающе на меня посмотрел и медленно кивнул. – Всего доброго, мисс Тарри.

А вот оно и заветное «вы», показывающее, что мы свернули обратно на рельсы рабочих отношений.

Вопрос – как надолго?

Еще раз кивнув на прощание, я быстро пошла к общежитию. А по дороге лихорадочно пыталась придумать, что же мне теперь делать?!

Неужели он действительно передумал и решил жениться?

Или просто хочет приятного приключения?.. Но, право, он же мало того, что декан и самая вожаделенная цель всех дам в академии, так еще и в целом очень красивый мужик.

Он, по идее, может найти себе развлечение решительно везде, так зачем следить на собственной территории?..

В общем – ничего не понимаю!

И самая рабочая стратегия, по всей видимости, – «прелесть какая дурочка».

А если дурочка нам не поможет, то придется играть в открытую, чего, конечно, не хотелось бы. Открыто посланные мужчины превращаются в такие замысловатые бумеранги...

Возвращаются просто крышесносно.

А это не всегда хорошо!

Глава 17

Время летело незаметно, не успела я оглянуться, как листья в академическом парке начали медленно желтеть, а вечера стали холоднее. Да и вообще, сейчас и днем в одном платице по территории не побегаешь, надо как минимум теплую кофту или шаль добавлять, а как максимум даже легкую курточку.

Я пока выбирала шаль. Большую, треугольную, из шерсти горных северных коз, чье руно было тонким, но одновременно очень теплым. Ее мне в подарок связала наша старушка-кухарка, одна из немногих слуг, прошедших с семьей Тарри через все невзгоды.

Она вязала мне носки, шарфы, шапки с перчатками и всякий раз рассказывала удивительные сказки, множество которых знала на память. Именно благодаря Берте годы моей подростковой жизни не были такими уж беспросветными. До того как мы смогли получить Хильду, именно эта старушка удерживала на плаву мою веру в людей и в любовь.

Самый пик переживаний измены мамы пришелся на период с тринадцати до шестнадцати. Я не могла ее видеть, я злилась, плакала, кидалась вещами, а после кидалась к ней же и плакала в объятиях.

Любимый предатель, от которого ты не можешь никуда деться, и даже придерживаться одной стратегии ты не можешь! Потому что мать тогда тоже рассыпалась на куски после смерти отца и под давлением его родни, которая считала, что вдове и какой-то девчонке не стать наследниками.

Тогда я любила и ненавидела одновременно, а потому эта двойственность разрушала мне душу.

Которую исцеляла и по кусочкам складывала старая Берта. Своими сказками, своими песнями, своими простыми грубыми словами о том, как называется моя троюродная тетка с папиной стороны, например.

Но мы выстояли, и теперь все хорошо, а потому Берта на пенсии в нашем загородном поместье, гоняет молоденьких поварят и пользуется заслуженным уважением.

Но в любом случае, как бы далеко она ни была, – шаль со мной. Каждую весну и осень я чищу ее от катышков, и она снова как новенькая! Завернешься, и вроде даже солнышко светит ярче!

Прямо как сейчас.

Я стояла на крыльце и щурилась на солнце, ощущая, как оно пригревает лицо, и жадно вдыхая осенний воздух. Вкусный такой, почти хрустальный, что бывает, лишь когда деревья только начинают желтеть.

И солнышко это мне было очень нужно, если честно... Потому что прошедшая неделя была заметно хуже предыдущей.

Сначала я решила, что мне кажется. Ну косятся люди – мало ли. Новый человек на кафедре, аспирантка декана, такое само по себе привлекает внимание, а потому я списывала повышенное внимание на это и старалась не замечать.

Но потом началось то, что списать было сложнее...

В среду, после занятий, я столкнулась в коридоре с двумя старшекурсницами с теоретического. Они шли навстречу, что-то оживленно обсуждая, и когда я поравнялась с ними, одна из них бросила на меня оценивающий взгляд и что-то шепнула подруге. Та хмыкнула, осмотрела меня с макушки до пят и недоуменно покачала головой, а после обе прошли мимо, не сказав ни слова.

Но странности на этом, разумеется, не закончились.

В столовой аспиранты хоть и ели отдельно, но к нам достаточно близко сидели те же старшекурсники с боевого, что расположились во главе своего стола. И какой-то крупный парень, молодой, уверенный в себе, когда я проходила мимо с подносом, привстал и сказал что-то вроде: «Эй красотка, куда торопишься!» Притом достаточно громко, чтобы слышали соседи, которые сразу же зашушукались.

Я проигнорировала и села за аспирантский стол, но неприятный осадок остался, особенно учитывая то, что со стороны боевиков периодически слышались взрывы какого-то совершенно вульгарного хохота.

На такой ерунде я старалась не циклиться, тем более что своих дел у меня был воз и маленькая тележка. Даже две, потому что книги в библиотеку так и не вернули, и я занималась в читальном зале, на этот раз дальновидно занимая дальние угловые столы и раскладывая по ним книги и мануалы так, чтобы не оставить свободного места. И, стало быть, возможности ко мне подсесть!

Впрочем, к счастью, Лирка и не пыталась досаждать попытками активно общаться. Наоборот, она дистанцировалась и как-то раз даже пересела от меня во время обеда. Настолько выразительно, что все

проводили ее удивленными взглядами, но она лишь гордо развернула плечи и почему-то посмотрела на... мою тетю.

Которая иногда все же снисходила до простых смертных и ела за общим преподавательским столом, не уединяясь в отдельной столовой. По удивительному совпадению, тяга тетушки к социуму всегда совпадала с наличием Кайшера Эйдана за приемом пищи. Но к чему это – я старалась не размышлять.

Супружеские отношения лорда и леди Рейнвуд были такой бездной, в которую лучше не заглядывать. Было очевидно, что друг друга тетя с дядей не любят, но при этом в обществе они всегда выступали единым, так сказать, фронтом, и дядя поддерживал любые начинания супруги. Думаю, что в Торнвудском университете расстроились, когда тетя ушла на должность в Хармар, потому что Теодор жертвовал очень приличные суммы на всякие исследования, которые курировала его жена.

И я уверена, что на Хармар он пожертвует тоже, потому что без хорошего финансирования ты по-настоящему рейтинговое учебное заведение не сделаешь. Вообще, полагаю, что изначально Морвенна метила на ректорское кресло в каком-то из столичных заведений, в идеале в том же Торнвудском. Но там, видимо, оказалось слишком много других желающих, у которых были не только деньги, но еще и связи.

А потому пришлось соглашаться на удаленный городок. Но кто мешает сделать его почетной академией, особенно если учесть, что тут и так имеется лучшая в стране кафедра нечистеведения?

За этими размышлениями я отправилась к вивариям. Недавно Ревор снова посетовал, что старшие аспиранты заняты со студентами, а ему нужно провести ряд манипуляций с нечистью, которые требуют наличия ассистента.

Ну я и опять вызвалась, почему нет?

И вообще, может, это и нескромно, но я считаю, что отлично справляюсь, и готова заниматься чем-нибудь на постоянной основе. Тот же Ревор откровенно зашивается в вивариях.

Я зашла в виварий, прошла мимо вольеров, почесала за ухом метнувшихся к ограде огнелис, воркуя, какие же они миленькие, какие же хорошенькие.

Из соседней клетки донеслось жалобное «мяу».

Покосившись на белоснежный пушистый шарик с умиленными глазками, я лишь погрозила ему пальцем и сказала:

– Милли, я тебе теперь не верю. Ты в прошлый раз меня почти укусил!

Эшмари по имени Милли тотчас обратился в какую-то редкую страхолюдину, кажется состоящую из одной пасти, и вызверился на меня. Я с не меньшим энтузиазмом скорчила ему рожу в ответ, от чего нечисть почему-то выпала в осадок и вернулась в свой прежний облик.

Записать это себе в победу я не успела, потому что за спиной раздался насмешливый голос:

– Вы меня удивляете все больше и больше, аспирантка Тарри.

Голос я узнала сразу, разумеется, а вот оборачиваться и смотреть в зеленые глаза очень не хотелось. Но пришлось, разумеется, кто ж меня спрашивает.

– Господин декан. – Я нарисовала на лице самую светскую улыбку и повернулась к нему.

И... к сожалению, он был не один! Рядом с одетым в дорогой костюм и «застегнутым на все пуговицы» профессором Эйданом стояла моя тетя и еще несколько человек. В том числе секретарь и невысокий, удивительно красивый мужчина с багрово-красными волосами, убранными в косу. Эльф, что ли? Но у тех уши длиннее, их проглядеть очень сложно даже при всем желании.

Мне кажется или я попала на демонстрацию академии новым попечителям?

Ы-ы-ы... надеюсь, что мой обмен любезностями с Милли видел только Эйдан. Но, судя по выражению лица тети, надеялась я зря, м-да...

– Здравствуйте, леди ректор, – тотчас поклонилась я. – Приветствую, господа!

Когда выпрямилась столкнулась взглядом с высоким мужчиной.

И подавилась вдохом.

Потому что я смотрела в такие же янтарные, как у меня, глаза на узком лице с очень характерным носом, да и вообще черты были более чем узнаваемы.

Такие я наблюдала каждое утро и вечер в зеркале ванной. Только у него они были явно более возрастными и мужскими, соответственно.

Ну и платиновые волосы незнакомца, в которых, как перья, запутались темные пряди, не давали мне обмануться, даже если бы я

этого желала. Хотя что скрывать – очень даже желала!

Вот же блин!

Я торопливо опустила голову, но, к сожалению, уже успела уловить полный любопытства желтый взгляд.

– Господа, думаю, что мы можем пройти дальше, – мягким, грудным голосом продолжила тетя. – Закончив осмотр вивария, мы проследуем к полигонам. Кстати ваши инвестиции в первую очередь пойдут именно на развитие факультетов нечистоведения и боевого!

– Как скажете, но можем не торопиться: декан на редкость интересно рассказывает о своих подопечных, – проговорил тот самый желтоглазый блондин с прядями-перьями. – Но полигоны – это тоже любопытно...

– Вам, кстати, господин Фейн, это будет особенно интересно, – обратилась тетя к «эльфу». – Вы упоминали, что на ваших территориях расплодилось нечисть с Гиблого перевала. Мы как раз планировали создать смешанные группы – нечистоведов и боевиков. Можно организовать выезд, заодно наловим экземпляров для вивария.

– Интересная идея, – отозвался «эльф». Голос у него был низкий, чуть насмешливый. – Обсудим, леди Рейнвуд. Я представляю коалицию кланов из земель фьордов, и они нацелены на повышение качества образования, а потому экономить на вложениях в ваше прекрасное заведение мы не будем.

– Это отрадно слышать! – расцвела тетя.

А я смотрела вслед «эльфу» с кровавой косой, который, наверное, был одного со мной роста, и недоумевала. Он северянин?! Серьезно?!

И раз он представляет кланы, то обладает высокой должностью и властью. Но на севере уважают лишь силу, а его, судя по телосложению, та же Дорна, просто проходя мимо и задев крутым бедром, к стеночке отшвырнет.

Но на деле думать сейчас нужно было вовсе не про него.

А про того, кто за все это время не проронил ни единого слова и слишком пристально смотрел на меня, обычную аспирантку академии. Вряд ли господин с янтарными глазами так пялился на каждого встречного студента... да не важно на кого!

Я никогда не видела оборотней-сов, кроме себя. Они все по типуажу похожи или я могу предполагать худшее?

Гадство!

Почему жизнь устроена так, что неприятности валятся одновременно, в единую кучу и погребают тебя словно лавиной!

– Мяу... – снова жалобно сказал Милли и выразительно ткнул лапкой в сторону коробки с вкусняшками.

И хотя вредная животиная ничего такого, конечно же, не заслужила, я хотела порадовать хотя бы кого-то в этой ситуации, а потому запустила руку, выудила сушеную лягушку и кинула одну ему. На месте пушистика тотчас образовалась пасть, которая проглотила еду. Милли тотчас обернулся обратно в милашку и снова мяукнул.

Я вздохнула. Хотя кто-то в этом мире получает то, что хочет.

Вообще, эшмари достаточно интересные тварьки. Эндемики Иммерзильских болот. Когда их впервые обнаружил какой-то шальной исследователь, то решил, что на этой вот пушистой прелести он однозначно озолотится. Ну а что, продавать балованным аристократам вместо болонок, что может быть лучше?

Хотя местные жители говорили ему, что блуждающим огням с болот, зовущим тебя разными голосами, верить не стоит! Да-да, в темноте эшмари еще и светились. И говорить умели, но при этом не являлись разумной нечистью, потому что для них звукоподражание было методом охоты.

Милли вот, очевидно, для себя решил, что быть милашкой и говорить «мяу» – лучшая стратегия для выживания. Но если ему что-то не нравилось, вполне мог обернуться в страхолюду и попытаться оттапать нужную часть тела.

Исследователя тогда спасло лишь то, что в одиночку эшмари не под силу сожрать человека. Потому собирать стаю – плохая идея!

Пока я размышляла о нечисти и от расстройства скармливала обрадованному Милли лягушку за лягушкой, из-за поворота показался Ревор.

– О, ты уже тут! – обрадовался парень. – Пойдем, я как раз приготовил фиксирующий контур для Карла. Осталось туда его запихать и оборвать перья для анализа... он всякий раз сопротивляется, хотя это не первый раз и не больно!

– Ну даже не знаю почему... Может, из-за того, что основные глаголы в твоей речи «запихать» и «оборвать», – насмешливо фыркнула я.

– Может, и так, – почесал затылок аспирант. – Но зато ты его уговоришь! Вы явно друг другу понравились в прошлый раз.

– Ну да, пернатой жо он ко мне не повернулся, – хихикнула я, с каждой секундой чувствуя, как напряжение от недавней встречи понемногу отпускает.

– А это, между прочим, достижение! – поднял палец вверх Ревор и продолжил самым заговорщическим тоном: – Ну да ладно, давай об интересном... Представляешь, сегодня нас показывали попечителям!

– Представляю, – кисло улыбнулась я. – Столкнулась.

– Да? – Парень, кажется, расстроился немного. – Я тоже хотел посмотреть.

– А что в них такого? Обычные богатенькие дяди, разве нет?

– Да ладно, простым богатым дядей уже никого не удивишь, – воодушевленно начал Ревор. – Говорят, что один северянин и правая рука этого их... ярна.

– Ярла.

– Точно! Или левая?.. – не на шутку озадачился парень.

– Скорее левая, – вздохнула я. – Правая обычно ярлов клинок. Там надо драться, притом много и хорошо.

А глядя на этого доходягу, сложно представить себе, что он много и хорошо дерется, потому что он говорил о том, что представляет коалицию кланов, а север такое дело, что там не бывает равных. Обязательно должен быть первый среди них, а стало быть, ярлов клинок должен доказать свое главенство не только у воинов своего клана, но и у других ярловых клинков.

А вот левая рука – это как раз скорее политический советник, которому не обязательно мордовать всех для демонстрации своего превосходства.

– В общем, северянин – это понятно, они, скорее всего, просто ожидают притока кадров к себе. Там нечисти – очень много, притом они используют ее даже в хозяйстве. Но интереснее всего представитель совиных оборотней!

М-дя... а ведь у меня оставались ма-а-аленькие такие иллюзии.

– А что он?

– Ну, во-первых, сов очень мало, и у них один из самых закрытых кланов. А во-вторых он – Голос Многоликого!

– Бога?

– Ага, Хайвупуатлинена.

– И что?

– Как что? Ты представляешь, он же с БОЖЕСТВОМ общался.

– Думаешь в Хармаре соберет лекционный зал и поделится впечатлениями?

– Скучная ты, Айлин, – вздохнул Ревор. – Меня приводит в восторг сам факт того, что такое же, как я, разумное существо может слышать бога и доносить его волю.

Циничная я хотела было напомнить, что у нас в каждой третьей церкви Единого заверяют, что у них еженедельные сеансы связи с боженькой, но исключительно заверениями и ограничиваются.

Единый, вообще, очень удобный бог, который настолько аскетичен, что практически не являет своим последователям чудес. С одной стороны, это в чем-то логично, потому что, учитывая количество магов, состряпать «чудо господне» достаточно просто. А с другой, как доказать-то?

Словом, лично я предпочитала верить в силы матери Природы, от которой мы все произошли и в нее в конце вернемся. Именно ей эльфы и поклонялись.

Меня только капельку смущало, что Природа – богиня по официальной версии добрая и всепрощающая, но вот в древности, судя по всему, она очень настаивала на том, чтобы остроухие способствовали возвращению в ее лоно максимального количества народа... ну, в смысле, в мать сыру землю.

Но это раньше! Сейчас у нас общество совершенно другое!

Надеюсь, что долгоживущие эльфы про это тоже знают.

Пока я думала о религиях и их высших воплощениях, мы дошли до закутка, где квартировал шаударский пересмешник.

– Добрый день, – поздоровалась я, помахав ему рукой.

Карл недовольно на меня зыркнул, но не отвернулся.

– Ревор, у нас еда есть? – деловито спросила я, открывая загончик и заходя на территорию нечисти, где сверкал вершинами пентаграммы контур удержания.

– Ну... да, вот.

Он протянул мне небольшой поднос, где лежала горка нарезанного мяса.

– Отлично. – Я схватила один кусок и подбросила в воздух.

Пересмешник изогнул гибкую шею, и кусок упал ему в пасть.

– Карлуша, приятного аппетита.

Еще один кусок подлетел в воздух. Его съели и посмотрели на меня уже более благожелательно.

– Хороший сегодня день, да? – продолжила болтать я, проходя к контуру и критически оглядывая его. Подправила в одном углу и повернулась. – Нам нужно твое перышко, Карлуша.

Карлуша издал мерзкий звук, что-то среднее между шипением и клекотом, и впервые за все время нашего знакомства повернулся ко мне хвостом.

– Это же не больно, что ты?.. – Я обежала вокруг птицы, чтобы снова оказаться с ним лицом к клюву, так сказать.

Презрительный взгляд, и вновь ко мне развернулись хвостом.

– Мяса? – коварно предложила я и вновь подкинула кусок в воздух.

Сожрав угощение, Карл повернулся обратно и... и тут мне впервые ответили!

– У... у... унижно.

– Унизительно? – осторожно переспросила я.

– Да, – хрипло выдохнули в ответ.

– Почему?

– Прья выдерают дргие самцы в бою за смку.

Ага...

Мы с Ревором переглянулись, и у меня в голове, как светлячок, зажглась одна мысль! Возможно, даже дельная.

– А если самка выдирает перья самцу?

– Играет, – спустя полминуты ответил мне Карл. – Птенцы тоже играют.

– Получается, если перо на анализ возьму я, это же не будет унижительно? – просияла я.

– Да, – кивнул шаударский пересмешник, махнув хохолком на голове и даже протянул мне свое большое крыло.

Я осторожно потянула одно перо – ровное, блестящее, переливающееся на свету всеми оттенками синего и зеленого. Карл дернулся, но не убрал крыло.

– Спасибо, – сказала я тихо. – Ты очень помог.

Я аккуратно положила перо в контейнер, который протянул Ревор, и вышла из загона.

– Ну ты даешь, – сказал он с уважением. – Я с ним пару месяцев мучился, а ты за пять минут договорилась.

– Просто спросила, – пожала я плечами, и тонко поддела: – Иногда это работает лучше, чем силовые и ударные глаголы.

– Так он же раньше ни с кем не говорил! – возмутился Ревор. – Разве что с деканом, откуда-то ведь было известно, что Карл разумный.

Мы вышли из вивария, и я глубоко вдохнула осенний воздух. Солнце уже клонилось к закату.

День был довольно тяжелый. Но в конце его случилось маленькое чудо: я уговорила пересмешника.

Может, и остальное как-нибудь устроится?

– Слушай, а ты прямо молодец, – вдруг сказал Ревор. – Нет, я и раньше видел, что ты дельная девчонка, но с каждым разом раскрываешься все ярче.

Я порозовела от похвалы, но наскребла в себе сдержанное достоинство и ответила:

– Спасибо.

– В общем, на удивление хороший специалист для того, кто пристро... ен... – Он осекся, явно поняв, что сболтнул что-то не то.

Повисла тишина.

– Для того, кто пристроен? – очень спокойно переспросила я.

Ревор покраснел так стремительно и густо, что я почти посочувствовала ему.

– Я не... это не я придумал, я просто... слушай, зря я рот раскрыл. Совсем зря. Забудь.

– Ревор.

– У меня дела. – Он уже пятился. – Карлу нужно поменять воду, да и ша'аргал сегодня беспокойный, да и вообще третий ангар...

– Ревор!

Но он уже скрылся за дверью вивария с видом человека, которого настигло заслуженное возмездие и который очень на это возмездие не рассчитывал.

Я осталась стоять на дорожке.

Над головой шумели деревья. Где-то вдалеке зажглись первые фонари. Маленькое чудо с Карлом теперь казалось совсем незначительным на фоне всего остального.

Ладно.

Значит, не кажется.

Я подобрала сумку и пошла искать Дорну.

Можно было бы наивно подумать, что студенты просто узнали про мое родство с леди ректором и потому болтают всякое. Вот только я

уже была достаточно опытная для того, чтобы понимать: мерзкие слухи в одиночку не ходят.

И мне было очень, ну просто очень интересно, что же ходит в паре с этим.

Глава 18

На этом фоне даже побледнело беспокойство от встречи с мужиком, на которого я подозрительно походила лицом.

В конце концов, вряд ли он годы искал потерянную дочь, если вообще знал о ее существовании. А про отношение оборотней к детям-полукровкам я вообще ничего не знала и узнавать на личном опыте не горела желанием.

Вдобавок все это было сопряжено все с теми же репутационными рисками, которых я кровь из носа старалась избежать.

А потому решила сконцентрироваться на более насущных проблемах.

Именно поэтому сейчас уверенно шла к той единственной, с кем у меня вроде как сложились хорошие отношения и она могла пролить свет на происходящее.

Вот только один вопрос меня мучил: почему Дорна не сказала раньше?

Но его я тоже могу задать напрямую, верно?

Дорну я нашла в гостиной – она сидела на диване с конспектами и яблоком и при виде моего лица тут же отложила и то и другое.

– Что случилось?

– Лира дома?

– Нет, пока не вернулась. Говорила, что ей доверили какие-то административные задачи, и она понесла профессору Эйдану на подпись что-то. Очень довольная, разумеется!

– Разумеется, – эхом откликнулась я, внимательно глядя на северянку.

Дорна выдержала мой взгляд, не отводя глаз, но в уголках губ уже заиграла легкая усмешка.

– Давай к делу, – безошибочно уловила настрой она. – А то я не пойму, на меня твоя агрессия направлена или на кого-то иного. Проще говоря, мы между собой драться станем или кого-то третьего бить.

– Пока неизвестно, кого бить, кто так сказать, виновник торжества.

– Так что случилось?

– Пока ничего конкретного, – сказала я, садясь в кресло напротив. – Но мне кажется, что обо мне ходят какие-то слухи.

Нехорошие.

Дорна секунду помолчала, озадаченно сведя брови к переносице.

– С чего ты взяла?

Я кратко пересказала свои размышления – про косые взгляды старшекурсниц, про боевика в столовой, про то, как девушки за углом перешептывались. И про намек Ревора.

Дорна слушала, не перебивая, и лицо ее становилось все серьезнее. Она задумчиво покрутила косу в пальцах и сказала:

– Может, правда только из-за родства? Вот это я слышала, но вскользь.

– Из-за одного родства такого не бывает, – покачала головой я, вспомнив старшекурсниц в коридоре. Они явно смотрели на меня нехорошо и... сравнивали, что ли?.. – Быть может, я просто мнительная, Дорна, но хотела бы удостовериться и спать спокойно.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, потом кивнула.

– Поняла тебя. – Дорна откинулась на спинку дивана, сложив руки на груди. – Смотри, как-то так сложилось, что я не сплетница принципиально, а потому со мной такое не перетирают обычно. Но завтра вечером намечаются посиделки у старшаков, и я думаю туда завалиться – уши погреть. Благо алкоголь многим языки развязывает. Так что принесу тебе в клювике самые свежие сплетенки.

– Спасибо!

– Да было бы за что. – Она усмехнулась и протянула руку, сжав ее в кулак. – И да, если все же пойдешь куда-то бить морды – зови!

– Обязательно, – совершенно серьезно пообещала я, касаясь ее кулака своим.

– Во-о-от, наша девчонка! – расхохоталась она. – Если что, то поехали со мной вместе на север, там за тебя точно самые лучшие мужики биться будут!

– Прямо-таки разбегутся и будут, – расхохоталась я от внезапности этого предложения.

– А ты зря так. Если еще лет двадцать назад чем невеста была менее образованна, тем больший за нее давали выкуп, то теперь все меняется. А уж маг, да еще и такая красotka, как ты... и нечистевед! У нас же там не как у вас на равнинах, у нас только шасть за пределы двора – и вот тебе самая что ни на есть дикая нечисть!

– Звучит заманчиво, – кивнула я, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. – Но сначала разберемся с тем, что здесь

творится.

– Тоже верно, – кивнула Дорна.

Я поднялась, подхватила свою сумку и уже у двери обернулась.

– Дорна... спасибо.

– Не за что пока еще. – Она махнула рукой. – Иди уже! Там, судя по звукам, что доносились часа два назад, твой шуршик догрыз кровать – не иначе.

– Я ему корягу притащила зубки почесать, наверное, это была она, – невольно улыбнулась я в ответ.

– Дай-то бог. Но если у тебя подломятся ножки у кровати – я предупреждала!

– Не, ты что. Финик воспитанный, – улыбнулась я и отправилась в свою комнату.

Воспитанный Финик сидел на столе и старательно делал вид, что занят: перекладывал с места на место какую-то блестящую пуговицу, которую я никогда раньше не видела и происхождение которой предпочла не уточнять.

– Госпожа вернулась! – обрадовался он, тут же отложив пуговицу. – Как прошел день?

– Интересно, – ответила я, снимая куртку.

– Хорошо интересно или плохо интересно?

Я секунду подумала.

– Пока непонятно.

Финик озабоченно пошевелил усами, явно не удовлетворенный таким ответом, но приставать с расспросами не стал: видимо, что-то в моем лице его остановило. Вместо этого он деловито потрусил к кровати, нырнул под нее и воодушевленно чем-то зашуршал.

Я поняла, что надо все же принять стратегическое решение и достать его сокровищницу, просто ради того, чтобы удостовериться в том, что в ней только мои вещи!

Но сейчас... сейчас сил не было даже думать об этом. Казалось, что последняя вспышка эмоций, пусть и радостных, в разговоре с Дорной совсем меня высосала.

– Что-то случилось, – в упор глядя на меня констатировала Хильда.

Ох уж моя любимая фамильяра... всегда она чувствует, когда с ее совенком что-то не так.

Я опустилась на кровать, откинулась на подушку и уставилась в потолок. Сил не было даже на то, чтобы разобрать сумку.

– Завтра узнаю точнее. А пока даже фантазировать о плохом не хочу.

Хильда помолчала. Потом слетела с насеста и устроилась рядом – не вплотную, просто рядом, как она умела, когда чувствовала, что слова не нужны.

За окном шумел ветер, где-то в отдалении слышались голоса и смех. Академия жила своей ночной жизнью.

А мне надо было дожить до завтра.

* * *

Вообще ожидание – самая противная штука, которую только можно представить.

А я еще вдобавок совсем не люблю ждать! Хотелось действовать, куда-то бежать, что-то менять... что угодно, только не ждать!

Да элементарно прижать вот ту мерзавку, что толкнула меня сейчас с книгами в библиотеке и бесценные тома разлетелись по полу.

Я подняла голову и посмотрела на нее в упор.

А девица-то сказочно хороша! Блондинка, с идеальной фигуркой, на которой форма сидит настолько хорошо, что явно пошита в ателье, а не куплена в магазине готового платья.

И сережки на ней с драгоценными камешками, колечки, браслетики... дорогая, кем-то любимая девочка.

– Ой, как жаль, – фальшиво раскаялась она.

– Очень жаль, – с каменным лицом согласилась я, а потом повернулась к выходу из читального зала и громко позвала: – Госпожа Таринис!

– Что вы делаете? – почему-то растерялась и даже испугалась блондиночка.

Я не успела уйти далеко, как в дверном проеме появилась библиотекарьша.

– Что случилось?

– К сожалению, эта студентка налетела на меня и я не удержала книги. Как нам поступить в такой ситуации?

Блондиночка точно не была готова к молниеносному возмездию, потому лишь раскрывала рот, как выброшенная на берег рыба.

– Это не я! – наконец опомнилась она. – Это ты сама меня снесла!

Но тут такая интересная ситуация, что свиты у нее сейчас нет, некому подтвердить. Недальновидно!

Потому я по-крокодильи улыбнулась и, скрестив руки на груди, с достоинством ответила:

– Боюсь, что в данном случае ваше слово против моего. Но в целом мы можем найти решение... госпожа Таринис, подскажите, есть ли у вас библиотечные духи?

Судя по тому, как побледнела студентка, о том, что можно расспросить еще и призрачных существ, она просто не подумала.

Сая Таринис несколько мгновений смотрела сначала на меня, потом на красотку, а потом поманила к себе упавшие книги, и они одна за другой приземлились на стол возле нее. Бегло осмотрев их на повреждения, библиотекарьша сказала:

– К счастью, последствий нет, но на будущее стоит вести себя аккуратнее.

– Но... – попыталась было возмутиться красотка.

– А вот врать – нехорошо, – сказала, как отрезала, госпожа Таринис и, развернувшись на каблуках, вернулась к себе.

Книжки окутались золотистой сетью и полетели вслед за своей повелительницей, и мы с нежданной-негаданной противницей остались одни.

– Ну и? – Я изогнула бровь. – Вопросы, претензии, проблемы?

Блондинка секунду смотрела на меня с выражением лица человека, который привык, что все решается по-другому, и сейчас мучительно перестраивается. Потом вздернула подбородок и грозно, но неубедительно сказала:

– Ты пожалеешь!

– Обязательно пожалею, – согласилась я. – Как только найду для этого свободное время. А сейчас – всего доброго.

Она развернулась и вылетела из читального зала с такой скоростью, будто за ней гнались.

Маленькая победа. Но на душе все равно было погано.

Я сходила на занятия, вернулась, поела, немного поработала над конспектами. В библиотеку повторно не пошла, сейчас моя комната в общаге воспринималась как маленькая крепость, куда не сунется никто лишний. А Лирку я не боялась, да и она практически всегда отсутствовала. Кажется, у нее все свободное время занимали не то

подработки, не то просто благотворительные общественные работы на благо администрации.

Впрочем, ничего нового, не так ли? В Торнвуде она вела себя так же, а тут моя тетя в роли ректора появилась, так что для Лиры это хорошая возможность карьерного роста.

Дорна появилась уже довольно поздно вечером, поманила меня к себе в комнату, плюхнулась на диван и некоторое время просто молчала, глядя в потолок.

– Дело плохо, – наконец проговорила она, поднялась и пошла ставить чайник.

Я не торопила, так как и сама уже понимала: слухи обо мне распустили такие, что просто загляденье.

Дорна налила нам чаю в большие кружки, одну передала мне, а свою обхватила двумя ладонями, сделала большой глоток и посмотрела на меня.

– Во-первых, про леди ректора практически не говорят. Все уверены, что место в аспирантуре тебе прикупил добрый дядечка, пожертвовав на нужды академии очень кучерявую сумму.

– Что?.. Да он всегда так делает, где бы тетя ни работала! В смысле, оказывает финансовую помощь. Это, по сути, на ее хотелки и ее исследования, которые временами весьма дорого стоят.

– Ну вот про это молчат, а про то, что надо было пристроить очень тупую племянницу, – очень даже разговаривают.

– Прямо очень тупую? – невесело усмехнулась я.

– Как пробка. Ты не представляешь, насколько ты дерево, Айлин. Рядом с тобой даже Кристиан как минимум академик!

– Лестно, – сказала я. – Рассказывай дальше, это ведь явно не все.

Дорна сделала еще глоток. Секунду помолчала – так человек собирается с духом не потому, что боится, а потому, что ему неприятно говорить.

– Дальше – хуже. – Она смотрела на меня в упор. – Говорят, ты бессовестно вешаешься на профессора Эйдана. Совершенно бесстыдно, разве что юбку не задираешь. Версия такая: надо писать диссертацию, а голова для этого не приспособлена. Вот и решила работать по старой схеме. Говорят, в Торнвудском университете ты тоже диплом не головой зарабатывала.

Слов нет. Вот вообще, у меня полный шок и... даже цензурно не скажешь.

– Короче, грязь и мерзость, – закончила Дорна. – Прости, что приходится это говорить.

Да... Грязь, которую кто-то старательно размазывает по моей репутации.

Я кивнула, чувствуя, как к горлу подступает ком.

В комнате стало очень тихо. Только чайник где-то в углу тихо щелкал, остывая.

– Это все? – спросила я.

– В основном да. – Она поставила кружку. – Слушай, я не знаю, откуда это пошло, но пошло широко, потому что уже успело обрасти сопутствующими историями, которые появляются только после многочисленных пересказов и додумываний. Но, кстати, не все этому верят. Часть ребят с тобой еще в посвят познакомились, и ты не показалась им ни глупой, ни доступной. Да и тот же Ревор с нечистеведения отзывается очень хорошо о профессиональных навыках... так что люди с мозгами особо уши не развешивают.

Эх, зато сколько людей без мозгов или с нежеланием их напрягать...

– Спасибо, что сказала.

– Ты не злишься? А то такая спокойная... можно подумать, что у тебя эмоциональный диапазон табуретки. Вообще не переживаешь!

– Злюсь, – честно ответила я. – А переживания? Что переживания... проблему проще и быстрее решать без них. Если переживания где-то помогут, то я буду в первых рядах!

Дорна посидела, задумчиво прокручивая кружку в руках, и спросила:

– А что делать-то будем?

– Мы?

– Мы. Не знаю, как ты, а я уже решила, что в этом году мы будем дружить. Потом я уеду на север, ты станешь приезжать ко мне на каникулы, но рано или поздно обязательно встретишь у нас настоящего мужика и останешься там жить, – совершенно серьезно поделилась она планами на мою жизнь. – У нас красиво, кстати!

– Верю. – Мои губы дрогнули в улыбке. – А на тему «что делать» – не вестись. Нужно, во-первых, пережить этот период, потому что студенческая жизнь – она такая: поводов посплетничать много, и я не буду вечно в топе тем на обсуждение.

– Ну да, чем громче кричишь опровержения, тем больше будут уверены в том, что, как говорится, «рыльце в пушку».

– И это тоже. – И, с улыбкой вспомнив дневную встречу в библиотеке, я добавила: – А во-вторых, я не настолько безобидна, как может показаться.

Хотя, конечно, в следующий раз девица все же может прийти не одна, м-да.

– Кстати, а хочешь смешное? – вдруг разулыбалась Дорна.

– Ну-ка? В этой ситуации есть забавное?

– Ну, я поржала. Короче, как ты знаешь, Кайшер Эйдан свои похождения никому не светит, если они и есть, и ведет на редкость аскетичный образ жизни, потому все местные дамочки и считают его чем-то вроде национального достояния. Он ничей и этим привлекателен.

– Ну и?

– В общем, по официальной версии он, бедолага, от тебя по коридорам уже шугается, по башням прячется и трусами отмахаться не может! – расхохоталась северянка.

Вообразив себе отмахивание деканскими труселями, я тоже не удержалась от улыбки, потом хихикнула и, наконец, в голос рассмеялась. Это, конечно, скорее всего, было нервное, но даже такой смех – помог.

Глава 19

КАЙШЕР ЭЙДАН

Утром пришло письмо от Эола – объемное, с тремя печатями и характерным гербом в виде дракона на конверте. Кайшер налил себе кофе, сел в кресло и начал читать.

Подчиненные герцога Девиальского всегда работали очень основательно. Три страницы убористого почерка: о роде Тарри, виконтстве, матери – Элизе Тарри, урожденной Рейнвуд... все, о чем Кайшер и так подозревал, но хотел получить подтверждение.

Он дочитал, отложил письмо и подошел к окну.

Голос Многоликого приехал три дня назад. Кайшер видел его в виварии – высокого оборотня средних лет с короткими платиновыми волосами с темными прядями и янтарными глазами, которые он узнал бы среди тысячи других. Совиный клан. Один из самых закрытых, один из самых редких.

Он не слепой – и мало того, что заметил сходство, так еще и проверил компасом. Тот реагирует на Голос Многоликого так же, как на Айлин. Так что не нужно быть математиком, чтобы сложить два и два.

Притом, скорее всего, девочка красится. Судя по досье на Элизу Тарри, та была блондинкой. Также в эту схему отлично ложится неподвижная аура Айлин...

Кайшер сложил письмо и убрал его обратно в конверт.

Итого: она полукровка. Оборотень-сова по отцовской линии. Проводник воли – исключительная редкость... возможно, даже активированный, но для целей профессора Эйдана это не имело значения.

Он медленно покрутил на пальце перстень.

Интересная ситуация. Очень интересная. И требующая осторожности – ведь если Голос Многоликого узнает о дочери раньше времени, то все, что Кайшер выстраивал последние недели, может рухнуть в одночасье. Оборотни не отдают своих проводников.

Вот только, к сожалению, они уже встретились сегодня... и, судя по очень заинтересованному взгляду оборотня, он слепым не был.

Неужели все-таки придется на ней жениться?

Надо же как-то достаточно весомо застолбить женщину и не позволить ее увести в далекие дали? А оборотни определенно попытаются забрать Айлин... если, разумеется, догадаются, что она не человек. В целом внешняя похожесть еще ничего не решает.

Запрета на скрещивание с людьми в среде двуипостасных не было, но такие браки не одобрялись. По очень тривиальной причине. У людей, несмотря на всю их слабость, короткую жизнь и прочие недостатки, были очень сильные гены. Очень.

Потому в межрасовых браках, как правило, рождались люди.

А вот Айлин мало того, что явно сова, так еще и со способностями Голоса. В нее вцепятся и с песнями утащат в леса.

Но если на ней жениться...

Он прокрутил эту мысль в голове. С одной стороны, варварский способ решения проблемы, а с другой – единственный, который оборотни однозначно поймут. У них все просто: чья-то – значит чужая.

Кайшер усмехнулся. Надо же, до чего дошло... брак как оборонительная стратегия!

Хотя, если быть честным с самим собой, идея не такая уж неприятная.

А если совсем уж честным, то очень, просто очень приятная.

Кайшер с удивлением осознал, что ради того, чтобы заграбастать в свои руки это сокровище и уже потом разбираться, что с ним делать, он готов даже на такие шаги.

А что, если так подумать – отлично все складывается.

Король и так рекомендовал ему обзавестись женой-ширмой, а тут, возможно, даже притворяться не придется. Айлин хотелось иметь рядом. Обнимать, целовать, касаться... слушать.

Они знакомы всего ничего, но девушка уже намертво поселилась в его мыслях.

И не исключено, что по банальной причине: она раз за разом настойчиво демонстрировала, что его, Кайшера Эйдана, в ее мыслях нет. Несмотря на все способности ламира, да и просто физическую привлекательность.

Он усмехнулся.

Итак, если решение принято, то, возможно, стоит начать наступление?

Вот только... последняя их встреча и попытка пригласить на ужин закончилась просто феерическим провалом. Айлин решительно отказывалась узнавать профессора Эйдана поближе. И что же делать, не заставляя же?

Хотя если ей не нравится декан, то, может, просто предложить что-то попроще и подступнее? Например, обаятельного аспиранта Кая.

Конечно, финал той прекрасной ночи его красавица благополучно забыла, но все остальное-то помнит?

Не пора ли ему снова появиться в ее жизни?

АЙЛИН ТАРРИ

Пятница у меня получилась днем писем.

Сначала мелодично пискнула шкатулка, и, открыв ее, я увидела письмо с гербом рода Рейнвуд на сургучной печати и аккуратно выведенную подпись: «Моей любимой племяннице».

Почерк я знала, да и обращение всегда заставляло улыбаться. Приятно быть не просто любимой, но еще и всегда эту любовь и заботу чувствовать, а дядя Теодор давал мне это в достатке, что до гибели отца, что тем более после.

«Айлин, дорогая!

Как дела в академии? Надеюсь, ты уже освоилась, но пока не нырнула с головой в процесс, забывая про еду. Знаю, что аспиранты – народ увлеченный, но без сил науку не двигают.

Я буду в Хармаре по делам в конце следующей недели. Если у тебя найдется свободный вечер, буду рад поужинать в городе. Знаю одно хорошее место, где кормят не хуже, чем дома. Да и поболтать нам есть о чем.

Передавай привет своим пернатым и пушистым.

Жду ответа. Твой дядя Тед».

– Что там, госпожа? – Финик запрыгнул на колени, оттуда приподнял край моей рубашки и нырнул под нее, чтобы спустя несколько секунд высунуть нос из-под воротника. – Плохие новости?

Щелкнув поганца по этому самому носу, я расстегнула пуговицу, достала шуршика из-за пазухи и посадила на стол, как раз рядом с развернутым письмом.

– Нет. – Я взяла послание в руки и перечитала еще раз. – Хорошие. Дядя приезжает!

– О! – Шуршик оживился. – А он привезет гостинцы?

– Финик!

– Я просто спросил, – обиженно пискнул он. – В прошлый раз он привозил сушеные яблоки и орехи. И еще тот браслет вам в подарок, который я потом... который потом случайно потерялся.

– Ты его спер, – уточнила Хильда.

– Я его нашел и планировал отнести в шкатулку Айлин. Просто что-то пошло не так, – поправил Финик с достоинством. – Это большая разница.

Все же как хорошо, что сейчас он тырит исключительно бижутерию за три медяка и только мою. А то проблем бы не обобралась, конечно...

Но пора было сочинять ответ! Я взяла лист бумаги и перо.

«Дорогой дядя Тед!

В академии все хорошо, учеба идет, мне очень повезло с научным руководителем.

Счастлива, что у тебя получится приехать, и с радостью поужинаю вместе!»

Надеюсь, конечно, что ужин будет не семейный и тетку не притащат... Хотя дядюшка прекрасно знает о наших взаимоотношениях, так что о присутствии леди Морвенны он точно предупредил бы заранее.

Хильда заглянула через плечо.

– Напиши, что мы его ждем и надеемся на вкусный ужин.

– И что я тоже жду гостинцы! – добавил Финик.

– Ты их ждешь всегда, – заметила сова.

– Но в этот раз особенно, – парировал шуршик.

Я усмехнулась и дописала:

«Ждем с нетерпением. Передаю привет от пернатых и пушистых. Твоя Айлин».

Свернула письмо, запечатала и опустила в шкатулку. Крышка мягко щелкнула, и я представила, как письмо исчезнет из нашего ящика и появится в почтовом ящике дяди Теда. Магия, конечно, удобная штука.

– Хотя что это я про вкусный ужин? – продолжала рассуждать вслух Хильда. – Ты же, наверное, одна поедешь и нас не возьмешь?

– Скорее всего, – немного подумав, кивнула я и отправилась в ванную приводить себя в порядок.

Надо было и голову помыть, как следует подержав средство для того, чтобы пигмент впитался в волосы, и в глаза закапать. Привычная и уже даже умиротворяющая рутина.

После водных процедур я как следует вытерлась, нанесла все кремушки и, завернувшись в халат, вернулась в комнату, прикидывая планы на будущее.

А еще надо будет не забыть, когда я через месяц поеду к маме на выходные, взять с собой артефакты по коррекции ауры и отнести знакомому специалисту, чтобы зарядил.

Прошлая тренировка все же опустошила артефакт на две трети!

Интересно, а когда можно ожидать следующих?..

Мне бы хотелось? Несмотря на то что методы профессора Эйдана не назвать щадящими, результаты все равно были очень, просто очень полезными. Хотя бы потому, что при визите в виварий я в загонах с особо опасными тварьками просто вешала на себя самый первый, тоненький щит, который реагировал на чрезмерно резкие движения рядом с моим телом.

До этого я сама додумалась, но что-то подсказывало, что в Торнвуде я бы сделать это не смогла.

Пока я размышляла о пользе, полученной от декана, в окошко постучали.

Я выглянула – на подоконнике сидела бумажная птичка-посланник, сложенная из плотной белой бумаги, с едва заметным серебристым блеском на крыльях. Такие отправляли, когда хотели, чтобы письмо не потерялось и попало точно в руки адресату.

Я открыла окно, птичка вспорхнула, сделала круг над моей головой и опустилась прямо на раскрытую ладонь. Я развернула ее.

«Здравствуй, Айлин!»

Это Кай. Помнишь меня? Надеюсь, ты не забыла нашу встречу – я бы не хотел, чтобы она стерлась из памяти.

Если у тебя будет время в субботу, давай встретимся у Фонтана Вечной Скромности в Хармаре, в двенадцать дня. Будет тепло, можно погулять, поговорить.

Если не сможешь – я пойму. Но буду ждать.

Кай».

– Это кто? – тотчас любопытствовала Хильда.

– Знакомый с посвята, – как можно более небрежно сказала я.

– Парень? – подозрительно уточнила сова.

– Угу, – невнятно ответила я, убирая письмо Кая в ящик.

– Слушай, не то чтобы я тебя воспитывала... – начала было фамильяра, но я, уже предчувствуя, чем может все закончиться, торопливо встала:

– Он просто друг, и я намерена пойти погулять!

На меня несколько секунд о-о-очень пристально смотрели круглые желтые глаза, а после сова медленно кивнула.

Финик вдохновенно шебуршал под кроватью и даже, кажется, что-то напевал, потому я малодушно решила переключить внимание на него.

– Откуда он вообще свои сокровища берет?

– Гуляет много сейчас. Всякие желуди приносит, красивые камешки, тряпочки и так далее.

– Финик, ты изменил драгоценностям?! – шокированно выдохнула я, и подцепила мыском ноги край покрывала, чтобы осветить просторы подкроватья.

Оттуда немедленно высунулась шуршикова мордочка и с достоинством ответила:

– Не изменил, а расширил свои горизонты прекрасного.

– Дай-то бог... любой, меня все устроит.

– Хозяйка, не переживайте. Я просто гуляю. В основном в преподавательской части, там домики красивые и... хозяева у них ласковые, – вдруг смутилась животина.

– В смысле? – насторожилась я.

– Ну, кормят, чешут...

– Тебя тут, что ли, плохо чешут?! – не на шутку возмутилась почему-то Хильда.

– Хорошо, просто иногда хочется новизны впечатлений...

– Изменщик! – припечатала сова.

Они продолжили ругаться, а я бочком-бочком сбежала сначала в гостиную, а оттуда в комнату к Дорне. То, что фамильяра переключилась на шуршика, мне скорее на руку!

Потому что если бы она начала расспрашивать о Кае вдумчиво и конкретно, то, вынуждена признать, мне было бы совершенно нечего ей

рассказать.

А хотелось бы, чтобы это был мой личный выбор, а не дефицит информации! Потому я отправилась к северянке его восполнять.

Потому что, если я иду на эту встречу, хотелось бы понимать, к кому именно я иду. Кто он такой, что делает в Хармаре, как давно здесь находится. Элементарные вещи, которые нормальные люди выясняют при первом знакомстве, а мы как-то умудрились проговорить несколько часов и разойтись, так и не узнав ничего конкретного.

Но, к сожалению, Дорна меня не порадовала. Нечистоведа с хорошими навыками она действительно помнила и периодически видела его в академии, но так как сама она боевичка и, как у аспирантки, у нее своих дел воз и маленькая тележка, то не заостряла на парне внимания.

Ладно, может, Ревора потом порасспрашиваю... или самого Кая? Его я увижу точно быстрее, чем рассеянного любителя витражей и древних легенд.

* * *

На деле если в пятницу после получения письма я была собрана и уверена, то в субботу утром меня зачем-то накрыло волнение.

Потому что опыт свиданий у меня на самом деле очень скудный, а точнее, практически весь этот багаж состоял из рекомендаций дяди Теодора. А там у меня задача была не понравиться и узнать друг о друге побольше, а отвалить.

А тут... у нас вообще свидание? Или просто дружеская встреча? А мы друзья для таких встреч, чтобы прямо вдвоем гулять? Вроде как обычно это происходит в компаниях, если стаж, так сказать, знакомства еще небольшой!

В общем – волновалась я.

Все усугублялось тем, что мне нельзя было это показывать той же Хильде, которая зорко следила со своего насеста за тем, как я одеваюсь. Любая лишняя эмоция точно была бы использована против меня.

Так что я с самым равнодушным лицом натянула практически первое попавшееся платье, дополнила его жакетом и... незаметно сунула в сумку кружевной воротничок и атласную ленту для волос.

– Ты что-то прячешь? – не оборачиваясь, спросила сова.

– Ничего, – ответила я, застегивая сумку с видом оскорбленной невинности.

– Ага, – хмыкнула Хильда, но комментировать не стала, лишь пристально смотрела, как я вышла-выбежала из комнаты.

Воротничок нацепила уже в холле общежития, а вот ленту решила все-таки не вязать, а то действительно наряжаюсь так, словно очень хочу понравиться.

* * *

По выясненным данным, Фонтан Вечной Скромности находился через две остановки магтрамвая. Это оказалось достаточно удобно.

Интересно, почему встреча сразу в городе, а не в академии?

Хотя мне же это удобнее. Учитывая, какие слухи про меня поползли, я бы не смогла спокойно гулять с Каем и не реагировать на косые взгляды. Как минимум они бы подпортили мне настроение, к сожалению, я пока еще не нарастила достаточно прочную шкуру для того, чтобы вообще на такое не реагировать.

Сегодня было достаточно пасмурно, потому я на всякий случай взяла с собой зонт, хотя погодники ливня и не обещали.

Да-да, стихийный факультет еженедельно вывешивал в главном холле прогноз погоды, но он сбывался с вероятностью пятьдесят процентов. Дождь либо будет, либо нет!

Но мне все равно нравились и все оттенки серого в небесах, возможно потому, что деревья продолжали окрашиваться в разнообразные оттенки. Как раз пару дней назад в желто-оранжевом покрове начали появляться первые багряные листья, и теперь они расшивали кроны деревьев, как нити седины волосы молодящейся красотки. Вроде по-прежнему хороша, но серебро увядания уже появилось.

В данном случае багрянец, конечно.

Ничто не стареет с таким буйством и размахом, как мать Природа.

Потому я запрыгнула в как раз приехавший трамвайчик и, не став садиться, прислонилась к перилам недалеко от входа, наблюдая, как за прозрачными дверьми проплывают улицы Хармара.

Вот и Площадь Справедливости, на которой фонтан...

Деловые снующие люди, торговцы в аккуратных костюмах и прогуливающиеся дамы, которые аккуратно держали над головой кружевные зонтики, охраняя белоснежную кожу от уже отсутствующего солнца.

Но я смотрела не на них, а на большую статую в центре фонтана и сидевшего на ее бортике парня. Он что-то писал в небольшом блокноте, периодически сводя брови к переносице.

Я подходила тихо, почти подкрадывалась и жадно разглядывала своего недавнего знакомого.

Почему-то было очень важным успеть посмотреть на него до того, как он меня увидит, почти что заново познакомиться. Во многом потому, что ночью, в пляшущем свете костра, – это одно, а вот при свете дня – совершенно иное.

Но, увы, что в ночь посвята, что сейчас он был возмутительно интересен. Светлые волосы, немного смуглая, тронутая загаром кожа, совершенно обычная одежда, которая, впрочем, лишь подчеркивала атлетичное телосложение, и как маленький знак протеста против обыкновенности – серьга в правом ухе.

Почему увы? Красивые мужчины, как и красивые женщины, – это зло!

Но, в отличие от Кайшера Эйдана, этот парень был не идеален. Легкая ассиметрия черт, длинноватый нос (по-настоящему, а не то, что я предъявила декану, лишь бы хоть что-то предъявить) – в общем, все то, что делает человека не совершенной картинкой, а настоящим, живым.

Тем, что очень мне нравилось, к сожалению. Я не склонна к самообману и прекрасно понимала, почему сердце бьется так громко, а в горле пересыхает и хочется облизнуть губы.

Может, и зря ты пришла, Айлин...

Именно в этот момент он вдруг поднял взгляд и, увидев меня, протянул:

– Все же пришла.

– Добрый день, – поздоровалась я, приближаясь и присаживаясь рядом на бортик. – Ты сомневался?

– Конечно, – совершенно спокойно признал Кай, закрывая блокнот и убирая его в поясную сумку, которую небрежно сдвинул набок. – Но надеялся на лучшее. Добрый день, Айлин...

И замолчал, глядя на меня таким же долгим, изучающим взглядом, что и я пару минут назад.

И если честно, то с каждым мгновением нарастала неловкость. Потому что сейчас я не знала, о чем с ним разговаривать, а просто пялиться в его, как оказалось, темно-зеленые глаза до бесконечности было нельзя.

Паузу нарушил именно Кай:

– Хоть наблюдать за тем, как ты краснеешь, невероятно приятное занятие, но все же предлагаю пойти погулять.

Стоит ли говорить, что после этого я покраснела еще больше?!

– Кстати, ты голодна? Тут есть превосходная кофейня, и мы можем начать нашу встречу с приятного – с десерта.

– Интересно, что встречу с собой ты к приятному не приравниваешь, – подколола в ответ я.

– Просто предлагаю делать выводы уже постфактум, – совершенно невозмутимо ответил парень. – Ну и элементарно, я все же не золотая монетка, чтобы всем по умолчанию нравиться, а вот клубничный торт в этом плане занимает позиции чуть выше, как мне кажется!

– Или шоколадный, – протянула я, пытаюсь понять, хочу сейчас есть или нет. – В целом я не голодная, завтрак в академии был не так давно.

Мы неторопливым шагом углубились в одну из улочек, лучами расходившихся от площади. Мостовая здесь была вымощена старым, потертым булыжником, по которому мои каблуки выстукивали бодрый ритм.

– Слышу в твоём голосе задумчивость, а стало быть, рискну предположить, что для вкусняшек место все же осталось. Пойдем, Айлин, сначала я сделаю тебе хорошо так, а после расширим программу альтернативными методами. – Он несколько секунд смотрел на меня совершенно серьезно и даже строго, а после все же не удержался и рассмеялся. – Все же краснеешь ты феноменально легко!

– А ты попробуй не говорить мне феноменальные двусмысленности – возможно, вернется нормальный цвет лица.

– Это же скучно, Айлин, – покачал головой аспирант, открывая передо мной дверь кофейни. – Кстати, добро пожаловать в лучшую, на мой взгляд, кофейню Хармара. Зерна сюда доставляют напрямую из южных портов, прямо с кофейных плантаций. И вообще, судя по всему,

владелица искренне любит свое дело. Она сама готовит все десерты, и ручки у нее поистине волшебные!

Кофейня оказалась маленькой, уютной, с запахом корицы и свежей выпечки – из тех мест, где столики стоят так близко друг к другу, что слышен чужой разговор, но почему-то это не мешает, а, наоборот, создает ощущение, что весь мир стал ближе. На стенах висели старые фотографии, а на подоконниках стояли крошечные горшочки с живой мятой.

Мы прошли за один из дальних столиков и сделали заказ у шустрой официантки в форменном платье и белом накрахмаленном переднике. Взяли по куску торта – шоколадного, потому что клубничного не было, – и кофе, который принесли практически сразу.

– А ты всегда такой? – спросила я, отпивая маленький глоток. Кофе оказался крепким, с шоколадным послевкусием и даже пикантной ноткой каких-то специй. Необычно, но вкусно!

– Вообще нет, – покачал он головой. – Просто хочу как-то обозначить свой интерес и, возможно, делаю это слишком грубо.

– Нечистоведы в Хармаре все такие обезоруживающе прямые? – вздохнула я, проводя пальцем по краю чашки.

– Возможно... а кто еще тебя смутил?

– Не то чтобы смутил, но ваш, то есть наш декан – тоже весьма откровенен.

– Возвращаясь к теме прямоты... – Кай тоже пригубил принесенный кофе. – Разве это плохо? Мне, наоборот, казалось, что жизнь станет проще, если каждый даст понять, в чем на самом деле заинтересован. И там уже либо да, либо нет.

– А что, если собеседник не готов к таким темпам... сближения, например?

– Ты не согласишься, Айлин, но про это тоже можно сказать.

Десерт как раз принесли, и порция оказалась такая, что пришлось в итоге заказывать еще и чай, потому что осилить это с кофейной чашкой не представлялось возможным!

Ну а дальше слово за слово, мы болтали обо всем и ни о чем, и я с удивлением поймала себя на том, что совсем не чувствую той неловкости, что владела мною в начале встречи.

Но все хорошее рано или поздно подходит к концу, даже если это шоколадный торт.

– Куда сейчас? – спросила я, отодвигая пустую тарелку.

– В мое любимое место Хармара. Сколько раз бываю – не надоедает! Хотя благородной даме вроде тебя, может, и не понравится, конечно. Но в таком случае в следующий раз мы можем сходить на выставку или, например, в театр... тут иногда дают весьма милые постановки. Ради такого я даже надену костюм. Хочешь увидеть меня в костюме?

– Не исключено. – Я спрятала улыбку, поднимаясь со стула и принимая руку любезного Кая. – Так куда мы?

– Увидишь, – улыбнулся он, и напомнил: – Нужно же сохранять динамику нашей встречи? Чтобы тебе было непонятно, но очень интересно.

– Не перестарайся, – вполне серьезно посоветовала я в ответ.

Местом, куда меня привел Кай, оказался старый рынок в двух кварталах от фонтана – длинная крытая галерея с низкими сводами, вдоль которой тянулись прилавки. Здесь пахло всем сразу – пряностями, воском, дымным и сладким, старой кожей и еще чем-то неуловимым, но приятным.

Чего тут только не было!

Артефакты сомнительного происхождения соседствовали с засушенными цветами, рядом лежали карты неизвестных земель и клубки свечащейся в темноте нити, а один прилавок был полностью завален маленькими стеклянными шарами, внутри которых что-то шевелилось.

– Что это? – Я остановилась.

– Понятия не имею, – сказал Кай. – Поэтому и интересно.

Торговец, маленький и верткий, с хитрыми глазками, тут же оживился.

– Снежные шары! Встряхнешь – и там будет буря. Маленькая, но настоящая. Говорят, если загадать желание, пока буря не утихла, оно сбудется.

– Говорят, – с иронией повторила я.

Кай взял один шар и встряхнул его. Внутри закружилось что-то серебристое – действительно похожее на маленькую метель. Он молча протянул его мне.

Я тоже потрясла шар, наблюдая за тем, как белая взвесь закружилась и начала оседать.

– Загадала? – спросил Кай.

– Не успела.

– Значит, надо еще раз. – Он уже доставал монеты.

– Ты собираешься купить мне стеклянный шар с метелью внутри? – недоверчиво уточнила я.

– Уже купил! Теперь загадывай.

Я секунду смотрела на него, а после перевела взгляд на шар.

Ерунда это все, конечно, но говорят, что если озвучивать свои желания, то они проще сбудутся.

И я хочу... я хочу счастья без последствий – вот! Чтобы мне было хорошо и потом за это ничего не было, потому что, как показывает практика, основная проблема взрослой жизни как раз в этом.

Я кивнула, убрала подарок в сумку, и мы двинулись дальше.

Дальше по галерее было не лучше – в смысле соблазнов. Я едва удержалась, чтобы не схватить маленькую сову из темного стекла, Кай задумчиво изучал артефактный компас, который показывал не стороны света, а «туда, где интереснее»... В итоге мы оба купили по пакетику каких-то орехов в пряной глазури и пошли дальше, хрустя ими.

И нет, я не лопну!

– Ты давно в Хармаре? – спросила я, закидывая в рот орешек.

– Достаточно давно, – уклончиво ответил Кай.

– Это не ответ.

– Это честный ответ. – Он покосился на меня. – Просто точную цифру назвать сложно. Кажется, что давно, а потом смотришь и понимаешь, что не очень.

– Философски.

– Я стараюсь быть для тебя загадочным. – Мне подарили самую коварную усмешку.

Мы гуляли по городу. Кай водил меня по узким улочкам, показывал старые дома с резными ставнями, рассказывал истории, которые вряд ли были правдивы, но от этого они становились только интереснее.

В конце концов мы вышли на набережную, и я поежилась от налетевшего ветра и застегнула жакет. Река оказалась темной и спокойной, над ней низко нависло осеннее небо, и где-то вдалеке играли музыканты. Через реку был перекинут старый каменный мост с фонарями и табличкой на перилах.

Я подошла ближе и прочитала вслух:

– «Влюбленные, разделившие поцелуй на этом мосту, никогда не расстанутся». – Я выпрямилась. – Надо же.

– Надо же, – согласился Кай, и в его голосе не было ни капли иронии. – Хочешь проверить?

Ого! Вот это заход с козырей!

Я покосилась на него.

Он смотрел на меня со спокойным выражением лица, которое было трудно понять: то ли он ничего не имел в виду, то ли имел в виду именно то, что кажется.

– Это просто городская легенда, – сказала я.

– Возможно.

– Таких мостов в каждом городе по три штуки.

– Не исключено. И что, предлагаешь совсем не проявлять любопытства?

– Я предлагаю скептически относиться к городским легендам, – твердо сказала я.

– Значит, нет?

Я посмотрела на него. На реку. Снова на него.

Музыканты все играли свою медленную мелодию, фонари отражались в воде длинными золотыми полосами, а ветер трепал мои волосы.

Все было настолько невыносимо романтично, что хотелось поддаться моменту.

– Это было бы крайне легкомысленно, – сказала я.

– Крайне, – согласился он.

И сделал шаг ближе.

Я не отступила – не знаю почему, просто не отступила. Стояла и смотрела, как он медленно наклоняется, давая мне время сказать «нет», но почему-то я не говорила.

Поцелуй был легким. Теплым. Коротким – он не давил и не торопил, а лишь легко-легко прикоснулся к моим губам. Невинное поцелуя сложно себе представить... И он был совсем не таким, как... как что?

Я не успела додумать.

Кай отстранился, так же медленно, как наклонился, и некоторое время молча смотрел на меня.

– Что ж, – сказал он наконец, – если легенда срабатывает, то, по крайней мере, в Хармаре мы уже не расстанемся.

– Логично, – согласилась я, чувствуя, как предательски горят щеки.

Он улыбнулся – по-настоящему – и протянул руку.

Я секунду раздумывала. Потом вложила свои пальцы в эту большую теплую ладонь.

И мы пошли дальше по набережной, а музыканты все играли свою медленную музыку, фонари отражались в темной воде, и было так хорошо, что я старалась не думать о том, что это когда-нибудь закончится.

Уже в маленькой таверне на набережной, в которой было тепло и пахло мясом и пряным вином, он вдруг спросил, пристально глядя на меня:

– После того вечера на посвящении ты думала обо мне?

Я замялась и потерла запястье, раздумывая, как и что сейчас сказать. Честный ответ был бы таким: «Конечно, да!» Но вот умный и дипломатичный звучал бы совсем иначе.

– А ты думал? – ответила я вопросом на вопрос.

– Я – да, – просто сказал он. – Именно поэтому и написал.

Я подняла взгляд. Его темно-зеленые глаза были невозмутимы. И в этом спокойствии мне померешилось что-то такое, от чего внутри все перевернулось. И спуталось. Мысли не хотели складываться в стройные предложения, а сердце билось так, что, казалось, его слышно в соседней комнате.

Что он за человек? Почему так легко говорит о том, о чем другие молчат? И почему меня это не пугает, а... нравится?

– Ты странный, – сказала я наконец.

– Знаю. – Он усмехнулся, но глаза оставались серьезными.

– Обычно люди... ну, они говорят о погоде, о книгах, о чем угодно.

А ты сразу...

– О главном? – закончил он за меня.

– О том, о чем не говорят при первой встрече, – поправила я.

– А у нас не первая, – возразил он. – И потом, я не люблю откладывать.

– Что – откладывать?

– Все, – сказал он. – Жизнь короткая, даже у тех, кто живет долго.

А я... я хочу быть с тобой честным. Хотя бы в моменте.

Очень важное и интересное уточнение, на самом деле.

Но сейчас я предпочитала об этом не думать...

За окном таверны темнело, но было так тепло и спокойно, что уходить совсем не хотелось.

Но время шло, и пора было возвращаться. Кай проводил меня до самых ворот академии, но на территорию почему-то не пошел.

– Дальше сама? – спросил он.

– Дальше сама, – кивнула я.

– Тогда до встречи.

Он взял мою руку и поцеловал – легко, почти невесомо, в тыльную сторону ладони.

– До встречи, Кай, – ответила я.

Он улыбнулся, развернулся и ушел в темноту.

А я осталась стоять, чувствуя, как на губах все еще горит поцелуй, хотя случился он уже давно. И в груди разливалось что-то теплое и тревожное одновременно.

Глава 20

Утро обычно действует отрезвляюще и развенчивает волшебство всех вечерних или ночных событий. Это не стало исключением.

Я лежала на кровати, уставившись в потолок, и чувствовала, как мысли неторопливо текут, но ни одна не задерживается надолго. Я хватала их, как рыбин из воды, бегло осматривала и отпускала дальше по течению. Финик уже проснулся и возился в своих сокровищах, а вот Хильда даже не делала вид, что дремлет, а просто беззастенчиво паялилась!

– Ты чего такая задумчивая? – не выдержала наконец сова.

– Ничего, – ответила я, отворачиваясь к стене.

– Ага, – хмыкнула в ответ фамильяра. – У тебя лицо такое, будто ты всю ночь не спала, а решала судьбы мира.

– Может, и решала, – буркнула я.

– И к чему пришла?

– К тому, что жизнь слишком короткая, чтобы переживать из-за ерунды.

Хильда издала звук, похожий на смешок, и снова замолчала.

Обычно после всех романтических мероприятий в головах у девочек возникает очень много вопросов.

А я ему правда нравлюсь? А что все это значит? А что потом будет? Пригласит ли на следующее свидание? А серьезные ли у него намерения?

В общем много-много всего, по сути – ерундового.

Но я еще когда возвращалась в общагу, для себя решила, что это было просто мое маленькое приключение. Очень симпатичный парень, очень хорошо подвешен язык в плане болтовни, так что я просто отлично провела время и не обязана представлять, как мы с ним станем нянчить внуков.

Просто расслабилась! Мне, в конце концов, уже двадцать три года, когда, если не сейчас?!

Объективно все мои приключения должны были пережить свой расцвет еще в Торнвудском университете, но вот не сложилось.

В этот момент раздался тихий стук в стекло, и я повернула голову, наблюдая за тем, как Хильда перелетает на подоконник и приоткрывает

створку, пуская в комнату волшебного бумажного посланника. Поймав искрящуюся серебром «птичку», я развернула ее.

«Доброе утро, красивая девушка!

Надеюсь, что ты хорошо спала. Как насчет того, чтобы все же обменяться адресами почтовых шкатулок?

Пожалуй, как джентльмен, начну первым.

Буду ждать от тебя письма».

И чуть ниже аккуратной вязью были выведены символы адреса шкатулки.

Я провела по ним пальцем и прикусила нижнюю губу.

Первым порывом было сразу же написать Каю, рассказать, как у меня дела... в общем, сделать первый шаг в бездну совершенно незнакомых мне отношений. Сердце билось как сумасшедшее, хотелось глупо улыбаться и, возможно, даже пискнуть от девичьего восторга!

Позволить себе что-то настолько обычное, настолько настоящее... но вот только, а есть ли у меня право на это? Я уже давным-давно решила, что, к сожалению, ничего более близкого, чем дружба, в моей жизни случиться не может.

Потому что моя физиология до сих пор преподносит неприятные сюрпризы, которые я не в силах контролировать. У меня могут отрасти ногти, могут, как недавно выяснилось, поменять цвет глаза, хотя я и закапывала капли. Да один Единый знает, что еще может произойти!

Собственно, именно поэтому я настолько легко позволила себе вчера поцелуй. Если бы я могла предположить, что с этим чудесным мужчиной я на самом деле буду встречаться, то о таком быстром физическом сближении, разумеется, не могло бы идти и речи.

А так... я просто слаба. Мне захотелось тепла и романтики, и рядом был тот, кто смог все это дать. А о том, кто он и зачем это делает, – я думать вообще не хотела!

Хотя бы потому, что если начинать задаваться вопросами, то вся история мальчика Кая шита белыми нитками. Тут ли он учится? Точно ли аспирант? Особенно подозрительно то, что он, так мастерски развязывая язык мне, сам про себя практически ничего не рассказывал.

И варианты на тему того, кто он на самом деле, у подозрительной меня тоже присутствовали! Я же не тупая, в конце концов, что бы ни трепала Лира.

Но так уж сложилось, что на данном этапе у меня вполне сознательная страусиная позиция жизни. И пока мне выгодно не думать и не замечать – я буду этим заниматься.

В общем, отвечать мальчику Каю я точно не стану.

Приняв это решение, я соскребла себя с кровати и, собравшись, отправилась завтракать, а после побежала помогать Ревору.

В виварии он порадовал меня тем, что не далее как сегодня утром пришло письмо от декана со списками допусков к разным разделам. И мой допуск оказался прям очень высок! Я могла работать с самыми опасными секциями, включая контакт с нечистью второго класса без прямого надзора.

Стало приятно. Судя по всему, профессор Эйдан теперь достаточно высоко оценивал мои щитовые навыки, и не исключено, что поэтому занятия и прекратились. Хорошо, да?..

Хорошо.

В общем и целом день прошел неплохо. Мне от души подняла настроение стычка с какой-то компанией. В нее входили красивые девицы, в том числе и та, что пихнула меня в библиотеке, а также незнакомые парни, судя по форме, с боевого факультета.

Но это даже стычкой было не назвать, потому что мимо удачно проходил Кристиан, который со свойственной ему простотой сказал, что за слова-то надо отвечать, мальчики. А потому вы можете пройти со мной прямо сейчас на полигон.

А вот девочек он бить не может, но понимает, что тем за слова тоже очень, ну просто очень хочется ответить! А потому можно легко и просто позвать ту же Дорну, и она поможет это сделать...

Почему-то никто никуда не захотел идти, что с самим Крисом, что звать прекрасную северянку.

Мы с бывшим товарищем по университету вместе отправились на обед, а потом и в библиотеку, поскольку в его аспирантской жизни началось страшное – стратегия и тактика. А точнее, воз и маленькая тележка информации о них. Кристиан же, как оказалось, действительно очень паршиво воспринимал текст. Зато как выяснилось – отлично читал карты и схемы!

В итоге я, наверное, час посвятила тому, чтобы найти для Криса наиболее технические и схематичные книги. Но в итоге мы преуспели!

С моим обучением по-прежнему возникали проблемы, так как нужные мне тома вернули... но тотчас взяли на руки другие люди. И,

судя по всему, леди Таринис, нашей книжной госпоже и повелительнице, эта ситуация тоже не очень нравилась, потому что она прямо спросила у меня, какие именно книги приоритетны, и оформила на них резерв на мое имя. Стало быть, как только закончится разрешенный период удержания на руках, их не смогут забрать заново. А стало быть, они наконец-то попадут в мои руки!

А пока я довольствовалась тем, что есть в фондах очного доступа. И надо сказать, что жаловаться было совершенно не на что, так как коллекция в Хармарской академии была мало того что богатая, так еще и любовно ежегодно пополняемая. Вот как раз недавно пришли экземпляры из научной периодики за прошлый год, и сейчас я листала их, знакомясь со статьями, которые перекликались с моими темами.

Скоро мне тоже придется посылать в журналы свою работу. А пока грызем гранит науки в читальном зале...

Хватило меня еще часа на два, но заставлять себя и дальше я не видела смысла. В конце концов, только начало учебного года и ускориться я еще успею!

А потому собралась, попрощалась с леди Таринис, помахала Крису и сбежала по ступенькам крыльца.

После душного помещения парк дышал прохладой, и возвращаться под крышу, пусть и домашнюю, отчаянно не хотелось, а потому я просто пошла бродить куда глаза глядят.

Спустя несколько минут сошла с гранитной дорожки на гравийную и двинулась меж деревьев – туда, где за аккуратными аллеями начиналась более дикая часть парка. Слева стояла башня нечистеведения, и чуть дальше за ней – комплекс вивариев и полигоны.

Но я забрала вправо, кажется, там дальше должно быть озеро... Поплутаю немного в свое удовольствие и выйду к воде.

Состояние у меня было самое медитативное...

Немного помешало ему то, что над головой что-то прошуршало. Я подняла взгляд и увидела, как из-за ветки вынырнула уже знакомая бумажная птичка. Она покружила надо мной, будто дразнясь, а потом опустилась прямо на раскрытую ладонь.

Разворачивала я ее с тяжелым сердцем.

«К тебе на удивление тяжело подобраться, Айлин Тарри.

Ты уверена, что даже начинать не хочешь?

Нам ведь обоим понравилось».

– Какой ты настойчивый, – проворчала я, убирая бумажку в карманчик сумки. – Да, понравилось! Но у меня есть мозги! К сожалению...

Я пошла дальше. Сумерки начали опускаться, ноги уже заныли от долгой ходьбы, а лавочек, как назло, не было видно. И потому, заметив в отдалении просторную беседку, я возрадовалась и ускорила шаг, направляясь туда.

Беседка оказалась старой, деревянной, с резными перилами и покатой крышей, покрытой мхом. Где-то внизу тихо журчал ручей, и воздух здесь был особенно свежим, пахло влажной листвой и землей.

Старые доски отозвались скрипом под моими шагами. Я высунулась, осматриваясь, и поняла, что по ту сторону беседки действительно протекает маленький ручей – прозрачный, быстрый, с каменистым дном.

Лишь развернувшись и с размаху плюхнувшись на скамью, я поняла, что не одна.

И если бы кто-либо когда-нибудь попросил меня рассказать, как выглядит воплощенный соблазн, то я бы описала Кайшера Эйдана. Он сидел на лавочке напротив, достаточно близко к входу – ума не приложу, как я могла его не заметить!

Расслабленная поза, вытянутые длинные ноги, одна рука лежала на бедре, а вот вторая крутила бокал с вином. Рядом стояла бутылка, лежало уже надкусанное яблоко и раскрытая книга.

А еще он был в очках!

И выглядел он в них, как говорила одна моя знакомая, – трусослетательно! А мне за свои как бы надо держаться...

– Добрый вечер, Айлин. – Мне отсалютовали бокалом.

– Здравствуйте, профессор Эйдан, – несколько нервно откликнулась я и торопливо подорвалась со скамьи. – Прошу прощения, что помешала вашему уединению.

Я успела сделать всего несколько шагов и замерла, потрясенно наблюдая, как вокруг строения кружевом возникает щит. И сдается мне, что щит непроницаемый изнутри!

Мельком посмотрела на декана, который в свою очередь выжидающе пялился на меня и, судя по всему, ожидал каких-то интересностей. И как же мне достойно развлечь джентльмена, а? С разбегу впечататься в щит? Лбом или боком тоже можно?

В задумчивости покачавшись на каблуках, я развернулась, сделала два шага назад, присела на скамью, тщательно расправила юбку и только после этого спокойно произнесла:

– Слушаю.

– Что именно? – Он не сдвинулся с места, лишь изогнул темно-серебристую бровь.

– Вы явно настроены на общение.

А дальше произошло то, что я с радостью внесла в список достижений своей силы воли! Я стойко выдерживала взгляд Кайшера Эйдана целых сорок секунд!

И может показаться, что этого мало! Но если с тобой в гляделки играет самый красивый мужчина в твоей жизни, перед которым невозможно не растечься лужицей, – это уже о-го-го!

– Вина? – вдруг самым светским тоном предложил декан. А потом снял очки и положил их рядом со стоящей на скамье бутылкой.

Мне немножечко полегчало, но не очень сильно.

– Спасибо, откажусь.

– Смотрю, моя прекрасная леди настроена исключительно на деловой лад.

– Так уж вышло...

– Ладно, Айлин, раз ты настаиваешь, я перейду к сути. – Он неопределенно повел рукой, и в бледном вечернем свете сверкнуло змеиное кольцо-печатка. – Помнишь, с чего началось наше знакомство?

– С того, что вы не хотели жениться, – нервно напомнила я.

– Так вот, я передумал. – Кайшер поднял бокал и сделал неторопливый глоток, глядя на меня поверх края. – И в целом меня совершенно не смущает ни количество твоих косметических изменений, ни даже сто золотых, вложенных в грудь.

Пауза.

– Надеюсь, ты смиришься с моим носом, благо кроме него у меня есть масса других достоинств. И вообще, хорошо, когда все недостатки мужчины сводятся к такой мелочи.

При первой встрече я думала, что там сплошные достоинства! А в итоге он оказался странным, подозрительным типом, который мне почему-то очень нравится!

– То есть вы решили жениться? – решила уточнить я.

– Верно.

– На мне?

– Да. – Он чуть подался вперед, упираясь локтями в колени. – Надо признать, с момента нашего знакомства я очень много и часто думаю о тебе. И хотел бы иметь возможность воплощать свои мечты не только... – он неопределенно повел рукой, – так сказать, в теории.

Я покраснела, поняв, что он имеет в виду, но все равно старалась держать себя в руках.

– И?

– Странный вопрос, я ведь уже все озвучил. Ты должна согласиться.

– Почему?!

– Потому что я согласен, – сказал он с такой спокойной уверенностью, будто это и правда исчерпывающий аргумент. – Мне это совсем не свойственно.

Блестящая логика. А мне можно такую? Даже не навсегда, просто на пару недель!

Ла-а-адно.

Я драматично прижала руку к груди и с трагическим вздохом сообщила:

– К сожалению, вынуждена отказать. Хотя мне очень, ну просто очень приятно! Но брак с вами нарушит все мои принципы.

Судя по усмешке на губах декана, он прекрасно понимал, что я снова пытаюсь выкрутиться, но послушно «повелся» и задал вопрос:

– Какие именно?

– Я решила, что выйду замуж только за невинного мужчину.

Я получила ни с чем не сравнимое удовольствие, наблюдая за неподдельным изумлением на лице Кайшера Эйдана. К такому он явно не был готов, потому что на секунду рука с бокалом замерла в воздухе, а изгиб бровей стал еще круче.

– Что?..

– За девственника, – невозмутимо пояснила я.

– Что?!

– Приличного юношу до свадьбы должен ласкать только ветер. А на вас, извините, как говорят в ювелирном деле, – пробы ставить негде.

– С чего ты так решила?

– Красивый же, – пожала я плечами с самым невинным видом.

– Никогда бы не подумал, что меня подвергнут сексизму именно в такой ситуации, – произнес он с такой интонацией, что было

совершенно непонятно, обижается он или нет.

– Рада, что открываю для вас новые горизонты.

На меня посмотрели очень мрачно. Потом мрачность немного рассеялась, и взгляд стал другим – серьезным, внимательным.

– Ладно, я понял. Ты не хочешь выходить замуж.

– Не хочу.

– В принципе или конкретно за меня?

– А это сейчас важно?

– Очень, – сказал он, и в его голосе не было ни капли иронии.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня – спокойно, без улыбки, ждал.

– В принципе, – сказала я наконец.

– Я тебе нравлюсь?

Мне совсем не нравилось, куда зашла наша беседа.

– Вынуждена напомнить, что я – ваша аспирантка. И я приехала сюда учиться. А не для того, чтобы давать повод для слухов – а они уже ходят, и вы наверняка об этом знаете. Говорят, что я вешаюсь на профессоров. Что место в аспирантуре я купила. Что в Торнвуде я работала не головой. – Мой голос звучал ровно, и я этим гордилась. – При всем моем уважении – нет.

Он слушал, не перебивая. Когда я замолчала, он тоже немного помолчал. Потом медленно поднялся, пересек беседку и склонился надо мной, опираясь одной рукой о бортик.

– Всех дураков не переубедишь, Айлин, – сказал Кайшер. – Да и не обязательно это делать. Можно просто воспользоваться тем, что есть.

– О чем вы?

Я цеплялась за этот последний официоз, как утопающий за спасательный круг. Он поднял руку и медленно, давая мне время отстраниться, коснулся моего запястья. Провел кончиками пальцев по нежной коже, оставляя за собой россыпь мурашек и дрожь, что рождалась в глубине тела.

– У мужчины моего положения есть возможности, Айлин. Во всех смыслах. Я понимаю, что предложение, возможно, прозвучало неожиданно... поэтому предлагаю встретиться через несколько дней и все обсудить.

– Что? – устало спросила я.

– То, как нам жить дальше, – усмехнулся он. – Учитывая, что ты меня не берешь, а я тебя не отпускаю.

– Господин декан... – Я осеклась и развела руками, не в силах придумать новые аргументы.

– На сегодня все. – Он отстранился, сделал пару шагов назад и щелкнул пальцами, заставляя щит побледнеть и пропасть. – Извини, что пришлось задержать тебя для разговора таким образом. Обычно я так не поступаю, но ты... весьма неуловимая особа, когда дело касается отношений.

– Может, стоило понять намеки? – мрачно спросила я.

– Я же мужчина, у меня с этим сложно, – тихо рассмеялся Кайшер и, вернувшись на свою скамью, откинулся на спинку. – В общем, подумай, Айлин. Я не тороплю.

Я бросила на мужчину внимательный взгляд, он на прощание отсалютовал мне бокалом, и я выскочила из беседки как ошпаренная. Хотелось уйти размеренным шагом, не оглядываясь, но сила воли подсказывала, что на нее уже не стоит рассчитывать, поэтому я удалялась торопливо, почти бегом.

Иногда я думаю, что мне очень повезло в свое время встретить Финика. Потому что в него еще в подростковом возрасте ушла какая-то моя истерическая частичка, которая может орать, метаться и паниковать.

А что по итогам разговора с деканом... я осталась верна своей страусиной позиции.

Все, о чем я позволила себе размышлять, – где же для Кайшера выгода в том, чтобы на мне жениться? Получалось, что или он снизошел до рекомендаций кого-то высокопоставленного, о чем упоминал на первой встрече, или ему нужна ширма от поклонниц в академии (но тут вопрос почему именно сейчас), или все банально – красавец-профессор вспылал ко мне невиданной страстью! Днями не спит, ночами не ест, все про Айлин Тарри думает!

Ну или еще какая-то четвертая, пока неочевидная причина.

Ни во что из этого я не собиралась погружаться!

Хотя, если так прикинуть, то, возможно, у нас могла бы выйти красивая свадьба. В каком-нибудь храме с белоснежными стенами, я обязательно была бы в своем настоящем образе, распустила бы волосы, и лишь акцентные черные пряди нарушали бы безупречную белизну моего облика.

С другой стороны, просто белое платье – это скучно, потому на него можно добавить золотистых кружев на подол и корсаж... и

Кайшера одеть в парный мне костюм! Было бы величественно и красиво!

Мама рыдала бы в платочек, дядя Тед утирал скупую слезу умиления, а над нами летала Хильда, разбрасывая лепестки роз. Тоже, конечно же, белых.

Боже, Айлин, о чем ты вообще думаешь?

Я нервно хихикнула и отвесила себе мысленную оплеуху, но сразу успокоиться это не помогло. А потому, пометавшись полчасика возле общаги, я спокойно вернулась в комнату и... обернулась совой. Несколько часов полетов окончательно вынесли из меня всякие вредные мыслишки.

Глава 21

На следующий день я уже была молодцом и даже не порозовела, встретившись взглядом с деканом за завтраком!

Вдобавок и кроме него у меня хватало проблем.

Потому что впервые за несколько недель ко мне приблизилась чем-то безмерно довольная Лира Олис и заявила:

– Тарри, тебя вызывает в кабинет леди ректор! По вопросам твоего поведения и морального облика.

Прозвучало очень громко и очень осуждающе.

– Прямо сейчас? – невозмутимо осведомилась я, запуская ложку в кашу.

– После завтрака, – чуть смутилась девица, видимо вспомнив, что леди ректор вообще-то тоже имеет свойство питаться.

– Вот и чудно, – невозмутимо кивнула я, засовывая ложку в рот. – Спасибо, что передала.

Лирку это почему-то разозлило, и она фурией удалилась на другой край аспирантского стола. Не так-то далеко тут улетишь на топливе злости, моя дорогая.

Но интересно, что от меня нужно любимой тетушке?

Я с демонстративной неторопливостью доела кашу, заказала кофе и шоколадный десерт. Не такой вкусный, конечно, как в той кофейне, куда меня водил Кай, но вполне недурно.

И хотя я не собиралась вступать в отношения ни с одним из альтер эго Кая, чисто женское кокетство на тему «так легко отказался от борьбы!» все равно имело место быть.

И вообще, может, я ошибаюсь и Кай – это просто Кай?

Кай...

Мне очень хотелось бы сказать, что я смогла просто получить удовольствие от нашей встречи, от легкого прикосновения, которое даже поцелуем толком не назовешь, и больше не думать про загадочного парня. Но, разумеется, это было не так!

И если честно, даже обидно, что, кроме той второй птички, он больше ничего мне не посылал, словно смирился... неужели можно так легко сдаваться, что за неспортивные мужчины пошли?!

И что за непоследовательные девушки, конечно...

Я почти залпом допила кофе и, поняв, что мысли ушли в бесполезную сторону, решила вернуть себя в реальность самым радикальным образом.

А именно – направиться к леди ректору на заклатие.

Каблучки выстукивали бодрый ритм по мраморным полам, пока я шла из центральной башни в административное крыло. Туда-сюда сновали работники бухгалтерии, мелькнул знакомый завхоз Квинтус с вечно съезжающей береткой, кто-то из преподавателей нес стопку бумаг.

Дверь в приемную ректора была приоткрыта, и я смело заглянула туда, но почти сразу остановилась в растерянности.

Потому что в одном из удобных на вид мягких кресел за столиком сидел Голос Многоликого. Он рассеянно проводил кончиком пальца с длинным черным когтем по краю чайной чашки, другой рукой придерживая какую-то книгу. Услышав меня, он поднял голову и внимательно взглянул знакомыми янтарными глазами... на отвратительно похожем на мое лице.

– Доброе утро, – медленно поздоровалась я. – Вы к леди-ректору?

– Я следующий, сразу после вас, – любезно улыбнувшись, ответил мне попечитель и махнул рукой. – Проходите, не стесняйтесь.

И вот после этого резко захотелось развернуться и выбежать!

Все инстинкты и предчувствия били в колокола, но, к сожалению, их нельзя было объяснить никакими логическими доводами. А потому я кивнула и, пройдя вперед, толкнула массивную створку двери.

Кабинет леди ректора оказался именно таким, каким я его себе представляла, – большим, светлым и абсолютно безликим. Высокие окна выходили в парк, на стенах висели несколько академических грамот и портреты основателей Хармара, на полках ровными рядами стояли книги, которые явно никто никогда не читал. Все было расставлено с особой тщательностью, которая говорит не об аккуратности, а о желании произвести впечатление.

За большим столом у окна сидела Морвенна Рейнвуд.

Безупречно уложенные платиновые волосы, темно-синий костюм с высоким воротником, оттенявший белизну кожи, на лацкане маленькая брошь в виде герба рода Рейнвуд. На столе ничего лишнего – только стопки бумаг, артефактные ручки в подставке и пресс-папье из темного камня.

Тетя выглядела как всегда – безупречно и немного холодно.

– Айлин, – сказала она. – Садись.

Я послушно опустилась на жесткий, неудобный стул, видимо, чтобы визитеры не задерживались.

– Мне стало известно, – начала наконец леди Морвенна ровным, деловым тоном, – что в последнее время вокруг твоего имени ходят определенные слухи. Касающиеся твоих... отношений с деканом факультета нечистеведения.

– Слухи, – ровным голосом повторила я.

– Слухи, – подтвердила она. – Некоторые бросают тень не только на тебя...

Тогда, возможно, вам, дорогая тетушка, стоит прищепить язычок своей ручной болонке?

– Я надеюсь, – продолжила тетя, – что ты понимаешь, в какое положение тебя ставит подобное поведение. И насколько это неуместно.

– Это сплетни, – сказала я. – Притом самого низкого качества.

– Дыма без огня не бывает. – Она чуть наклонила голову. – Значит, ты позволила себе что-то, что можно истолковать превратно.

– Позвольте уточнить, – сказала я. – В каком качестве вы сейчас со мной разговариваете: как леди ректор или как моя тетя?

Пауза.

Ведь ответ весьма важен, потому что с ректором спорить нельзя – можно только выслушать, кивнуть и уйти. А вот с тетей разговор другой, несмотря на всю сложность наших отношений.

Морвенна помолчала, задумчиво побарабанила пальцами по столу.

– Как тетя, – сказала она наконец. – Тем более что я хотела в разговоре с тобой поднять еще одну тему именно как тетя...

– Тогда, – спокойно сказала я, чувствуя, как внутри закипает, – позвольте ответить честно. У вас есть верные соратники, и почему-то я им не нравлюсь. То, что творилось в Торнвуде, нельзя было списать просто на мое невезение, как и считать родившиеся здесь слухи следствием моего поведения. И уж вы-то должны на все сто процентов знать, как именно я получила свой диплом, а также детали моего... морального облика.

Почему-то после упоминания морального облика тетушку аж перекосило. А она нечасто себе позволяла демонстрацию эмоций. Но почти сразу взяла себя в руки, и на лице вновь было лишь вежливое ожидание того, что я наконец-то закончу говорить.

– У тебя все? – спросила она, когда я замолчала.

– Пока да.

– Поверь мне, как женщине, что долгие годы крутится в административном аппарате магического образования, в котором семьдесят процентов мест принадлежит мужчинам. Я – первая леди ректор за двадцать лет, и достигнуть мне этого было нелегко. – На красивом лице отразилась задумчивость. – Во многом удалось лишь потому, что у меня очень хороший тыл в виде супруга и безупречная репутация.

– Я все еще не понимаю, к чему вы ведете.

– К тому, что ты, думаю, и сама понимаешь: учитывая мои отношения с Теодором – образ жизни я веду отнюдь не кристальный, – на удивление откровенно призналась леди Морвенна. – Но я тщательно контролирую свое поведение. Повторюсь – дыма без огня не бывает. Ты можешь сколько угодно развлекаться с красавчиком за закрытыми дверями, но позволить увидеть что-то двусмысленное – ни в коем случае!

– С чего вы вообще взяли, что оно было?!

– А ты подумай, Айлин. Повспоминай, не было ли у вас с Кайшером Эйданом ситуаций, которые сторонний наблюдатель мог превратно истолковать?

Я уже хотела было возмутиться и воскликнуть «Конечно же, нет!», но осеклась.

– Но... там же...

– Даже не продолжай. Суть в одном – надо или не допускать промахов, или уметь затыкать рты болтунам. Ты не умеешь ни того ни другого, по всей видимости.

Почему-то стало мучительно стыдно, словно я специально где-то провинилась или недостаточно хороша. Почти сразу пришли злость и раздражение.

– Ну уж простите, я девушка незамужняя и следы пока замечать не умею.

– Вот очень хорошая мотивация научиться, не так ли? – цинично улыбнулись мне в ответ. – Но это все лирика, моя дорогая. Перейдем к тому, что я хотела сказать на самом деле.

– Внимательно слушаю.

Она поднялась, подошла к окну и встала ко мне спиной.

– Около недели назад Теодор сказал, что собирается поставить во главе рода Рейнвуд... тебя.

– Меня?! – Я едва не подскочила. – Но я же Тарри!

– Да какая ты Тарри, – пренебрежительно усмехнулась Морвенна, поворачиваясь. – Не забывай, что я присутствовала при твоём первом обороте и прекрасно знаю, что уж кем-кем, а Тарри ты не являешься. Зато ты – дочь Элизы, которая в девичестве была Рейнвуд. Мы уже долгие годы не можем занять наследника своей крови... И Теодор настолько далеко зашел в своей одержимости твоей матерью, что не готов отдавать то, что заработал, какому-то чужому ребенку, если есть дочь милой Элизы.

Я сжала кулаки.

– Я вам не верю. У мамы нет ничего с дядей Теодором.

– У нее – возможно. Зато у него очень даже есть. – Она усмехнулась. – Я же не слепая и не дура, Айлин. Хотя для меня до сих пор загадка, как Элиза умудряется лишать мозгов половину мужчин, с которыми имеет дело. Видимо, есть в этой кроличьей незащитности что-то очень привлекательное...

Тетя снова отвернулась к окну, и из ее голоса вдруг пропала насмешка.

– Знаешь, иногда мне кажется, что вся моя жизнь – это череда компромиссов. С мужем, с обстоятельствами, с самой собой. Я очень хотела родить ребенка, – сказала она тихо. – Даже не потому, что надо продолжить род Рейнвудов. Обязательства о деторождении тяготеют ровно лет до тридцати, а потом уже тебе просто хочется малыша... чтобы кто-то тебя любил просто потому, что ты есть. Чтобы было тепло...

Я молчала. Не ожидала такого. Это точно холодная Морвенна Рейнвуд?..

– Теодор не лучший муж, но хороший партнер по жизни, – продолжила она. – Достаточно поддерживающий, если ты не суешь нос в его дела. Но у нас с ним никак не получалось зачать. И когда я уже отчаялась, то предложила усыновить детей. Я даже присмотрела близнецов в одном из приютов, где помогаю деньгами.

– И? – тихо спросила я.

– Он мне запретил. – Она повернулась, и в ее глазах впервые за всю свою жизнь я увидела не холод, а боль. – Тот самый добрый,

позитивный, всех поддерживающий Теодор. Он сказал, что во главе Рейнвудов не может встать кто-то чужой крови.

Она помолчала, потом горько усмехнулась.

– Мы продолжили пытаться сами. Я перенесла много... влияний на организм. У нас же всегда считается, что виновата женщина и лечить надо в первую очередь ее. – Словно забывшись, она поднесла ладонь к животу, но тотчас резко отдернула, словно обжегшись. – А теперь, когда он решил поставить во главе рода тебя, я поняла: он перекрывает мне кислород. Лишает последнего смысла.

– Я могу поговорить с дядей, – сказала я. – Объяснить, что...

– Как же ты наивна, Айлин, – перебила тетя, резко поворачиваясь. – Ты до сих пор считаешь Тео добрым мишкой, с которым достаточно поговорить и он поменяет свои планы? Было бы так, он не достиг бы тех высот, что имеет сейчас. Мой муж не настолько добрый, как ты привыкла считать, пока играла в любовно созданном им загончике. Даже в Хармар ты поехала именно потому, что из всех остальных заведений тебе пришли отказы в аспирантуре. Можешь догадаться, почему остальные отвергли вполне себе перспективного нечистоведа?

У меня внутри все оборвалось.

– Не может быть...

– Может.

– Но зачем?!

– Дурочка, что ли? Конечно, чтобы я за тобой присмотрела.

– Если так же, как в Торнвуде, то справлялись вы, тетушка, паршивенько!

– Какая едкая девочка. – Она смотрела на меня с легкой усмешкой. – Но вернемся к делу. Как-то так сложилось, моя дорогая, что всю мою жизнь сначала твоя мать, а после и ты последовательно отнимаете все, что мне дорого. Отца, мужчину, мужа, ребенка, а теперь еще и титул, который я должна передать ТЕБЕ. Ты в целом ни в чем не виновата, потому я и молчала эти десять лет, хотя легко могла разрушить репутацию Элизы.

– Слышать это весьма странно, – протянула я, вспоминая теткино отношение все эти годы.

– Почему? Первое время после смерти твоего отца и осознания, что Элиза ему изменила, мне было так больно и обидно, что искушение низвести сестрицу на дно было огромно... но в итоге я решила, что

выше этого. Вдобавок девочка, то есть ты, ни в чем не виновата. И Элиза наказала себя сама, что ее ребенок вынужден вечно скрываться.

Я лишь опустила взгляд, потому что здесь и сейчас ответить ей ничего не могла. Потому что леди Рейнвуд во всем права... и что самое ужасное – я разделяла ее эмоции. Боль и обиду за отца, непонимание и ненависть к матери.

Вот только, в отличие от тети, это был первый случай, когда предали мое безусловное доверие.

– Вижу, что хоть ты понимаешь... В общем, Айлин, после этого я решила жить своей жизнью. У меня даже получалось закрывать глаза на увлеченность мужа другой, и тем ироничнее, что его чувства были самыми платоническими. Благо супруг помогал моей слепоте тем, что способствовал достижению нужных должностей и финансировал все проекты.

Повисло тяжелое, гнетущее молчание. Чтобы хоть чем-то его нарушить, я тихо сказала:

– Мне очень жаль.

– Не лги.

– Я, по-вашему, бесчувственная и не умею сопереживать, что ли?

– Дело не в этом. – Она качнула головой. – Не лги и не перебивай – пожалуй, так точнее. В общем – это длинная подводка. Даже, скорее, объяснение моему поступку. Видимо, я достаточно состарилась и размякла душой, что считаю необходимым обосновывать свои решения. Тем более что почти уверена – тебе они не понравятся.

Происходящее действительно нравилось мне все меньше и меньше. Хотя бы потому, что я никак не могла представить ситуацию, в которой решение Морвенны Рейнвуд отразится на мне. Она же не мать, в конце концов!

– Итак, рушить репутацию Элизы я не стала, – продолжила она ровно. – Хотя у меня были все инструменты. Например, твое изображение после первого оборота – ты там очень отличаешься от того образа, который демонстрируешь обществу.

Тетя подошла ко мне. Ее платье тихо зашелестело, и в воздухе снова разлился холодный, терпкий аромат ее духов. Прохладные пальцы скользнули по моим волосам, и от этого прикосновения по спине пробежали мурашки.

– Не трогайте меня! – Я отшатнулась.

– Злая птичка, – усмехнулась тетя, но послушно отступила. – В общем, муж перекрывает мне кислород и лишает смысла жизни. А потому я сделаю то же самое для него и милой Элизы.

– Что вы задумали?

– Ничего преступного. – Она прошла к двери и взялась за ручку. – Я лишь хочу познакомить тебя с твоим настоящим отцом. Ты ведь уже и сама догадалась, не так ли?

– Но зачем?! – Я вскочила с места.

– Потому что Голос Многоликого заберет свою наследницу на территорию совиного клана – и я наконец-то смогу усыновить ребенка. А ты действительно наследница – потому что твоя печать на ауре уже активирована.

– Это-то вы как узнали?!

– Я отвезла ему слепок. И то изображение после оборота. Ты очень, просто очень на него похожа.

Вопросов у меня было море – где она его встретила, когда поняла... Хотя последнее понятно – лицо, волосы, глаза. Зеркало, в которое я никогда не хотела смотреться.

Тетя потянула дверь на себя.

По ту сторону порога стоял Голос Многоликого. Все с той же любезной улыбкой. В янтарных глазах горело напряженное предвкушение и даже жадность.

– Айлин, – произнесла Морвенна, – позволь представить, это Чар Арран. Твой отец.

– Нет, – твердо сказала я. – Не знаю, какие у вас иллюзии, но мой отец – виконт Тарри. Никаких других я не знаю и знать не хочу.

– К сожалению – придется, – почти скучающе ответила тетя.

Чар Арран – Голос Многоликого – сделал шаг вперед, и я невольно отступила.

– Айлин, – сказал он, и его голос оказался низким, почти мурлыкающим. – Я так долго тебя искал. Ты даже не представляешь, как я счастлив.

– Счастлив? – переспросила я, чувствуя, как внутри все сжимается.

– Конечно. – Он шагнул еще ближе. – Многоликий не дал мне детей. Я уже смирился, что мой род прервется. И вдруг – ты. Моя дочь. Живая и настоящая дочь!

Опять род!

– Не хочу вас смущать, но на мое размножение уже как минимум два рода претендуют, – с насмешкой произнесла я, чувствуя, как внутри закипает злость. – Рейнвуды и Тарри. Так что ваша очередь не наступит, даже если я признаю вас отцом. А сейчас я этого делать не планирую – потому что данное решение скорее повредит моей семье.

Чар Арран посмотрел на меня с легким удивлением, потом усмехнулся. В его глазах не было обиды – только терпеливое, почти отеческое снисхождение.

– Семье? – переспросил он. – Айлин, человеческие условности – это всего лишь условности. В нашем мире они не имеют значения. Ты никогда не столкнешься с их последствиями.

– Зато столкнется моя мать, – сказала я, глядя на тетю. – Не так ли, леди ректор? Одной стрелой – и столько зайцев. Браво!

Морвенна не ответила. Только улыбнулась – той самой холодной улыбкой, от которой у меня внутри все переворачивалось. Она медленно прошла к своему столу, села, сложила руки на столешнице, и замерла как статуя.

– Айлин, – снова заговорил Чар, и в его голосе появились нотки терпеливого учителя, объясняющего ребенку прописные истины. – Ты не понимаешь. Полукровки обычно – низший слой нашего клана, если живут среди нас. Их презирают, им не доверяют, их используют. Но с тобой все будет иначе! Ты – моя дочь. Моя наследница. Мы даже сможем найти тебе хорошего мужа.

Он реально думает, что я вот до своих лет дожила, днями и ночами мечтая о том, как удачно выскочить замуж?

– Хорошего мужа? – переспросила я, скрещивая руки на груди.

– Ну да, – ответил он так буднично, будто обсуждал погоду. – Конечно, он должен быть фертильным, это очень важно. Прости, красивого не обещаю. Но, возможно, ты и не заметишь – для людей обычно любой оборотень достаточно привлекателен.

Чар улыбнулся – широко, почти по-дружески, и от этой улыбки мне стало не по себе.

– Ты даже не представляешь, какие перспективы открываются перед тобой, – продолжил он, обводя рукой пространство, будто за стенами кабинета простирались не коридоры академии, а целые миры. – Ты будешь жить в безопасности. Никто не узнает о твоём происхождении, если ты не захочешь. Мы дадим тебе новое имя, новую

жизнь. Ты сможешь учиться у лучших наставников совиного клана. Познавать древнюю магию, которую люди даже не представляют.

– У меня уже есть диплом университета, – сказала я. – Я аспирантка. У меня научный руководитель. У меня...

– У тебя сейчас много иллюзий, – перебил Чар, и в его голосе впервые мелькнула тень раздражения. – Но это пройдет, а род останется.

Он говорил так, будто все уже решено. Будто меня не спрашивали.

– Я не хочу быть наследницей, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Я не хочу выходить замуж. Я не хочу никаких женихов. Я хочу доучиться, получить степень и заниматься тем, что мне нравится.

– Ты молода. – Чар покачал головой, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость. – Ты не понимаешь, от чего отказываешься. Я дам тебе все. Деньги, власть, защиту. Никто не посмеет тебя тронуть.

– Меня и так никто не трогает, – парировала я. – Я справляюсь сама.

– Справляешься? – Он усмехнулся. – Айлин, ты даже не представляешь, что тебя ждет в мире людей. Ты – полукровка, ты не имеешь права носить фамилию Тарри. Рано или поздно это выплывет. И тогда никто не заступится за тебя. Только мы.

Он шагнул ко мне, протянул руку – не касаясь, просто так, на расстоянии. Жест, который должен был казаться успокаивающим, но почему-то вызывал только желание отшатнуться.

– Подумай, – сказал он. – У тебя будет дом. Настоящий дом, где тебя примут. Где ты не будешь прятаться, боясь опозорить свою семью. Где твои дети не будут прятаться. Разве ты этого не хочешь?

Я хотела сказать, что у меня уже есть дом. Что моя мама – не идеальна, но она любит меня. Что дядя Тед – со всеми его странностями – всегда был рядом. Что Дорна стала подругой. Что Хильда и Финик – моя семья. Что к оборотням в нашем мире относятся распрекрасно, и да, я просто не хочу позорить свою мать и имя своего отца, пусть и не родного.

Но он не дал мне сказать.

– Видимо, твоя тетя была права, – сказал он, и в его голосе не было сожаления. – Забирать тебя придется сразу. Хорошо, что я подготовился.

Он достал из кармана небольшой камень – тусклый, сероватый, с едва заметными рунами. Я не успела спросить, что это, потому что он резким движением сжал его в кулаке.

Мир дернулся, размылся, сложился в тугую спираль. В ушах зашумело, перед глазами поплыли разноцветные круги. Я зажмурилась, чувствуя, как земля уходит из-под ног, и выдохнула:

– Телепорт?

– Локальный, – услышала я его голос словно сквозь вату. – Не бойся. Все будет хорошо.

А потом меня вывернуло наизнанку – и тьма поглотила сознание.

Я очнулась на холодном камне.

Голова гудела, перед глазами все плыло. Я с трудом приподнялась на локтях и огляделась.

Небольшая площадь, вымощенная светлым камнем, в центре – низкий постамент, на котором я сидела. Вокруг – каменные стены, увитые плющом, а за ними – густой хвойный лес, темный, почти черный в вечерних сумерках.

Недалеко от постамента стояли несколько мужчин. Все как один – светловолосые, с темными прядями-перьями. Совы... все совы! И все смотрели на меня.

– Надо же, как удачно! – раздался бодрый голос Чара откуда-то сбоку, и он легко сбежал с постамента, на котором медленно гасли руны. – Сразу и посмотрим на женихов! Пока, правда, трое...

От страшных слов «женихи», «трое» и «ПОКА» меня прошиб холодный пот, я распахнула глаза и уставилась на не менее любопытно на меня пялившихся молодых мужчин.

– Трое? – прошептала я.

– Трое, – довольно подтвердил мой настоящий отец. – Самые лучшие. Сильные, здоровые, фертильные. Выбирай. Но можно не сейчас...

Вот же... блин!

И как теперь выкручиваться? Я не хочу замуж, я хочу обратно учиться!

– Итак, – сказал Чар Арран рядом со мной с интонацией человека, открывающего приятное мероприятие, – позволь представить...

– Нет, – сказала я.

Он обернулся.

– Что – нет?

– Нет вообще, – твердо ответила я. – Всему и сразу.

И, пошатываясь, встала на ноги, понимая, что просто так складывать лапки и послушно тонуть я не буду.

Хотя бы потому, что у меня уже есть маленький план!

